Игорь ШАФАРЕВИЧ

Зачем России Запад?

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Игорь
ШАФАРЕВИЧ

Зачем России Запад?

Москва
«ЭКСМО»
«АЛГОРИТМ»
2005

УДК 930.85/94(47)
ББК 63.5/63.3(2-2Рос)
Ш 23

Оформление художника *Е. Савченко*

Шафаревич И. Р.
Ш 23 Зачем России Запад? — М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005.— 352 с.

ISBN 5-699-12786-0

По мнению выдающегося мыслителя нашего времени И.Р. Шафаревича, единой истории человечества нет, а были только разные цивилизации: Месопотамская, Египетская, Античная, цивилизации Центральной и Южной Америки и другие. Каждая из них пережила молодость и зрелость, упадок и гибель. Последние 500 лет прошли под знаком западной цивилизации. Однако Запад сейчас на закате своего развития, и, вероятнее всего, XXI век станет веком его гибели.

Будущее России — в самих ее руках. Россия может разделить судьбу Запада и погибнуть, но может пойти самобытным путем. И тогда она, ее народ не исчезнут с лица земли.

УДК 930.85/94(47)
ББК 63.5/63.3(2-2Рос)

ISBN 5-699-12786-0

От автора

В этой книге представлены мои работы, содержащие последние по времени (а по моему возрасту — скорее всего, и окончательные) выводы о смысле переживаемых нашей страной потрясений.

Вопрос этот захватил меня, когда я еще был подростком. Я долго думал о нем и беседовал со своими друзьями. С середины 70-х годов прошлого века я стал свои взгляды записывать и публиковать. Конечно, в самиздате, в надежде на перепечатку и распространение заинтересовавшимися читателями. С конца 80-х появилась возможность и официальной, типографской публикации. Правда, тиражи изданий в последнее время сократились до масштаба, сравнимого с распространявшимися когда-то в самиздате работами. Как говорят французы: чем больше изменений, тем более все остается тем же.

Работа, с которой начинается книга, содержит несколько конспективное изложение сложившихся точек зрения. Пытаясь сделать изложение более доходчивым, я часто формулировал в ней некоторые точки зрения, сводя к минимуму их обоснование. Следующие работы, вошедшие в книгу, как раз содержат более подробные аргументы, подтверждающие эти взгляды.

Здесь я попытаюсь дать совсем краткий перечень основных точек зрения, которые в книге излагаются. Причем изложу их, придерживаясь в основном того по-

рядка, в котором они возникали, то есть начну с самых старых, к которым я пришел еще лет 30 назад.

1. Тот образ жизни, та цивилизация, которая сложилась в Западной Европе и Северной Америке, с одной стороны, и в Советском Союзе — с другой, не только не противоположны друг другу, но представляют собой разные варианты одной цивилизации, основанной на концентрации населения в больших городах, на господствующей роли техники в человеческой жизни и на эксплуатации Природы, приводящей к жестокому экологическому кризису.

2. Эта единая цивилизация возникла в Западной Европе примерно 500 лет тому назад и подчинила своему влиянию многие страны мира. Процесс подчинения ей России занял примерно 300 лет. Решительный перелом в этом процессе (в связи с ним употреблялся термин «год великого перелома») произошел в 30-е годы. Россией тогда был принят центральный принцип западной цивилизации: индустриализация страны за счет деревни. Это осознавалось и руководством страны, пропагандировавшим лозунг «Догнать и перегнать!». Ведь догонять можно того, кто бежит впереди. Это принципиальное признание ведущей, «передовой» роли Запада было конкретнее реализовано в процессе «перестройки».

3. Идейное подчинение России Западу тесно связано с выработанной западной мыслью концепцией «прогресса», согласно которой вся история представляет собой движение в одном направлении и существуют народы «передовые», ушедшие в этом направлении дальше, и народы «отсталые». Эта точка зрения многократно критически разбиралась, опровергалась в работах Данилевского, Шпенглера, Тойнби и многих других историков. Они указывали на то, что единой «истории человечества» не существует, а существуют отдельные

цивилизации: Месопотамская, Египетская, Античная (греко-римская), западная (европейская), цивилизации Центральной и Южной Америки и другие. Каждая из них развивается как организм: от рождения до зрелости, упадка и гибели. С этой точки зрения история человечества за последние 500 лет является эпохой роста и могущества западной цивилизации.

4. Сейчас целый ряд признаков указывает на то, что мы являемся свидетелями упадка и гибели западной цивилизации. Наиболее ярко это проявляется в физическом вымирании тех народов, на которые она опирается. Так, в 1960 году народы европейского происхождения составляли 1/4 населения мира, в 2000-м — 1/6, а в 2050 году, если радикально не изменятся господствующие сейчас тенденции, составят всего 1/10. Есть много и других признаков, указывающих в том же направлении.

5. Таким образом, XXI век, вероятнее всего, будет веком гибели западной цивилизации. Трагикомическую картину представляют различные лидеры западного мира, рассуждающие о том, какие страны они собираются покорять. И это тогда, когда явно гибель стучится в двери их собственного дома! Им было бы естественнее собрать все силы для отражения угрожающей им опасности, но они не способны ее осознать. Нам это понятнее, так как мы такое явление пережили: когда коммунистические вожди решали завоевывать Афганистан, а в то же время гибель нависла над господствовавшим в стране режимом.

6. Будущее России зависит от ее роли в этом неизбежном процессе — гибели западной цивилизации. Россия может разделить судьбу Запада и погибнуть вместе с ним или же найти свой независимый путь исторического развития. Подобно тому, как в период гибели античной цивилизации ее восточная часть нашла

свой путь развития, чем обеспечила себе еще 1000 лет исторического существования в виде Византийской империи. Таким представляется мне роковой вопрос, стоящий сейчас перед Россией.

Взгляды, изложенные в этой книге, сформировались у меня еще несколько лет назад. Я решился их суммировать в одной работе (открывающей книгу и написанной в прошлом году), так как за протекшее время познакомился с некоторыми работами историков, занимающихся историей России и независимо пришедших к тем же взглядам. В основном речь идет о следующих фактах.

а) Быстро надвигающаяся гибель западной цивилизации. Сейчас она подтверждается еще и стремительным вымиранием западных народов и расселением среди них большого числа выходцев из их бывших колоний и вообще стран третьего мира. Благодаря этому те нации, которые определяли когда-то дух и развитие западной цивилизации, утрачивают свой прежний тип жизни — как говорят, ментальность. Громадное число фактов на эту тему, часть из которых я цитирую, собрано в книгах П. Бьюкеннена «Смерть Запада» и С. Хантингтона «Кто мы», недавно переведенных на русский язык. Я имел возможность привести в своей работе лишь небольшую их часть. Представление о гибели, надвигающейся на Запад, широко распространено среди западных мыслителей. Вот точка зрения известного политолога:

«...Обречен ли Запад? Христианин на это скажет, что чудо может произойти — и, дай Бог, произойдет. С точки же зрения политолога — это может произойти только благодаря катастрофе. Конкретнее — обвальному экономическому кризису. Слом «мировой экономики» заставит миллионы людей пересмотреть свои ценности и свой тип жизни. В результате экономической

катастрофы дети перестанут считаться обузой и снова займут свое место в жизни как опора и замена исчезнувшего пенсионного обеспечения. Семья восстановит свою роль фундаментальной экономической ячейки общества. Восстановятся сообщества, связанные общей почвой, родством, исторической памятью, языком, верой и мифами. Враждебные и чуждые группы будут вытолкнуты. И перед лицом трудностей, с которыми человек столкнется, он вновь подымет глаза к Небу.

Альтернативой является конец мира — во всяком случае, такого, в котором стоит жить».

Насколько реальна набросанная автором картина? Мне кажется, что как раз Запад, хотя бы и переживший подобный кризис, скорее всего, не способен создать какой-то новый тип жизни. Слишком велика инерция от движения в одном, определенном направлении. Да и в известных исторических ситуациях новая цивилизация, новый тип жизни создавался новым народом. Правдоподобнее, что обрисованная автором ситуация может реализоваться лишь в не западной части мира.

Для России же ее будущность прежде всего зависит от того, станет ли она неотделимой частью той цивилизации, которую сейчас Запад пытается создать под названием мирового сообщества.

То есть гибельными для нас являются все формы интеграции в мировое сообщество, будь то вступление во Всемирную торговую организацию или же партнерство в борьбе с «мировым терроризмом».

Наоборот, дает шанс выживания — любое отделение от Запада, уменьшение экономической, военной или культурной зависимости от него. Все ценное, что Россия могла получить от Запада, она уже давно усвоила, а сейчас оттуда текут только элементы его распада, заражающие и нас.

б) Мысль, что центральным событием истории России XX века было столкновение коммунистической власти и крестьянства. Много ее подтверждений можно найти в работах западного исследователя А. Грациози, явно очень компетентного в фактической стороне дела. Его мысли суммированы в книге «Великая крестьянская война в СССР: большевики и крестьяне», изданной в 1996 году и появившейся в русском переводе в 2001-м.

Прежде всего автор предлагает рассматривать тысячи крестьянских восстаний во время Гражданской войны (то есть весь период 1918 — 1922 гг.) как единую крестьянскую войну. Он считает ее величайшей европейской крестьянской войной, предлагая включать в нее и коллективизацию с раскулачиванием (1928 — 1933). Автор сравнивает эту войну с Тридцатилетней войной в Западной Европе. Но ведь Тридцатилетняя война была войной религиозной — последней религиозной войной Запада. А в религиозной войне логической целью может быть только истребление противника. Это сопоставление соответствует непримиримому противостоянию эпохи нашей крестьянской войны XX века. Явно война шла не за землю, хлеб или за мобилизацию крестьян в армию. Здесь сталкивались два противоположных мировосприятия, два типа жизни, которым одновременно не жить на земле.

Вот это неожиданное для меня совпадение моих взглядов со взглядами историков, принадлежащих совершенно другому обществу, превратило мою уверенность в выводах, к которым я пришел (она была и раньше), в твердое убеждение.

Темы, затронутые в этой книге, были предметом многих моих выступлений, когда было возможно живое общение с аудиторией. Часто я слышал при этом (или чувствовал невысказанным) вопрос, который в

несколько огрубленной форме звучал бы так: «Хватит молоть языком! Скажите же — что надо делать?» На этот вопрос (а точнее — настроение) я хочу здесь ответить.

Я ни в коей степени не являюсь политиком и не претендую на эту роль. Поэтому я не берусь (да и не способен) формулировать какие-то призывы на тему о том, «что надо делать». Больше того, я не берусь предсказать однозначный путь истории, в рамках которого и можно было бы задать вопрос «Что делать?». Короче — я не претендую на роль исторического пророка. И такая роль вообще мне кажется сомнительной. Достоевский сказал: «Судьбы человеческие в руках Божиих, и человек в них почти ничего угадать не может, хотя и может предчувствовать». Я полностью приемлю эту мысль, и мне кажется, что в переводе на привычный нам более рациональный язык она звучит так. В истории не существует таких «законов», как в естественных науках — когда, например, траекторию ядра можно рассчитать, зная его начальную скорость. Общества развиваются не таким способом, как движутся механические системы, — скорее их развитие похоже на эволюцию вида. От себя добавлю, что, как мне представляется, только благодаря этому и стоит жить. В истории проявляется свобода воли, присущая и человеку, и народу. Поэтому мы можем «предчувствовать» (по словам Достоевского) только разные варианты нашего развития.

Конечно, существует и другой взгляд на историю: что ее можно «рассчитать», предсказать будущее и сказать, «что делать» для его реализации. Это путь Утопии, который не так уж редко воплощается в жизнь. Обычно необходимы радикальные и кровавые меры, чтобы подогнать упрямую действительность под предлагаемую схему. Такие ситуации и приводят к историческим катастрофам.

Поэтому мне представляется более привлекательным рассмотреть иные пути, более органичные. Когда будущее сначала вызревает в виде смутных тенденций внутри народа и только потом более отчетливо формулируется. Вот такие тенденции развития как всего человечества, так и России я пытаюсь рассмотреть в предлагаемых читателю работах.

БУДУЩЕЕ РОССИИ

Предисловие

Здесь содержится итог моих размышлений, которые начались давно — больше двадцати или даже тридцати лет назад. Моя беда в том, что у меня, кажется, сложилась «новая историческая концепция». А историки сейчас этого не любят. Их больше интересует тщательное описание конкретных ситуаций и установление фактов. А «концепции», они считают, можно выдумывать какие угодно — это дело фантазии, а отчасти — исторической неграмотности (в чем есть большая доля правды).

Все же здесь я постараюсь изложить эту «концепцию» (если ее можно так назвать) и некоторые необходимые для ее понимания соображения. Это приводит к другой трудности. Все эти соображения мною обдумывались давно, поэтому многие из них уже излагались в появившихся раньше публикациях. Но ведь здесь нельзя, как в математической работе, написать: «воспользуемся теоремой, сформулированной и доказанной в такой-то работе, на такой-то странице». Поэтому здесь повторяются некоторые мысли, ранее опубликованные.

Но что мне самому наиболее интересно: зачем я это все пишу? Ведь согласно взглядам, которые я дальше изложу (и в справедливости которых совершенно уверен), вся теперешняя жизнь, включая культуру и те методы понимания всех явлений, которыми мы пользуемся, очень скоро разрушится. Вероятно, лет сто или двести (это в лучшем случае) будет вариться что-то но-

вое — а что из этого выварится, и угадать невозможно. Зачем же сейчас излагать какие-то свои мысли? Что ожидает Россию в будущем — потомки наши гораздо лучше узнают на своем опыте. Все это только в надежде, что излагаемые мысли попадутся в руки хоть одному «монаху трудолюбивому» и покажутся ему интересными и тем сохранятся в Истории и помогут ее осмыслению. Это доказывает, что стремление не утратить связь с телом Истории гораздо сильнее, чем со своим физическим телом. Факт, вероятно, имеющий многозначительные последствия в общечеловеческой жизни.

Введение

Основной исходной точкой моих размышлений, как, вероятно, и многих читателей, было желание понять, что произошло с нашей страной и народом. Часто этот исторический перелом характеризуют как то, что Советский Союз проиграл «холодную войну». Мне кажется, что такое понимание очень неточно. Вспомним проигранные войны в XX или в XIX веках. Россия проиграла Русско-японскую войну или Крымскую. Франция — Франко-прусскую и так далее. Во всех случаях проигравшая сторона теряла некоторые территории, выплачивала определенную контрибуцию, подвергалась болезненным геополитическим ограничениям, но не происходило вмешательства в ее внутреннюю жизнь. В нашем же случае были, конечно, и потери территории, более того, страна распалась на части. Можно сказать, что была и контрибуция — размеры ценностей, перетекших на Запад, трудно даже определить, но ясно, что речь идет о триллионах долларов.

Но сверх всего этого радикально была изменена наша внутренняя жизнь — как в России, так и в большинстве ее осколков. Причем все эти изменения носят характер подстраивания под жизнь и требования Запада. Экономика, раньше почти полностью принадлежавшая государству, теперь почти вся находится в частных руках. Возникли колоссальные состояния, появились так называемые олигархи. Фамилии выходцев из России стоят в списках богатейших людей мира. Была принята и политическая система западных стран, осно-

ванная на борьбе партий, выборах, влиянии средств массовой информации, которые, в свою очередь, регулируются финансовой поддержкой. Внешняя политика России теперь основана на безусловной привязке к политике стран и союзов Запада: США, НАТО и так далее. Причем когда Россия шла на крайне болезненные для нее уступки, например в вопросе об отношениях с Сербией, с исламским миром, о собственной обороне, то это никогда не сопровождалось реальными, а не на словах уступками противоположной стороны. То есть подчеркивалось, что они делаются не на основе равноправия, а продиктованы побежденной стороне.

Одновременно была предпринята массированная попытка подавить независимость русского сознания, унизить его и смешать с грязью. Так, радио «Свобода» утверждало, что «перестройка не только должна демонтировать то, что называется тоталитарным социализмом, но и изменить духовный строй русского человека, приблизить его к западному складу сознания». Должна произойти «мутация русского духа»! Нужно «русского человека выбить из традиции». Нам внушалось, именно внушалось без доказательств, что человеческая история имеет характер движения в определенную сторону. Это движение и называется «прогрессом». В нем западные страны ушли далеко вперед, они «передовые», «прогрессивные». А Россия очень отстала, может быть, безнадежно, благодаря как раз той «традиции русского человека», из которой его и надо «выбить».

И более наглядно: когда русские войска уходили из Германии, отдавая геополитические позиции, завоеванные в самой кровопролитной войне истории, им аккомпанировал на барабане явно сильно пьяный президент России. Такая ситуация вообще, насколько я знаю, не имеет прецедентов в истории. Был в Древнем Риме такой сенатор Катон, знаменитый тем, что оканчивал каждую свою речь словами: «Карфаген должен

быть разрушен». Но никому же не приходило в голову предложить, чтобы какой-то вождь карфагенян при этом играл на барабане. И эта красочная картина сейчас довольно часто воспроизводится на телевидении. Более того, этот президент недавно в связи с каким-то юбилеем был награжден за свои заслуги высшим орденом, выдуманным сейчас в новой России. Так что то, что с нами произошло, — это не проигранная война, а победа одной цивилизации над другой, ей чуждой, которую надо истребить, превратить в духовную пустыню, где, как говорится, и трава не растет.

Вот эту ситуацию нам и следует обдумать.

ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Я хотел бы немножко конкретизировать, что мы подразумеваем под западной цивилизацией, чтобы было ясно, о чем идет речь. Что же это за цивилизация такая, во власти которой мы оказались? Мы уже применяли термины «западная цивилизация», «Запад». Ими пользуются многие авторы. Конечно, это очень специфическая цивилизация, зародившаяся в Западной Европе. Позже ее материальный, «силовой» центр переместился в Северную Америку. Она очень неожиданно проявилась в XV — XVI веках. Это была, как ее называют, эпоха великих географических открытий. Положение было парадоксальным. Западная Европа, казалось бы, должна была быть поглощена своими делами. Во Франции еще шла или только что закончилась Столетняя война с Англией. В Германии назревала, а позже разразилась Реформация, сопровождаемая религиозными войнами. Пиренейский полуостров еще не был освобожден от арабов. Турки осаждали Вену. И в это время западноевропейцы с невероятной энергией бросились захватывать территории по всему миру — в Индии, Америке и Африке, вывозя оттуда золото и рабов. Это была первая экспансия западной цивилизации.

Вторая, называемая «коперниканской революцией», была направлена в сторону природы. Началом ее считается, конечно, очень приближенно, появление учения Коперника в середине XVI века. А основные успехи приходятся на XVII век. Тогда были сделаны от-

крытия Галилея, Кеплера, Декарта, Ньютона, создавших дух новой науки. Подобно тому как путешествия XV — XVI веков бесконечно расширили кругозор западных европейцев, так открытия XVII века и последующее развитие науки открыло им целый новый мир звезд, галактик, атомов, молекул. Причем в первом случае была приобретена власть над новыми странами, во втором — над явлениями природы.

Наконец, в конце XVIII и в XIX веке был создан новый экономический уклад, сделавший экономику западных стран во много раз продуктивней. Это то, что обычно называется капитализмом. Основой было полное освобождение экономики от контроля общества — государства, гильдий, цехов, церкви и даже совести. Контроль переходил полностью в руки рынка. Рынок — это удивительная конструкция, нечто вроде громадного компьютера, позволяющего регулировать самые различные стороны производства с целью общего роста экономики. Адам Смит называет его «невидимой рукой». То есть производитель должен думать только о наибольшем возможном доходе, а «невидимая рука» уже сама поведет его в ту сторону, которая нужна для общего роста экономики. И эта конструкция действует тем эффективнее, чем большая часть экономической жизни большего числа людей ей подчиняется. Никакая человеческая контролирующая система не способна с ней конкурировать. Но действие этого компьютера имеет свои границы, которые определяются тем, что рынок способен вообще воспринимать только факторы, выраженные в числах: ценах товаров. Поэтому полностью подчиненная законам рынка экономика по необходимости игнорирует иные требования жизни — такие, как чувство справедливости или сострадания.

Вся рыночная экономика поэтому была построена по типу торговли, а центром ее стала биржа — торговля ценными бумагами. Многое, существовавшее в более

раннем, традиционном обществе, не соответствовало этому новому духу и исчезло. Например, в Англии благотворительность в большой степени была заботой церкви. После конфискации церковных земель при Генрихе VIII она сильно сократилась, но отчасти осуществлялась государством. После английской революции, особенно так называемой «славной революции» 1688 года, общественным мнением благотворительность была вообще отвергнута. Английские экономисты того времени вообще считали бедность не несчастьем, в котором людям нужно помогать, а справедливым наказанием за лень, а также состоянием, благоприятным для развития рыночной экономики. Существует целый ряд цитат самых знаменитых экономических авторов по этому поводу. Зато рыночная капиталистическая экономика оказалась очень удобной для внедрения и создания новой техники на основе последних достижений науки. Последний переворот, связанный со слиянием экономического производства с развитием техники и науки, называется научно-технической революцией, сокращенно НТР. Он занимает XVIII — XX века.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Многие задавались вопросом, чем же объясняется колоссальный рост силы и продуктивности западной цивилизации? Благодаря имеющимся глубоким исследованиям ответ сейчас более или менее ясен. Можно попытаться сформулировать те основные принципы, на которых эта цивилизация базируется. Как мне кажется, можно выделить два наиболее важных. Первое — это постоянно культивируемая и развиваемая с разных точек зрения концепция власти и силы. Она проявилась и в захватах эпохи великих географических

открытий. Ранней формулировкой принципов новой цивилизации считается произведение итальянца Пико делла Мирандола, жившего в XVI веке, «Речь о достоинстве человека». В нем, как часто говорят, отражена психология нового человека, освобождающегося от рабства и покорности авторитетам, чувствующего себя господином Вселенной. Действительно, там Пико заявляет следующее: «Человек может общаться со всеми уровнями Вселенной, может познать последние законы всего, приобрести власть над этим Всем: над людьми и вещами, совершать чудеса, недоступные самой природе». Но путем к такому господству он считает магию и знание некоторых тайн, которые были открыты еще древними мудрецами и дают власть над миром.

Как бы выполняя эту программу, наука XVII века поставила себе целью открытие законов природы. Именно тогда появились этот термин и это понятие: как бы некоторых центральных тайн мира, из которых можно потом вывести все другие его свойства. Многие принципы науки были сформулированы и предсказаны англичанином Френсисом Бэконом в конце XVI — начале XVII века — экспериментальность науки, создание научных коллективов и так далее. Сам он особенных открытий не совершил. Но под его громадным влиянием в следующих поколениях находились величайшие ученые Англии — Ньютон, Гук, Галлей и другие, объединенные в так называемое Лондонское Королевское общество. Бэкон считал, что эксперимент — это насилие или пытка, при помощи которой человек может вырвать у природы ее тайны. Интересно, что и Галилей сравнивал эксперимент с испанским сапогом, в который нужно зажать природу, чтобы она открыла свои тайны. Наука есть некая битва между человеком и природой. Бэконом был сформулирован лозунг «Победить природу». Целью он объявлял установление власти над природой, чтобы распоряжаться ее силами.

Ему же принадлежит формулировка принципа «Знание — сила». Оба эти лозунга были всюду развешаны еще в моей молодости.

Наконец, последние, итоговые системы западной философии Шопенгауэра и Ницше тоже основывались на концепции воли и власти. Последние политические воплощения этого принципа мы видим в немецком национал-социализме и современной политике США. Этот принцип проявился во всех течениях западной идеологии. Например, в ответе Маркса на вопрос: «Ваше представление о жизни?» — «Борьба».

Вторым основным принципом западной цивилизации является полное подчинение чувств и обыденного опыта интеллекту и логике — то, что называется чистым рационализмом. Колоссальные успехи естественных наук были связаны с опорой на гипотезы, не только не извлеченные из опыта, но и принципиально непроверяемые. Типичный пример — это всем известный так называемый первый закон Ньютона, на самом деле сформулированный впервые Декартом, согласно которому тело, на которое не действуют никакие силы, совершает равномерное и прямолинейное движение. Конечно, неограниченное прямолинейное движение предполагает бесконечное пространство, которое мы никак наблюдать не можем, как и тело, на которое не действуют никакие силы, мы также не можем наблюдать. Аристотель, например, посчитал бы подобные высказывания пустым набором слов, так как они утверждают нечто о том, чего нет.

Однако такие абстракции оказались очень плодотворными. Этот чисто рационалистический подход, естественно, сближает науку и технику. Ведь логическое рассуждение, распадающееся полностью на заключения типа: «из *а* следует *б*», может быть смоделировано машиной, в которой движение колесика «*а*» вызывает движение колесика «*б*». Возникшая на этом пути наука

не способна понять и анализировать то, что не подобно машине. И все время возникает идея, что мир — это огромная машина. Еще в XVII веке Кеплер писал: «Моя цель показать, что мировая машина скорее подобна не Божественному организму, но часовому механизму». Термин «мировая машина» — а писали они по-латыни: «*machina mundi*» — встречается с самого зарождения новой науки.

И объектами новой науки были величины, точно измеримые в числах, а законы природы понимались как математические соотношения между этими числами. Все развитие научно-технической революции было связано с постоянным вытеснением живого техникой. Технический прибор всегда считался надежней, и до сих пор считается надежней, чем то, что называется «человеческим фактором». Техника становится ближе и понятнее, чем живое. А в новом поколении уже и компьютер вытесняет даже традиционный способ человеческой коммуникации — книгу. Эти концепции привели к колоссальным успехам в астрономии и физике.

Под влиянием их возникло убеждение, что таким же принципам подчиняются и живые существа и человеческое общество. Примером такой, как называют ее, «социальной инженерии» и была попытка построить в нашей стране коммунистическое общество по разработанному задолго до того плану. Другой такой же попыткой было искусственное введение капитализма.

Западная цивилизация создала и новую политическую систему — демократию, основанную на выборах, борьбе партий. Сначала в Англии и США она основывалась на очень узком избирательном праве для состоятельных людей, и заведомо только для мужчин. Потом круг имеющих голос расширялся. Эта система также основывалась на некоторой абстракции, положении о равенстве всех людей, которого нет, в особенности в материальном и социальном положении. Но эта систе-

ма способствовала стремительному развитию капиталистической экономики и научно-технической революции.

Уже в XX веке западная цивилизация привела к некоторым кризисным явлениям. Например, представление о борьбе с природой, стремление ее победить — к экологическому кризису. Об этом будет подробнее сказано позже. Благодаря этому к ней выработалось в некоторых случаях отрицательное отношение, как к чистой носительнице зла. Например, на Западе иногда это формулируют так, что белая раса — а это, собственно, другой термин для определения западной цивилизации — есть раковая опухоль на теле человечества. Но нельзя забывать, что в период своего расцвета она создала изумительное по красоте искусство: живопись Рафаэля и Рембрандта, скульптуру Микеланджело, музыку Баха и Моцарта, драму Шекспира, роман от Сервантеса до Диккенса и так далее. Во всем этом чувствуется какая-то «божественная красота», никак не укладывающаяся в образ раковой опухоли. Ведь была же причина, почему Петровские реформы были приняты Россией сравнительно легко. Сравнительно, например, с таким явлением, как раскол. Я думаю, тогдашних дворян Запад привлекал не только тем, что показывал, как можно вкусно есть и сладко пить. Ведь это они имели и в своих поместьях в достаточных количествах. Видимо, более чутких из них привлекало новое для них искусство, новые грандиозные философские учения Спинозы и Лейбница, может быть, не всеми до конца понятая, но ощущаемая новая, прекрасная наука. Таков же был путь, которым Запад подчинял себе многие страны: появился слой людей, как бы зачарованных западной культурой. И это оказывало часто более сильное действие, чем огнестрельное оружие, самолеты и атомные бомбы.

ЗАПАД И РОССИЯ

То полное подчинение Западу, которое мы переживаем сейчас, наступило не внезапно. Это был длительный процесс, занявший около 300 лет. Первые изменения в сторону частичного подчинения западному влиянию связывают обычно с эпохой Петра Первого. Конечно, это приближенно, начались они раньше. Эти изменения начались с освоением Россией достижений западной цивилизации, хотя вся страна в целом сохраняла свои традиции. Можно сравнить это с тем, что человек как бы выучил иностранный язык, не утеряв своей национальности. Россия благодаря этому смогла противостоять давлению Запада в целом, в войне со Швецией при Петре Первом, Наполеону, Гитлеру. Она избежала судьбы Индии или Китая, не стала колонией, достигла своих естественных географических границ. И в результате влияния западной, постренессансной цивилизации на русскую, основанную на православной и византийской традиции, возникла великая русская культура XIX века.

Однако этот процесс был далеко не безболезненным для России. Произошел раскол между высшим слоем в обществе, в большей или меньшей степени усвоившим плоды западной цивилизации, и основной частью народа, продолжавшей жить в прежней традиции. Меня наглядно поразило это явление, когда я прочитал описание того, как в 1918 году окрестные крестьяне жгли Михайловское. Причем отнюдь не с целью грабежа, а весело, с плясками под песни и под гармошку. С другой стороны, в России, в правящих ее сословиях, образовался слой людей, подпавших под полное влияние Запада, вечно боявшихся, что их примут не за западных европейцев, а за русских. Благодаря этому политика России часто отстаивала вовсе не русские интересы. Однако к XX веку Россия все же в ос-

новном сохранила свою национальную идентичность. Она осталась в основном монархической, православной страной.

Главное же радикальное различие в путях России и Запада заключалось в отношении к крестьянству. А это был коренной для России вопрос, так как к началу XX века еще 80% населения России составляли крестьяне. Западный капитализм возник за счет разорения крестьянства и перемалывания части его в городской пролетариат. В Англии это было связано со сгоном крестьян с их общинных земель. В США процесс зашел так далеко, что сейчас там только 2 — 3% населения заняты постоянно в сельском хозяйстве. Хотя около 25% экономики работают на него: машиностроительная, химическая промышленность и так далее. То есть общество максимально стремится сократить контакт с деревней, с землей, как с чем-то опасным, вроде радиоактивных материалов. В России же сохранение крестьянства было не только естественным стремлением самого крестьянства, но и сознательной целью администрации. Еще при реформах 1861 года, при освобождении крестьян, была сохранена община именно с целью предотвратить пролетаризацию деревни.

Когда же стало ясно, что община сковывает экономическое развитие, то планы ее реформирования разрабатывались министром Александра III Бунге, позже комиссиями Витте и, наконец, воплотились в реформах Столыпина. Но, что самое значительное, в России был найден реальный тогда путь развития сельского хозяйства в условиях высокоиндустриального общества, а именно — кооперация. Ученые и одновременно общественные деятели этого направления назывались аграрниками. Это были Чупров, Кондратьев, Чаянов, Бруцкус, Студенский и другие. Удивительно, что в Англии и в США существовало такое же движение и даже с таким же названием. Но в то время, как в Анг-

лии и США это ограничивалось манифестами (в Англии об этом писал известный писатель Честертон, в США — менее у нас популярный Тейт), в России кооперативное движение приняло колоссальные размеры. Перед Первой мировой войной им было охвачено более половины крестьянского населения, считая с семьями.

Здесь происходило действительно столкновение разных принципов. Крестьянский труд предполагает личное решение, что и как сеять, как жать, когда жать, когда свозить и так далее. В этом смысле он столь же творческий, как труд поэта или ученого. Внешне крестьянин столь не похож на поэта, что трудно поверить в сходство их дела. Но главное, самое существенное — совпадает. С той разницей, что пока общество не приобрело чисто городской характер, земледелие остается единственной формой творческого труда, открытого для большей части населения. Как пишет Чаянов, к крестьянскому хозяйству неприменимы понятия стандартной политэкономии — рента, эксплуатация, доход. Там была, как он пишет, своя концепция выгодности. То есть выгодой для крестьянина был не доход, а возможность заниматься своим трудом. И то же, я думаю, сказал бы и любой художник или ученый о своей работе. Благодаря этому, говорит Чаянов, индивидуально-трудовое крестьянское хозяйство в кризисных ситуациях оказывалось более устойчивым, чем хозяйство, ориентированное на доход. Оно могло какое-то время мириться с уменьшением дохода, идти на увеличение усилий, не оправданное доходами. Но именно благодаря этим чертам оно плохо интегрировалось в капиталистическое хозяйство. Ведь рынок функционировал только в терминах цен и доходов. Да и весь дух западной цивилизации, представляющей себе мир как машину, был крестьянскому хозяйству противоположен.

Разработанная направлением «аграрников» концеп-

ция кооперации была ориентирована на то, чтобы сохранить этот творческий характер крестьянского труда. Предполагалась кооперация тех областей деятельности, которые не были связаны непосредственно с производством. Например, сбивание сметаны в масло, трепка льна, получение ссуды в городском банке (минуя деревенского богатея-«мироеда»). Масштабы этой деятельности были колоссальны. Например, созданные до войны 1914 года кооперативные объединения «Маслоцентр» и «Льноцентр» были крупнейшими мировыми поставщиками масла и льна. Перед войной маслоделие давало больше продукции (в рублях), чем вся русская золотодобывающая промышленность.

Таким образом, то, что Россия вплоть до начала XX века оставалась в подавляющей своей части крестьянской, показывает, что она далеко не подчинялась тогда нормам западной цивилизации.

КАК ЗАПАД ПОДЧИНИЛ РОССИЮ

В начале XX века Россия стояла еще перед выбором. В ней действовали силы различного направления. Впервые решающий перелом, как мне представляется, произошел в результате революции 1917 года. Казалось бы, победила коммунистическая власть, яростно антикапиталистическая. Но как нередко бывает в истории, разнящиеся по своей внешности движения выражают одну и ту же историческую тенденцию. Так и коммунизм в форме победившего у нас марксизма был чисто западной концепцией, выработанной на Западе. И, как считали его создатели, осуществлена она должна была быть прежде всего в западных странах, что долгое время очень смущало советских вождей. Он опирался на ту же самую западную концепцию прогресса, выступавшую в нем в виде закономерной смены экономических формаций.

Основная идея всех социалистических учений (включая и марксизм) — создание единого хозяйства, управляемого из центра, как машина. То есть это был тот же принцип западной цивилизации, только машина управлялась не рынком, а государством. Именно поэтому новая власть в России пользовалась значительной западной поддержкой — и интеллигенции, и идеологов Запада, и многих его финансистов. Причина этого на первый взгляд загадочного явления, примеров которому очень много, заключается в том, что речь шла о воплощении в жизнь тех же принципов. Новая власть уничтожала традиционные стороны русской жизни, мешавшие торжеству в ней принципов западной цивилизации: религиозность, монархические чувства, и прежде всего крестьянское индивидуально-трудовое хозяйство. Последнее и составляло основную проблему новой власти. Крестьянство также восставало против попыток уничтожить его жизненный уклад, подчинив его общегосударственному хозяйству (как это называл Ленин) через комбеды, коммуны и продразверстку, как некогда против помещиков: то есть фактически против малоземелья, которое тоже делало невозможным их труд и гнало их в город.

Поэтому же и на политику новой власти крестьяне ответили тысячами восстаний по всей России — фактически единой крестьянской войной. Ярость противостояния можно оценить, например, по записке Ленина под названием «Товарищи рабочие, идем в последний, решительный бой». Там можно прочитать: «Волна кулацких восстаний перекидывается по России. Если бы кулакам удалось победить, мы прекрасно знаем, что они бы беспощадно перебили сотни тысяч рабочих, восстанавливая каторгу для рабочих. Так было во всех прежних европейских революциях. Везде кулачье с неслыханной кровожадностью расправлялось с рабочим классом. Никакие сомнения невозможны, кулачье —

бешеный враг советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстание кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Беспощадная война против этих кулаков! Смерть им! Рабочие должны железной рукой раздавить восстание кулаков. Беспощадное подавление кулаков, этих кровопийц, вампиров, грабителей народа, спекулянтов, наживающихся на голоде».

Кто же такие были эти кулаки? В этом же тексте Ленин говорит, что кулаков не более двух миллионов. С другой стороны, он много раз повторяет, что в истории счет идет на десятки миллионов. Как он пишет часто, «меньше не считается». Это его любимая фраза была. Тогда спрашивается, чем же так безумно опасны эти два миллиона? У них нет ни бронепоездов, как у власти, ни аэропланов, ни артиллерии. Только ружья, принесенные с фронта, и вряд ли много патронов к ним. Как они могут перерезать бесконечное — это, конечно, признак эмоционального возбуждения — число рабочих? Получается какая-то бессмыслица. Если только кулак — это не эвфемизм, то есть другое обозначение — крестьянства. Крестьян-то действительно были десятки миллионов.

Вот против них и зовет Ленин в последний и решительный бой. Конечно, судьба крестьянства была предопределена, как всегда в борьбе города с деревней. В тот момент, ввиду ряда обстоятельств, крестьяне от власти отбились, принеся многомиллионные жертвы. Власть вынуждена была объявить НЭП, приняв многие требования крестьянских восстаний. Но лет через 7 — 8 попытка была предпринята вновь, и тогда удалась на более длительный период. Причем опять под колоссальным террористическим нажимом, который опять назывался раскулачиванием. Здесь можно видеть про-

явление аналогии: борьба города с деревней имеет такой же характер, как борьба человека с Природой. В каждом отдельном месте человек сильнее природы и может ее «победить». Реакция Природы — это гибель целых ее областей, вымирание, грозящее и гибелью человека, который как-никак — часть природы. Осознав это, он отступает (если еще не поздно).

Как известно, принятию курса на сплошную коллективизацию предшествовал ряд бурных съездов партии — XIII, XIV, XV. Я хочу предложить отчасти новую интерпретацию этих съездов. На них лидеры оппозиции менялись. Например, на XIII ее возглавлял Троцкий. Противостояли ему Зиновьев, Каменев и Сталин. А на XIV оппозицию возглавлял уже Зиновьев при поддержке Каменева. А противостояли ей Сталин, Бухарин и другие. Но требования оппозиции сводились всегда к одному. К возобновлению наступления на деревню. Мне представляется, что наиболее активная и энергичная часть партии — те, кто собирался на съезды и партконференции, те, кто их выбирал, — именно этого и требовала.

Для нее, для самых принципиальных ее членов, величайшей травмой было отступление НЭПа. Эта часть и требовала реванша. Среди членов партии было тогда очень много самоубийств. «Правда» сообщила, например, что в 1925 году 14,7%, то есть почти 15% от умерших членов партии, покончили с собой. А социологи считают, что 1 — 2% — это норма, или даже, как они пишут, критический уровень для любой социальной группы. Изданные сейчас сводки ОГПУ, высылавшиеся тогда очень узкому кругу руководства, сообщают, что в 1922 году из партии выходят, как они там пишут, «целыми комячейками». Вследствие, опять же, как пишут, «несогласия с новой экономической политикой».

Это в Поволжье, в северном крае, в Сибири, в юго-восточном крае.

Видимо, у партии в целом и не было другой программы, кроме идей военного коммунизма. Ведь идеи военного коммунизма просто совпадали с принципами «Коммунистического манифеста». Так, например, в «Коммунистическом манифесте» были предсказаны трудармии Троцкого. Именно на этих идеях партия создавалась в подполье и эмиграции. Благодаря им вырабатывала особую психологию ордена. Это была принципиальная, идейная основа тех оппозиций. Наконец, более чуткая часть руководства, включая Сталина, поняла, что только на этой основе можно сплотить партию, и приняла ее. Менее чуткими были Бухарин и другие, которые ее не приняли. Но и они сопротивлялись лишь до тех пор, пока не стало ясно, что план удался. Это были, так сказать, чисто тактические разногласия. Да и Сталин при первых столкновениях лишь обвинял их в излишней осторожности, сравнивал даже с чеховским человеком в футляре.

Я называю свою точку зрения лишь отчасти новой, так как Троцкий, уже в эмиграции, не раз заявлял, что «Сталин украл его программу». Но тогдашние его высказывания, в ярости борьбы, малоубедительны. Впрочем, и Сталин, в период борьбы за «сплошную коллективизацию», сказал (видимо, возражая против подобных обвинений), что «если бы мы пошли за авантюристами типа Троцкого и Зиновьева, то мы бы тогда провалились». Возможно, что главная заслуга Сталина и состояла в том, чтобы угадать правильный момент, когда за годы НЭПа страна подкормилась, были укреплены армия и ОГПУ и т.д. Вроде ленинского «сегодня рано, послезавтра — будет поздно».

Вообще же это любопытный и далеко не единственный случай в истории, когда оппозиционная группа

подсказывает большой социальной структуре правильную для нее стратегию. Вот пример, который мне кажется красивым. В конце XII века в городе Лион во Франции сложилась некая религиозная группа вокруг Петра Вальдуса. Они обратились в Рим с просьбой разрешить им создать нищенствующий орден. Их отослали к одному кардиналу, который проэкзаменовал их по некоторым богословским вопросам и выяснил, что они в них неграмотны. В просьбе им было отказано. Группа ушла в подполье, стала быстро радикализироваться и еще несколько столетий будоражила Европу. Это была так называемая ересь вальденсов. Но зато когда через некоторое время с аналогичной просьбой обратился Франциск Ассизский, то Святой престол не отказал ему. И орден францисканцев играл громадную стабилизирующую роль в средневековом обществе, в тот его период, когда существовала колоссальная нищета и забитость народа.

Но вернемся к России. Аргументируя необходимость массовой коллективизации, Сталин как-то сказал, что без этого невозможно осуществить индустриализацию страны. Конечно, речь шла об определенном пути индустриализации. Но это и был лаконично сформулированный принцип западного капитализма. Индустриализация за счет деревни. Таким образом, Россией именно тогда, как мне кажется, был принят западный путь развития. Элемент заимствования, подражания осознавался тогдашним руководством. Это проявлялось, например, в лозунгах «Догнать и перегнать». Выпускались даже изделия со штампом «ДиП» — догнать и перегнать. Я помню эти лозунги, висящие просто повсюду, в моем детстве, в тридцатые годы. А ведь догнать можно только кого-то, кто бежит впереди. То есть, кого признаешь лидирующим. Таким образом, Россия была вынуждена надолго принять принцип раз-

вития западной цивилизации, поставить себя в положение догоняющей. Это, естественно, изменило и отношение ко всем ценностям западной цивилизации. Они стали выглядеть привлекательными. И были восприняты верхним слоем коммунистической власти. Во время перестройки эти принципы были полностью осуществлены путем приватизации, юридически оформлены и легализованы.

КРИЗИС ЗАПАДА: МАТЕРИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Сейчас сложилась парадоксальная ситуация. Россия, как уже было сказано, попала в полное подчинение Западу. Но сам Запад переживает кризис, причем вероятнее всего, это агония. На Западе уже давно такой взгляд высказывался. Наиболее сенсационной была в свое время очень яркая книга Шпенглера «Закат Европы», опубликованная сразу после поражения Германии в Первой мировой войне. Автор рядом примеров доказывает ложность идеи единого непрерывного развития человечества, концепции прогресса. Эту концепцию он считает лишь продуктом западной культуры. Он пользуется термином «культура» вместо «цивилизация». История, с его точки зрения, состоит из разных культур, развивающихся от рождения до гибели, как независимые организмы.

Впрочем, та же точка зрения была развита Данилевским в книге «Россия и Европа» на полвека раньше. Там он пишет, в частности: «И прогресс состоит вовсе не в том, чтобы все время идти в одном направлении, а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях». А еще десятилетиями позже Шпенглера — английским историком А. Тойнби в громадном

труде «Постижение истории» в 12 томах. Наконец, уже в последнее время (опубликовано в 1993 г.) ведущий западный специалист в новой области — «крестьяноведении», Теодор Шанин пишет, почти повторяя Данилевского: «Нет единой истории человечества. Есть десятки историй разных обществ. Разные страны движутся в разных направлениях, разные классы движутся разными путями, разные группы — разными типами движения». И путем ряда сопоставлений Шпенглер приходит к выводу, что западная культура находится в стадии конца, умирания. Эту стадию в любой культуре он называет цивилизацией. Хотя Шпенглер определял длительность этой стадии в несколько столетий, но все восприняли ее как пророчество о ближайшем будущем. И когда в ближайшее десятилетие такого видимого заката не произошло, интерес к его работе постепенно упал.

Но в последние годы на Западе опять появляется ряд книг под названиями «Смерть Запада», «Самоубийство Запада», «Смерть христианской культуры», «Последние дни мира белых» и так далее. Явно происходит возврат к настроению когда-то столь популярного «Заката Европы». Из этих обзорных работ, равно как и из большого числа публикуемых статистических материалов, мы видим удивительную картину внутреннего угасания и разложения Запада на фоне как раз максимального достигнутого им физического могущества. Представляется образ человека, обладающего арсеналом смертоносного оружия вроде атомных бомб или крылатых ракет и умирающего от пожирающего его недуга, чахотки или СПИДа. Впрочем, нам-то не пристало удивляться подобной картине. Ведь и коммунистическая империя на наших глазах распалась от внутренних причин, разъедавших ее, в момент своей наибольшей внешней силы.

Дальше я изложу сведения, которые приводятся в

западной литературе по этому поводу, разделив их по двум признакам: на те, что носят чисто материальный характер, и на те, которые больше относятся к духовной жизни. Прежде всего многие из упомянутых книг приводят факты, свидетельствующие о том, что Запад умирает в буквальном смысле. С громадной скоростью сокращается население западных стран. Это столь нам знакомое явление — сокращение населения. Поскольку мы с ним резко столкнулись в своей стране, то восприняли как болезненное явление именно нашей жизни, и не сразу бросилось в глаза, что на самом-то деле это явление более широкое.

Например, если в 1960 году европейцев, американцев, канадцев и австралийцев было 750 миллионов человек и они составляли четверть от трехмиллиардного населения мира, то за прошедшие 40 лет население Земли увеличилось до 6 миллиардов, но европейские нации практически не выросли, а многие сократились. Если предположить такое же развитие и в будущем, то к 2050 году население мира вырастет еще на 3 миллиарда, но исключительно за счет народов Азии, Латинской Америки и Африки. В 1960 году люди европейского происхождения составляли четверть мирового населения, в 2000 году одну шестую, а к 2050 году по прогнозам составят лишь одну десятую.

Средний уровень рождаемости в нашей стране катастрофичен, он составляет 1,35 ребенка на одну женщину. Но он ненамного лучше и в Европе — 1,4, а ведь для воспроизведения населения он должен быть, по крайней мере, 2,1. На протяжении последних 10 лет средний уровень рождаемости в Германии был равен 1,3, еще меньше, чем в России. Это значит, что к 2050 году население Германии сократится с 85 до 59 миллионов. Если не учитывать иммиграции, то к 2100 году ее население будет 38,5 миллиона. В Италии средний уровень рождаемости равен 1,2. При его сохранении к

2050 году население ее с 57 миллионов упадет до 41 миллиона. Ниже всего среди западноевропейских стран уровень рождаемости в Испании, где он равен 1,07. Это предсказывает сокращение населения на одну четверть за 50 лет. В 1950 году население Испании в три раза превышало население соседнего Марокко, а к 2050 году Марокко будет иметь вдвое большее население, чем Испания.

Этот фактор пока еще не так ярко проявляется, потому что компенсируется массовой иммиграцией в западные страны. Так, специалист по демографии Римского университета Антонио Галини утверждает, что уже сейчас Италия целиком зависит от иммигрантов, которые только и позволяют выдержать стране бремя пенсионного обеспечения. В Германии большая часть иммигрантов — турки, во Франции — алжирцы, негры из бывших колоний, в Англии — жители бывшего Британского Содружества. При сохранении тех же темпов иммиграции уже в этом столетии англичане составят меньшинство жителей своей страны.

Наиболее парадоксально положение в США. Общая демографическая ситуация там не так катастрофична. Население, кажется, не сокращается, но состав его в последние годы радикально изменился за счет иммиграции. В 1990-х годах иммигранты и их дети обеспечили весь прирост населения в таких штатах, как Калифорния, Нью-Йорк, Иллинойс, Массачусетс. Наиболее заметная часть потока иммигрантов течет через границу США и Мексики — это латиноамериканцы. За 1990-е годы количество жителей США мексиканского происхождения возросло вдвое, до 21 миллиона человек. Это касается только легальных иммигрантов, а число нелегальных неизвестно, приблизительно оценивается в 6 миллионов. Собственно почти все жители США — иммигранты или их потомки. Но новые иммигранты привносят с собой и совсем

новые черты. Они, как правило, совсем не стараются ассимилироваться, стать обычными американцами, как было раньше. Большая их часть оседает в южных штатах, которые они рассматривают как незаконно отнятые когда-то у них земли, что исторически вообще-то совершенно справедливо. Примерно половина Мексики была аннексирована в свое время Соединенными Штатами. Своей истинной родиной они продолжают считать Мексику. В Техасе есть города, объявившие испанский язык официальным. В Калифорнии в ряде школ преподавание ведется на испанском. Несколько раз поднимался вопрос о переименовании штата Нью-Мексико в Нуэво-Мексико, как он назывался до американской аннексии. Функционирует организация, ставящая себе целью создание нового государства Ацтлан с мексиканским населением, со столицей в Лос-Анджелесе. Сейчас белые уже стали меньшинством в Калифорнии. В 1990-е годы Техас принял около 3 миллионов новых жителей. Испаноязычное население составляет там 33%. По расчетам демографов, к 2050 году белые, потомки европейцев, составят в штате меньшинство. Можно считать, что США перестали быть плавильным котлом наций, как они говорили «*melting pot*», чем так гордились, что считали основной стороной американской жизни.

Иммигранты из стран третьего мира являются, конечно, жертвами политики Запада, разрушившего их традиционный образ жизни. Но в странах, где они расселяются, они, в свою очередь, разрушают сложившийся там образ жизни.

Массовая иммиграция не является всего лишь признаком ослабления западного мира, неспособного защититься от напора пришельцев. С ней связаны и крупные экономические интересы. Так, предприниматели приобретают дешевые рабочие руки, особенно это касается нелегальных иммигрантов, не имеющих воз-

можности отстаивать свои права. За голосами новых иммигрантов охотятся политические партии, обещают им разные уступки. Как обычно, где замешаны крупные деньги, там расцветает либеральная мысль. Сейчас на Западе получил гражданство термин «политкорректность», играющий примерно ту же роль, что выражение «антисоветские настроения» в эпоху коммунистического режима. Это обвинение, не требующее доказательств. Так вот, любой призыв к ограничению, регулированию или хотя бы учету иммиграции объявлен неполиткорректным. Если взглянуть более широко, то становится ясно, что иммиграция совершенно необходима для компенсации падения рождаемости, поскольку Запад желает сохранить привычный уровень комфорта и социальной защищенности — работать-то кто-то должен. Он стоит перед выбором: либо резко увеличить налоги, снизить пенсии, льготы по лечению, либо пойти на заселение своих стран выходцами из третьего мира.

Можно возразить, что пессимистические прогнозы легко формулируются и оказывают широкое влияние, но не всегда оправдываются. Возникает сомнение, не так ли обстоит дело и теперь. Крупный американский политик и политолог Патрик Бьюкенен обсуждает этот вопрос в книге «Смерть Запада» и приходит к следующему выводу: смерть Запада — не предсказание, не описание того, что может произойти в некотором будущем, это диагноз, констатация происходящего в настоящий момент. Нации первого мира вымирают. Они оказались в глубоком кризисе не потому, что случилось что-то с третьим миром, а потому что чего-то не случилось у них самих, в их собственных домах.

Другой признак упадка Запада связан с его экономикой. Капитализм, обеспечивающий колоссальную производительную мощь Запада, является очень парадоксальным явлением. На это указал исследовавший

генезис капитализма Зомбарт еще в XIX веке в книге «Буржуа» и других работах. Главным фактором, обеспечивавшим неслыханный успех капиталистической системы хозяйства, он считает явление, которое характеризует сложным термином «коммерциализация хозяйственной жизни». Под этим он подразумевает, что благодаря рынку центр тяжести хозяйства перемещается с непосредственного производства на торговые операции. Человеческие, хотя бы и примитивные, эгоистические стимулы, как: нажить капитал, повысить свой социальный статус, приобрести дворянство и так далее, — вытесняются более абстрактными целями, например неограниченным увеличением капитала компании. Перед экономикой стоят нечеловеческие цели.

Это осуществляется при помощи определяющей роли, которую играют банки, продажа ценных бумаг и биржа. Теоретический анализ Зомбарта был очень ярко подтвержден реальностью XX века. Действительно, крупнейший кризис экономики XX века в 1929 — 1933 годах начался именно с биржевого краха на Нью-Йоркской бирже, так называемый «черный» четверг 29 октября 1929 года. Да и теперь состояние мировой экономики определяется индексом продажи определенных бумаг на бирже, а не уровнем производства предметов, необходимых в реальной жизни. Во второй половине XX века эта линия развития совершила еще один резкий виток. Согласно различным оценкам, сейчас в сфере биржевых спекуляций вращается в десятки, а по некоторым данным, в сотни раз больше средств, чем в сфере реальной экономики, то есть колоссальные денежные суммы реально ничтожно мало обеспечены.

Это усиливается еще и тем, что в 1944 году на конференции в Бреттон-Вудс ведущие капиталистические страны согласились принять в качестве мировой валюты американский доллар, который обеспечивался золотым запасом США. Но в семидесятые годы это обеспе-

чение было аннулировано правительством США. Надо еще заметить, что печатание доллара доверено группе частных банков Соединенных Штатов, которые могут печатать любое количество долларов: так называемой Федеральной резервной системе. Мировая экономика приобрела характер тех пирамид, которые у нас расплодились в девяностые годы. Ее судьбу трудно иначе себе представить, как неизбежное в таких ситуациях банкротство. Оно бы уже и произошло, если бы существующее положение не было выгодно мировому финансовому капиталу и особенно грандиозным транснациональным компаниям. Они и поддерживают это положение, иногда чисто силовыми методами. Например, атакой на конкурирующую с долларом валюту. Руководители Федеральной резервной системы — сначала Волькер, а потом Гринспан заявили, что мир сейчас переходит в новый этап экономического развития, в постиндустриальную экономику. Реально это и выражается в том, что в спекулятивную экономику вкладывается все больше средств, сравнительно с экономикой производящей.

Это естественный итог эволюции западного капитализма. Он начал развиваться в Англии за счет деревни. Крестьяне были согнаны со своих общинных земель. В поисках работы они бродили по стране, их ловили, клеймили раскаленным железом, вешали. Так, с одной стороны, создавался городской пролетариат, с другой, за счет доходов с захваченных земель создавалась промышленность. В результате в Западной Европе и Северной Америке крестьянство было сведено к малой части населения, а его духовное, этическое, эстетическое влияние на общество уничтожено.

Теперь, всемерно укрепившись, капитализм аналогично стремится покончить со всяким реальным производством. Да и картина жизни получается полностью искаженной. В доходы сейчас зачисляются выигрыши

при спекуляциях на бирже. В результате кажется, что жизненный уровень быстро растет. Но западные критики этой ситуации приводят такой аргумент. Положим, что была бы легализована проституция или торговля наркотиками. Были бы созданы акционерные компании, которые выпускали бы акции, продававшиеся на бирже. Тогда можно было бы сказать, что жизненный уровень вырос еще во много раз. Но если считать по так называемым потребительским корзинам, по тому, что реально нужно для семьи, включая медицинское обеспечение, образование и все инфраструктуры, тогда выходит, что жизненный уровень неуклонно понижается и в США, и в других западных странах. Вот уже сообщают об отключениях электроэнергии в Калифорнии тамошними Чубайсами — такое знакомое для нас явление. Это ли не признак кризиса? Но ведь раковая опухоль гибнет после того, как она уничтожит организм, в котором она существовала. Таково же положение капиталистической экономики в западной цивилизации.

КРИЗИС ЗАПАДА: ДУХОВНЫЕ ФАКТОРЫ

Во-первых, это потеря западными странами своего национального лица, как говорится, «идентичности». Положение в США подробно обсуждается в книге известного политолога Хантингтона «Кто мы?», изданной в 2004 году и в том же году переведенной на русский. Главным разрушительным фактором является колоссальная иммиграция латиноамериканцев, в основном мексиканцев. Рядом статистических данных автор убедительно показывает, что эти новые американцы совсем не хотят ассимилироваться. Например, они не торопятся хорошо овладеть английским, стараются сохранить владение испанским. Им чуждо американское

стремление к большему заработку, они готовы довольствоваться более низким уровнем образования. Создается опасность, что американский народ перестанет объединяться единым «символом веры», как его называет автор. Уже в следующем поколении США могут стать двуязычной и двухкультурной страной.

Другой признак был указан еще Шпенглером, который писал: «Для западноевропейского человека уже нечего ожидать великой живописи или музыки». Это предсказание выполнилось. Но сейчас видно, что и великая литература западной цивилизации осталась в прошлом. В XX веке уже не возникали и великие философские системы, такие, как Канта или Гегеля. И даже грандиозная система материалистического, естественно-научного описания мира, может быть, величайшее по красоте и широте замысла творение западной цивилизации, видимо, тоже кончается. Все знают или, по крайней мере, слышали о переворачивающих наше представление о мире научных открытиях первой половины XX века, таких, как квантовая механика, теория относительности, генетика. В последней был открыт материальный носитель наследственности — ген, обнаружено линейное расположение генов в хромосоме.

То же, что происходило во второй половине XX века, как мне кажется, является лишь реализацией высказанных ранее идей. А ведь именно культурными своими достижениями западная цивилизация стала привлекательной для представителей других цивилизаций. Эта обаятельность созданной на Западе цивилизации помогла ей привлечь к себе представителей некоторых слоев других народов и облегчала ее экспансию в неменьшей степени, чем порох или канонерки. Однако теперь все это блистательное развитие уже позади. Такие имена, как Микеланджело или Ньютон, принадлежат сейчас Западу в такой же мере, как Пракситель или Архимед. Это — история, общая для всего человечест-

ва. А сомнительно, чтобы одни крылатые ракеты, атомные бомбы и счета в швейцарских банках смогли заменить эту притягательную сторону западной цивилизации. Когда сейчас говорят о великих достижениях человечества, то вспоминают о спутниках и компьютерах. Но ведь это не наука, цель которой открывать законы природы, а техника. И невольно вспоминается предсказание Шпенглера, который писал, что обычно все силы угасающей культуры сосредотачиваются на развитии техники. Да и современная техника настолько тесно связана с самыми последними достижениями науки, что трудно себе представить развитие одной без другой.

К духовным сторонам западной жизни следует отнести и терроризм. Сейчас его связывают исключительно с исламским миром. Но предшествующий взрыву двух башен в Нью-Йорке широко известный теракт в США произошел в Оклахома-сити, когда погибло 168 человек. Пресса немедленно объявила виновными мусульман, но пока их искали, выяснилось, что взрыв совершил чистый англосакс по фамилии Вей. (Его как раз недавно казнили.) Да и теперь в США часто — приходит в школу ученик младших классов и убивает из винтовки нескольких своих соучеников. Полицию сначала поражала меткость. Иногда из шести выстрелов шесть попаданий. Потом выяснили причину. Оказывается, широко распространена детская игра, где у ребенка есть нечто вроде пистолета, а на экране монитора движутся люди. Если он метко нацелится и нажмет спуск, то на экране фигурка падает, течет кровь, разлетаются мозги. Так и отрабатывается меткость. Выяснилось, что это гораздо более дешевый способ учить меткой стрельбе, чем принятый раньше полицией. В результате полиция стала массово закупать эту детскую игру для обучения своих сотрудников. Терроризм проявился и в Италии, и в Германии, причем отнюдь не

как протест беднейших слоев. В Германии чуть ли не сын канцлера был замешан. То есть это протест против самого духа жизни Запада. Как и наркомания, уровень которой особенно высок в богатых странах.

Духовной основой западной цивилизации некогда служило христианство. Это была христианская цивилизация, хотя и основывавшаяся на специфическом христианстве, протестантско-кальвинистском, но все же в основе отношения к жизни представителей западной цивилизации лежал определенный комплекс христианских ценностей. И мы видим, что сейчас именно эти ценности враждебно атакуются господствующей идеологической верхушкой капиталистического общества.

Президент Чехии Гавел сказал: «Мы создали первую атеистическую цивилизацию в истории человечества». Хотя нам-то известно, что таких «первых цивилизаций» было уже много. Но несомненно, что на Западе сейчас действительно сложилась антихристианская цивилизация. Всякое напоминание о христианском прошлом Запада вызывает раздраженные протесты. Так, когда в 1998 году во Франции предполагалось празднование 1500-летия крещения короля франков Хлодвига, то все левые партии объединились в протесте, но двухсотлетие Французской революции отмечалось за несколько лет до того, как общенациональное торжество с прибытием глав многих государств. В Англии и Франции около половины населения, согласно переписи, заявили, что они не верят ни в какого Бога. В ряде стран, например в Великобритании, из присяги члена парламента изъяты слова, указывающие на христианскую веру.

В США Верховный суд постановил изъять из школьных и публичных библиотек все экземпляры Библии и творения отцов церкви. Запрещены молитвы в школах и колледжах США, запрещается молиться или даже перекреститься перед студенческими сорев-

нованиями. В ряде случаев судебным постановлением указано убрать кресты или доски с выбитыми на них библейскими заповедями. Судебное постановление требует убрать со всех документов девиз штата Огайо, содержащий цитату из Священного Писания. В большом числе расплодились кощунственные изображения вроде статуи «Писающий Христос» или коллажа «Богоматерь Гваделупы» почти нагой, в бикини. Кроме этих нападок, имеющих целью вытравить даже память о христианском прошлом, другие нацелены на традиционные, хотя бы и не только христианские ценности.

Такой является мощная кампания, имеющая целью вырвать женщину из семьи. В XIX веке американские профсоюзы боролись за зарплату, на которую рабочий мог бы содержать всю семью, включая и жену. В рабочей газете было написано: «Мы надеемся, недалек тот день, когда мужчина сможет обеспечить свою жену и семью, не заставляя женщину трудиться в нечеловеческих условиях на хлопчатобумажной фабрике». Такая система, когда зарплата мужчины предполагала его способность содержать семью, утвердилась в США к 1960-м годам. Но тогда возникло феминистское движение, объявившее такое положение одним из методов угнетения женщины и противоречащим конституции. Десятки миллионов женщин переместились в офисы. Средняя заработная плата женщин повысилась, соответственно, зарплата мужчин понизилась. Теперь уже женщина по необходимости должна была работать, чтобы вместе с мужчиной содержать семью. Это изменение произошло при поддержке движения феминизма, объявившего семью пережитком рабства.

Но теперь освобожденная женщина уже не может рассчитывать на прежнюю многодетную семью. Проблема была решена широкой кампанией за свободу абортов. В 1973 году Верховный суд США признал право на аборт одним из конституционных прав. В резуль-

тате изменилось как отношение к абортам, так и их доступность. За 10 лет число абортов в год увеличилось до полутора миллионов. С тех пор их было сделано 40 миллионов. Римский папа назвал растущее число абортов победой культуры смерти. И действительно, одновременно пропагандируется и эвтаназия, то есть право врача на помощь в самоубийстве безнадежно больному. При этом учитывается и довольно стандартная ситуация, когда пациент не может сам принять решение и тогда оно принимается комиссией из представителей родственников, врача и юриста. Эвтаназия применяется и к новорожденным. Соответствующий закон уже принят в Голландии.

Потеря традиционных ценностей, еще несущих следы христианского происхождения, и стремление к максимальному комфорту, то есть к «жизни для себя», вызвали ответную реакцию. Стали модными любые формы жизни, лишь бы они не были связаны с продолжением рода, — гомосексуализм, лесбиянство и так далее. Они даже стали господствовать в жизни. Так, корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» пишет: «Три четверти людей, решающих, что поставить на первую полосу нашей газеты, оказались ярко выраженными гомосексуалистами». Когда организация бойскаутов подтвердила запрет гомосексуальных отношений в их среде, это было осуждено верховным судом штата Нью-Джерси и вызвало бурю протеста в печати.

Наконец, я хочу еще вернуться к книге Хантингтона. Он описывает раскол западного общества на верхний, правящий слой и остальную часть народа, живущих совершенно разными взглядами и жизненными ценностями. Картина, очень похожая на Россию XVIII — XIX вв. Этот верхний слой называют также «золотыми воротничками», «давосскими мальчиками», «космократами». Они космополитичны по воспитанию, да и работают чаще в транснациональных компа-

ниях. Как показал социологический опрос, «от этих людей скорее, чем от бедных и необразованных, можно услышать, что они покинули бы свою страну, если им пообещают удвоение доходов». Как пишет один профессор из Принстона, «американским студентам просто стыдно слушать, что прежде всего они являются гражданами США». Их идеологи проповедуют «эрозию национального суверенитета» и «присягу мировому содружеству». Автор оценивает число «золотых воротничков» по всему миру в 20 миллионов. Большинство — американцы. Поразительно то, что в Америке (и, вероятно, на всем Западе) взгляды основной части народа прямо противоположны (90 — 70% в социологических опросах) в том, что касается роли своей национальной принадлежности, интересов своей страны, ограничения иммиграции, оценки роли религии в жизни и т.д.

Хантингтон, указывая на громадную опасность, нависшую над Америкой, выражает надежду, что страна ее преодолеет, восстановив свою англо-протестантскую культуру. Автор очень осторожен. Он явно сознает, что пишет на темы, затрагивать которые «неполиткорректно». В предисловии он говорит: «Я позволю себе уточнить, что ратую за англо-протестантскую культуру, а никак не за англо-протестантский народ». В этой оговорке вскрывается вся слабость его надежд — так как в Истории не бывало еще культуры, существовавшей оторванно от создавшего ее народа.

Но книга Хантингтона вскрывает и более глубокую опасность, о которой он даже не заговаривает. В ней убедительно показано, что идеология правящего слоя Запада, «золотых воротничков», прямо противоположна идеологии большинства народа, как показывают многочисленные и квалифицированные опросы. А это значит, что потеряла смысл созданная там за последние столетия демократическая система. Она не отражает воли большинства обладающих правом голоса. Но при

ее посредстве осуществляет свою волю слой «золотых воротничков», в руках которых находятся верхушки партий, СМИ, суды, а главное — финансы.

И, в заключение, важно оценить, как Запад сам ощущает жизнь. Я помню хорошо, что после войны стали появляться одно за другим предсказания конца человечества, и причем все они шли с Запада, чего во время войны, хотя жизнь была гораздо тяжелее, совсем не было. Сначала это было связано с созданием атомной бомбы и предсказанием неминуемой атомной войны. Было и теоретическое объяснение, что человечество создало силы разрушения, во много раз превышающие его способность их контролировать. Потом появилась концепция демографического кризиса и неконтролируемого роста населения. Крупные биологи, социологи, деятели ООН утверждали, что человечество с этим не в состоянии справиться. Помню, в качестве примера приводилась Индия, которой предсказывалось неизбежное постепенное обнищание и голод. Но сейчас Индия экспортирует продовольствие. Наконец, была сформулирована концепция экологического кризиса. Тут приводились некоторые объективные факты, например, что сейчас гибнет каждый час один вид живого, если считать и растения, и животных. Это грозит в скором будущем потерей устойчивости биосферы, которая является грандиозной, неохватываемой нашим разумом системой взаимодействующих видов. Площадь лесов, которыми наша планета дышит, уже сократилась в два раза. И земля сейчас подобна существу с одним ампутированным легким. И т. д.

Очевидно, что дело не в конкретной опасности, а в ощущении, в атмосфере заката, надвигающейся гибели. Весь вопрос — в гибели чего? Такие ситуации уже в истории встречались. Например, историк Леопольд Ранке описывает такую же волну страхов, охвативших Европу в преддверии Реформации. В одном городке

даже произошла паника, когда трубу пастуха, созывавшего свое стадо, приняли за трубу архангела, возвещающего второе пришествие. Но за всеми этими страхами тогда скрывалось совершенно правильное чувство — объективное предчувствие конца, именно конца традиционного средневекового общества. Так, вероятно, следует оценивать и все предсказания гибели человечества, возникающие на Западе.

И подобный конец имеет обычно некоторую репетицию. Это какое-то общее свойство органического развития. Так, наша революция 1917 года имела репетицию в виде революции 1905 года. И появлению позвоночных предшествовала тоже репетиция — развитие насекомых, овладевших сушей, воздухом, создавших общества. Вот такая репетиция на Западе произошла в конце шестидесятых — начале семидесятых годов XX века. Это были в основном волнения студентов и цветных: арабов во Франции, негров в США. Студенты захватили ряд университетов США, Сорбонну во Франции. Выдвинулись теоретики этого переворота, указавшие на ряд болезненных, кризисных явлений в жизни Запада: Адорно, Маркузе. Тогда писали, что грядет неслыханная революция, которая потрясет все стороны жизни. Это будет революция, во-первых, экономическая — свержение капитализма, во-вторых, политическая — разрушение репрессивной демократии, в-третьих, национальная — освобождение цветных, в-четвертых, сексуальная — разрушение буржуазной семьи и, в-пятых, психоделическая — это новая культура коллективного принятия наркотиков и увлечения рок-музыкой, что вместе приведет к разрушению буржуазной индивидуальности. Казалось, Запад пошатнулся и вот-вот рухнет. Каким-то чудом тогда он устоял. Но ведь никакого ответа на критику западного общества, сформулированную теоретиками этого движения, дано не

было. Просто воля к жизни Запада на тот момент оказалась сильнее сил разрушения.

Но теперь сформировавшиеся в ту эпоху молодые люди пришли в большую политику. Типичные примеры — это чета Клинтонов, соперник Буша на президентских выборах Кэри или министр иностранных дел Германии. Хочу процитировать Патрика Бьюкенена, книгу которого «Смерть Запада» я уже упоминал. Он пишет: «Вероятно, так бывает с любой цивилизацией. Время Запада действительно на исходе. Его смерть предопределена обстоятельствами. И нет уже никакого смысла в прописывании больному новых лекарств. Пациент умирает. И тут уж ничего не поделаешь. Спасти его может только возрождение веры и всеобщее пробуждение». Факты столь убедительные, что против этого заключения трудно что-либо возразить.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Так много фактов указывает в одном направлении, что вместе они приводят к единственно возможному выводу, который нам следует осознать. Мы переживаем критический момент Истории: угасание западной цивилизации. Около половины тысячелетия она с невиданной продуктивностью и энергией навязывала свой дух все большему числу народов Земли. Как бы на нее ни смотреть, как на самое блестящее, реализовавшееся до сих пор раскрытие возможностей человека, или как на раковую опухоль человечества, может быть, угрожающую гибели всему живому, — высказывались оба этих крайних взгляда — ясно одно: это бурное развитие стремительно тормозится на наших глазах, близко к тому, чтобы остановиться.

Пожалуй, наиболее близкая историческая параллель нашему времени — это закат античной, то есть

греко-римской цивилизации. Оба процесса совпадают вплоть до мелких деталей. И оба их легче понять, если проследить основные черты сходства. Здесь я могу сослаться на парадоксальный факт. Лет восемь тому назад, потрясенный теми катастрофическими изменениями, которые происходили тогда в России, я написал статью, где сравнивал положение у нас и в Римской империи эпохи упадка. А теперь-то я вижу, что все те страшные признаки, которые я наблюдал в России, встречаются во всем западном мире. О причинах и следствиях подобного совпадения естественней поговорить позже.

Перечислим основные эти признаки. Прежде всего это депопуляция, а попросту вымирание государствообразующих народов. По поводу современного Запада уже было приведено много фактов. В античности на это явление указывали очень многие авторы. Оно широко обсуждалось, и государство пыталось с ним бороться. Еще Август издал рескрипты, которые должны были способствовать созданию больших семей. Позже была создана система поддержки многодетных семей, в которую были вложены колоссальные капиталы. Еще раньше о том же явлении в Греции писал Полибий: «Люди не хотят воспитывать много детей и обыкновенно воспитывают одного или двух». Параллельно происходил упадок деревни. А это общее явление, хорошо известное, что население, как правило, растет именно в деревне. Уже в первом веке нашей эры богачи предлагали для обработки бесплатную землю, лишь бы предохранить ее от запустения. Население все больше стекалось в города, где существовало благодаря государственным раздачам хлеба. А эта мера, в свою очередь, усугубляла упадок сельского хозяйства.

Видно, что сил народов, образующих государство и нацию, уже было недостаточно, чтобы поддерживать грандиозную империю. Тацит рассказывает о завеща-

нии, якобы оставленном Августом, где тот советует больше не расширять империю. Признак перехода империи к обороне — появление таких сооружений, как Троянов Вал, Стена Адриана и так далее. О падении сил, нужных для поддержания империи, свидетельствует и растущий сепаратизм. Мы видим эти явления и на Западе. В Великобритании Уэльс и Шотландия имеют независимый парламент. Во Франции — баски, эльзасцы, бретонцы требуют права на самоопределение, корсиканцы — независимости. В Италии существует Лига, ставящая целью отделение северной Италии от юга. В Венеции есть партия, стремящаяся к отделению Венецианской области от Италии. В США президент Лиги единения латиноамериканцев заявил: «Калифорния станет мексиканским штатом. Все органы власти будут в наших руках. Если это кому-то не нравится, пусть уезжает». Это можно сопоставить с постоянными попытками отделения той или иной части Римской империи. Так, в III веке пытается отделиться Галлия. На некоторое время отделяется Пальмира и даже захватывает Египет. После подавления этого движения происходит восстание с той же целью в Александрии. Вождей подобных сепаратистских движений было несколько десятков. Один историк III века называет даже эпоху с 260 по 270 год нашей эры эпохой тридцати тиранов. Значит, насчитывает 30 таких сепаратистских попыток.

Бросающимся в глаза общим признаком является распространение в верхнем слое общества противоестественных сексуальных отношений. Например, у Гомера мы еще не видим никаких указаний на них. А уже у Платона в «Пире» Алкивиад совершенно спокойно рассказывает присутствующим о своей попытке вступить в подобную связь с Сократом. В эпоху императорского Рима мы уже читаем об этих извращениях у таких разных авторов, как апостол Павел, Светоний, Лу-

киан, Петроний и так далее. А сейчас на Западе, например, супруга бывшего президента США Клинтона, выбранная сенатором от штата Нью-Йорк, отказалась участвовать в традиционном шествии в день Святого Патрика, так как организаторы не согласились включить в него представительницу общества лесбиянок. Зато в параде лесбиянок она приняла участие.

В эпоху позднего Рима армия все в большей степени комплектовалась из наемников-варваров. Наиболее боеспособными были легионы, набранные в частях империи, лишь недавно к ней присоединенных: Германии, Фракии, Иллирии. Большинство наемников происходило из наименее цивилизованных частей империи. Это были арабы, мавры, фракийцы, бритты, германцы, сарматы. В то время как раньше войны, например Пунические, выигрывались ополчением, набранным из римлян. Видимо, сейчас на Западе происходит утверждение принципа наемной армии. Великобритания поднялась до уровня великой державы, обладая только наемной армией. Тот же принцип унаследовали и США. Мы видим — это навязывается и у нас. Хотя из нашей истории можно было бы понять, что Россию много раз спасало народное войско, состоящее из людей, защищающих свою землю, свои дома. Принцип наемной армии тесно связан с идеей о новом типе войны, где, так сказать, наши не будут умирать.

Это, по-видимому, важнейшая часть мировоззрения современного западного мира, что заметно хотя бы по любому приключенческому роману или фильму. Такой стандартный образ, как герой, отдающий свою жизнь за отечество, явно неприемлем для современного западного сознания. Видно, как в последнее время Запад, несмотря на свой милитаризм, болезненно относится к потерям, казалось бы, составляющим неизбежную сторону войны. Они вызывают или паническое

отступление, как было, например, в Ливане и в Сомали, или же глубокое беспокойство в обществе. Чувствуется, что война идет как-то неправильно и виновное правительство сталкивается с угрозой потери власти.

С аналогичным мироощущением жил и античный мир. Этому восприятию жизни был нанесен жестокий удар, когда в 410 году нашей эры Рим был взят и разграблен готами во главе с Аларихом. Вечное господство над миром вечного града Рима было одним из основ тогдашнего мировоззрения. Его катастрофа являлась нарушением мирового порядка. Язычники утверждали, что Рим был непобедим, пока чтил своих древних богов. Вину за катастрофу они возлагали на победившее не так давно христианство. Современником этой катастрофы был блаженный Августин, и он размышлял над ее причинами. Собственно, эти размышления и составляют духовную основу его книги «О Божьем граде». Там он развивает другую концепцию истории, дающую иное объяснение этого крушения Рима. Его причину он видит в некотором порочном принципе, заложенном с самого основания римской истории. Он называет его страстью к властвованию — *«libido dominandi»*. За успех в этом направлении прославлялись политические деятели, при жизни им ставили статуи, а после смерти они входили в историю как римские герои. Августин пишет: «Помимо других человеческих пороков, этот порок глубоко укоренился во всем римском народе. После того как страсть к властвованию обуяла немногочисленных вельмож, она овладела всеми остальными римлянами и поработила их всех. Сама возможность добиваться почестей не установилась бы в Риме, если бы там не господствовало честолюбие. Честолюбие развилось, так как народ был испорчен корыстью. Корыстным римский народ стал вследствие успеха (в завоеваниях)». Народу, подпавшему этому пороку, говорит Августин, очень трудно от него избавиться. Страсть к

властвованию толкает его на завоевания. А каждый новый успех увеличивает эту страсть. Тут образуется подобие порочного круга.

Но ведь западная цивилизация всегда основывалась на этом духе. Сейчас она не имеет, собственно говоря, никакой другой духовной основы, кроме чувства силы и стремления к власти, причем в гораздо более широком диапазоне, чем какая-либо ранее существовавшая цивилизация: не только в отношении ко всем другим народам, но ко всей природе, о чем говорят призывы «Знание — сила» или «Победить природу». После террористического акта 11 сентября 2001 года, столь же сокрушительного для западного мировоззрения, как и разграбление Рима готами в 410 году для античного, казалось бы, можно было ожидать недовольства в США по адресу администрации, допустившей такой грандиозный просчет или такую жестокую провокацию, — в зависимости от того, какое объяснение принимать. Но администрация сумела избежать такой критики и смогла даже вызвать рост популярности за счет апелляции к этим коренным чувствам. Сразу были указаны «страны-изгои» и декларирован «удар возмездия». Через несколько дней они осознали, что этот термин слишком скандален, и заменили его другим, но обещание падающих бомб, авиационных налетов все же вызвало воодушевление населения и прилив симпатии к правительству. И только постепенное увеличение потерь в Ираке вызвало упадок этого упоения силой и одновременно упадок популярности правительства.

На происходящий процесс можно взглянуть и с большей исторической перспективы. Это, собственно, и есть ядро той «исторической концепции», которую я хочу изложить. Запад создал совершенно уникальную цивилизацию. Причем по существу к ней принадлежал и Советский Союз. Я помню, что мысль о принципиальном единстве цивилизации, созданной на Западе и в

Советском Союзе, пришла мне в голову давно, еще в период коммунистического режима. И когда в разговорах мне указывали на принципиальную, казалось бы, противоположность между социалистическим и капиталистическим обществом, то я возражал, что будущий археолог этого различия просто не обнаружит, если он не будет владеть современными языками и будет использовать те же методы, которые и сейчас археологи используют для изучения древних цивилизаций, исследуя их на основании их материальной культуры. Первое, что бросится ему в глаза, будет невиданная концентрация населения в больших городах, причем совершенно одинаково и в социалистическом, и в капиталистическом мире.

На этот признак современной цивилизации стоит обратить внимание: она является городской цивилизацией, более того — цивилизацией больших городов. На эту черту современной западной цивилизации я отнюдь не первый обратил внимание. Еще в начале XX века Шпенглер писал: «Мировой город и провинция — выдвигают новую проблему, которую мы, люди современности, переживаем, не понимая всей ее огромной важности. Вместо мира — город, отдельный пункт, в котором сосредотачивается вся жизнь обширных областей, тогда как все остальное засыхает; вместо народа — новый кочевник, паразит, обитатель больших городов; это огромный шаг к неорганическому, к концу». И дальше он формулирует: «Мировой город означает собой космополитизм вместо родины», «Мировой город населен не народом, а массой». Прошло сто лет, и один из руководителей современного мира, Жак Аттали, бывший президент Всемирного банка реконструкции, рисует ту же картину нашего будущего: «Человек должен покончить с «национальной привязкой» и семейными узами, превратиться в номада (то есть «кочевника», как говорил Шпенглер), стать искусственным существом,

которое можно будет купить или продать, как любой другой предмет или товар».

Эта чисто городская цивилизация «космополитов» выделяется из общей картины истории, как ее можно представить за последние тысячелетия. В истории возникают и гибнут цивилизации разного типа: Египетская, Месопотамская, Античная, Западно-европейская, цивилизации Центральной и Южной Америки и т.д. Но при всем этом человечество живет в основном при одном и том же укладе жизни. И продолжается это много тысячелетий. Подавляющую часть населения составляют крестьяне. Города в этой жизни играют очень важную роль, но лишь как вкрапленные в земледельческое население центры по формированию культуры. Города и деревня были равно необходимы друг другу и развивались в состоянии равновесия, нарушавшемся лишь в некоторые периоды кризиса. Похоже, что и возникли они почти одновременно (в исторических масштабах), в так называемом «плодородном полумесяце», простирающемся в Малой Азии от Кавказа до дельты Нила.

Если я правильно понял стандартные книги по археологии, то появление такого образа жизни относится примерно к эпохе 10 тысяч лет тому назад или еще больше. Крупнейший археолог XX века Гордон Чайлд связывает его с переворотом, который он называет неолитической революцией. Сначала земледелие было мотыжным. Этот период отразился в так называемой археологами «эпохе расписной керамики», поселения которой были распространены от Китая до центральной Европы. У нас наиболее разработанным и известным является Триполье, вблизи от Киева. Потом земледелие стало плужным. Этот тип жизни вполне продуктивно сотрудничал с индустриальным развитием города.

В XX веке Кондратьев назвал его двусторонним аг-

рарно-индустриальным типом народного хозяйства. Ранние его стадии хорошо описаны в книгах археолога Редфилда. Он говорит: «Город дает деревне как бы другое измерение и не противоречит ее идеологии». Таким, например, было общество Афин периода расцвета их культуры. Бытовая сторона жизни особенно четко видна в комедии, например, у Аристофана. Там ясно видно, что городская жизнь Афин эпохи Перикла и немного позже в значительной степени была жизнью крестьян соседних деревень, сходившихся в городе. Именно они составляли народное собрание и суд, вмешивавшийся во все обстоятельства жизни. Они были зрителями трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида, которых, в свою очередь, можно назвать античными деревенщиками, аналогами нашего направления деревенской литературы. Для них возводился Акрополь, и на улицах стояли статуи Фидия. Такой же была жизнь и России вплоть до начала XX века. При всей утонченности возникшей в поместьях и городах культуры в ней господствовали этические, эстетические и религиозные принципы, выработанные деревней.

Но постепенно в Западной Европе стал утверждаться другой тип жизни, основанный на господстве городов. Первые его черты стали проявляться в Италии позднего Средневековья. Многие авторы это отмечали. До того статус человека в обществе определялся его положением в деревне, его земельными владениями, а теперь стал зависеть от положения в городе. Возникло общество чисто городское, индустриальное. Оно завоевало свое место в борьбе с деревней. Решающий шаг был сделан в Англии, где крестьян сгоняли с общинных земель, клеймили раскаленным железом. Когда их, как бродяг, ловили, то выжигали букву «V» (от vagabond — бродяга). А если второй раз ловили такого заклейменного, то его вешали. Тем самым их заставля-

ли селиться в городах, и они образовывали городской пролетариат.

Этот тип жизни был связан с бурным развитием науки и основанной на ней техники. С созданием капитализма спекулятивного типа он оказался чрезвычайно агрессивным. Насилием и войнами он разрушал общества другого типа и подчинял их себе. Маркс приводит документально подтвержденный факт, как английский парламент создал комиссию из ведущих тогдашних экономистов Англии для выработки путей разорения индийских ремесленников — ткачей, с которыми не могла конкурировать английская промышленность и потому не могла захватить индийский рынок. Средства нашлись, и столь эффективные, что спустя несколько лет генерал-губернатор сообщал: «Дороги Индии усеяны костями разоренных ремесленников». Тем не менее в «Коммунистическом манифесте» читаем: «Дешевые цены ее (то есть буржуазии) товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам». Оказывается, Маркс на самом деле хорошо знал и о других средствах, кроме дешевых цен.

Вовсе не буржуазия и пролетариат были главными антагонистами в драме истории в период капитализма, а город и деревня. В том же «Коммунистическом манифесте» написано: «Буржуазия подчинила деревню господству города. Она вырвала значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни». Это выражение — «идиотизм деревенской жизни» — изящная шутка Маркса. Выражение действительно происходит от греческого слова «идиотес», что значит частный, изолированный, и в буквальном смысле должно бы означать изолированность деревни, но, конечно, несет в себе именно представление о деревне как об обществе, в котором живут полуидиоты. Есенин — поэт, очень

чутко ухватывающий социальные тенденции, сказал об этом: «Город, город, ты в схватке жестокой окрестил нас, как падаль и мразь». И это действительно было только идеологическим аспектом той же самой борьбы города и деревни. На самом же деле концепция «темноты», «дикости» деревни — это всего лишь пропагандистский прием, возникший в период, когда городская европейская цивилизация стремилась подчинить себе весь мир — вроде того, как немецкие национал-социалисты объявили славян недочеловеками (Untermensche). Деревня несет тонкую и глубокую культуру: фольклор, народные празднества и т.д., а с другой стороны — способна к развитию и углублению во взаимодействии с городом. И опять, никто не чувствовал этого значения деревенской культуры глубже, чем Есенин:

Мир таинственный, мир мой древний.

И цивилизация города, в тот период, когда она в городе создавалась, вся основана на том, что она получила от деревенской культуры, приобретавшей иногда «другое измерение» согласно Редфилду.

РОССИЯ И ЗАПАД

Сейчас мы видим яркую картину того, как западная цивилизация завоевывает мир. Конечно, самая большая ее победа — это распад Советского Союза. Но также были и Югославия, и Ирак, и Афганистан. И этот процесс явно еще продолжается. В его оценке возможны две точки зрения. Первая точка зрения, которая прокламируется, конечно, Западом и западниками, заключается в том, что в едином процессе развития человечества западная цивилизация представляет передовую на настоящий момент, высшую фазу. Весь мир

должен ей следовать и перейти к такой же городской и технологической форме жизни.

Мы должны тогда признать, что человечество переживает ключевой, исторический момент — конец смешанного сельско-городского образа жизни, или, по Кондратьеву, двусторонней аграрно-индустриальной экономики, длившегося более 10 тысяч лет. Рождается новое общество, новый человек. Все человечество переживает родовые муки появления нового общества. Это болезненно, но неизбежно. А сверх того, окупится в будущем невиданным развитием производительных сил человечества.

Но возможна и другая точка зрения. Очень мала вероятность того, что именно на несколько живущих сейчас поколений пришелся конец грандиозного, более чем десятитысячелетнего периода Истории. Это ведь обычная точка зрения революционеров, что они создают новый мир, нового человека. Так считали вожди и французской революции, и большевизма, и национал-социализма. Такое умонастроение вызывает временный мощный всплеск энтузиазма у его сторонников. Однако через некоторое время обычно выясняется, что переворот хотя и решал некоторую задачу, но гораздо более скромную, и часто совершенно отличную от прокламируемых принципов. С другой стороны, мы часто преувеличиваем драматичность в общемировом плане переживаемого нами момента. Ощущение конца мира может правильно отражать всего лишь ощущение окончания заметного периода Истории.

Наконец, все то, что мы сейчас переживаем, в истории уже не раз встречалось. И мегаполисы, и мечта о мировой империи. Миллион жителей некогда насчитывали и Вавилон, и Рим. Мировую империю мечтали создать и месопотамские цари, начиная с Саргона, и Александр Македонский, и римские Цезари, и Наполеон, и Гитлер. Многие отмечали, что это — стандартные

признаки упадка определенной цивилизации. Тогда логичнее было бы предположить, что мы переживаем, а точнее, наши потомки будут переживать в XXI веке закат западноевропейской цивилизации, проходящей сейчас чисто городскую фазу, эпоху конца.

Изложенные уже признаки этого заката, включая и физическое вымирание создавших ее народов, делает, мне кажется, гораздо более правдоподобной вторую точку зрения. Дело не в какой-то особой порочности западной цивилизации. Скорее в том, что все, когда-то возникшее, когда-то и гибнет. Западная цивилизация всегда была очень агрессивной. Она не терпела рядом с собой других обществ, основываясь на твердой уверенности, что она только собственно цивилизацией и является. Но тогда, хотя бы для некоторой части покоряемого общества, она открывала какие-то новые горизонты культуры. Теперь же ее агрессия все более становится проявлением просто грубой силы. Рафаэль, Сервантес, Галилей, Лейбниц столь же мало ей принадлежат, как Эсхил, Евклид и Архимед. А на одних атомных бомбах и крылатых ракетах мировую империю не построить.

Пока еще сохраняется быстрый темп технического развития — компьютеры, спутники, космическая техника. Но та техника, которая дала западной цивилизации беспрецедентную власть над миром, имеет одну очень специфическую особенность. Она основывалась на новейшей науке. Последний переворот так и называется — научно-техническая революция (НТР). Это особая, так сказать, научная техника. Например, когда-то человек научился добывать огонь трением. Но прошли, вероятно, сотни тысяч лет, прежде чем были сформулированы законы превращения механической энергии в тепловую, на которых основывается этот процесс. А вот атомная бомба основана на достижениях ядерной физики и квантовой механики. И создани-

ем ее руководили физики, незадолго до того эти разделы науки создавшие. Особенно ярко это проявилось в Германии, где во главе атомного проекта был поставлен Гейзенберг, величайший физик XX века. Поэтому можно думать, что принципиальная остановка научного развития приведет и к остановке развития технического.

Позже техника будет основываться уже на школьных, точнее, университетских, а если еще точнее сказать, аспирантских знаниях. Каждая страна может оплатить обучение в каких-то западных университетах сотен способных молодых людей, из которых и образуется десяток специалистов в области новой техники. Атомное оружие, мы видим и сейчас, создали и Индия, и Пакистан, и Израиль, и Северная Корея, хотя ядерной физики или квантовой механики в них не возникло. И США с этим вынуждены мириться.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ

Каковы же перспективы России с той точки зрения, которую я излагал? Насколько можно доверять очевидным выводам из множества имеющихся фактов, настолько можно быть уверенным, что ближайшее будущее мира будет определяться уже надвигающимся концом западной цивилизации. Но как это отразится на судьбе России? Казалось бы, основные признаки упадка Запада, которые мы выше перечислили, характерны и для России, часто даже в большей степени. Это и катастрофическое падение рождаемости, и массовая иммиграция представителей культурно чуждых цивилизаций, и утрата основных ценностей, в которых вырос народ.

Но можно обнаружить и некоторые принципиальные различия. Западная Европа и Северная Америка

были колыбелью, в которой сложилась некоторая очень специфическая цивилизация. Там она органически вызрела, а затем распространила свое влияние почти на весь мир. Россия же лишь подпала под влияние Запада. Сначала оно укоренилось лишь в верхних слоях общества. И лишь сравнительно недавно подчинило себе всю страну. Причем наиболее решительный перелом, так и называвшийся годом великого перелома, как мы видели, произошел в самое последнее время. Уже мое поколение было его свидетелем. Так что Россию можно сравнить разве что с покоренной провинцией. Причем покоренной лишь при жизни живущего сейчас или предшествующего ему поколения. Естественно, что это общество было менее устойчиво, поэтому и рухнуло первым.

Соответственно и признаки упадка, наблюдаемые на Западе и в России, часто хотя и похожи, но имеют различные оттенки. Прежде всего это касается самого страшного признака — депопуляции. На Западе рождаемость падает, так как дети мешают комфортабельной жизни. И чем страна богаче, тем в ней рождаемость ниже. В России же это отношение распространено разве лишь среди узкого слоя «новых русских». А в основной своей массе народ рожает меньше детей просто потому, что их нечем будет кормить. И точно так же наркомания — на благополучном Западе она распространена еще страшнее, чем в нищей России. Значит, причина здесь не в бегстве от тяжелой действительности. Среди русских, вообще людей русской традиции, совсем не прививается терроризм, так распространенный на Западе в среде представителей народов европейского происхождения: Банда Баадера — Майнхоф, «Красные бригады» и так далее.

Например, часто утверждают, что истинные причины терроризма на Северном Кавказе — экономические и социальные. Но одновременно мы видим, что рус-

ские, иногда годами не получающие зарплаты, не становятся шахидами, а объявляют голодовки. Значит, есть какая-то принципиальная разница, укорененная в народной психологии, как их называют в «национальных стереотипах». И таких различий можно заметить много. Так что Россия никак не может считаться органичной частью Запада, обреченной разделить с ним его судьбу. Видимо, Россия может пойти по одному из двух путей: либо еще усилить свою подчиненность Западу и в результате погибнуть под его обломками, либо найти свой собственный путь развития, постепенно дистанцируясь от Запада, и тогда пережить его падение. Вероятно, в любом случае с тяжелыми потрясениями.

Солженицын как-то сказал: «Вот, коммунизм обрушился. Но как бы нам не погибнуть под его обломками». Сейчас вырисовывается возможность, что мы все же выжили, хотя и в покалеченном виде. Но, с другой стороны, видно, что рухнуло не целое здание, а только какой-то один его угол или стена обрушилась. А здание западной цивилизации грозит рухнуть уже все, и под его обломками мы вполне реально можем действительно погибнуть. Нам предстоит выбор, который определит все будущее народа.

Есть в Библии один текст, который всегда производит на меня сильное впечатление. Там Бог говорит:

«Во свидетелей перед вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое».

Если привлечь аналогию с закатом античности, то и тогда часть Империи смогла найти свой путь и, в качестве Византийской империи, продлить свое существование на тысячу лет. Перед выбором такого типа стоит сейчас и Россия.

Кажется, правда, что нам-то, России, сейчас такой выбор как раз и не предложен. Так ничтожно мала воз-

можность выбрать нам тот путь, о котором говорится в Библии: путь благословения. Конечно, нам сейчас трудно и мечтать о какой-то независимости от Запада. Слишком ему подчинен нынешний правящий слой, как в его видимой политической части, так и в теневой, финансовой. Приход к власти этого слоя и последующее укрепление его правления слишком зависело от поддержки Запада, чтобы от него можно было ожидать какой-то доли независимости. Если Запад пожелает ради продления своего существования бросить Россию в топку мирового кризиса, то в теперешнем правящем слое России он вряд ли встретит сопротивление. Но положение может измениться в процессе нарастания кризиса Запада. Желание получить больше независимости от него может совпасть с чисто эгоистическими интересами правителей России. А сверх того, ослабление Запада требует большей опоры на внутренние силы России, прежде всего на русский народ. Некоторые признаки этого можно наблюдать и сейчас.

За последние годы кардинально изменилась лексика всего политического слоя. Такие понятия, как «патриотизм», «национальные интересы», «империя», еще недавно носили характер обвинения. А теперь каждый спешит ими украситься. Следующий шаг может заключаться в подкреплении этих чисто словесных уступок более реальными. Для этого должны быть сформулированы конкретные требования. И прежде всего отражающие русские национальные интересы. Первым, как мне представляется, должно быть возвращение нашего имени, которое сейчас предусмотрительно вычеркнуто из паспортов. Всем, видимо, ясно, что уничтожение графы «национальность» в паспортах граждан России направлено именно против русских. Возвращение понятия «русский» в официальный политический и юридический лексикон необходимо далеко не только ввиду идеологического воздействия на русское нацио-

нальное сознание. Такая мера, как проведенное уничтожение национальности в качестве юридического понятия, имеет многочисленные конкретные последствия. Например, сейчас нельзя не только регулировать, но хотя бы учесть национальный состав громадной иммиграции, приходящей из стран СНГ в Россию. А для будущего России совсем небезразлично, кто селится в ее городах и на ее землях — русские, недавно сами уехавшие из России на какие-нибудь стройки, или представители какой-нибудь другой культуры и психологии.

Я верю, что наш народ преодолеет переживаемый им кризис, как бы глубок он ни был. Но меньше всего мне хотелось бы, чтобы меня поняли так, что Запад, сейчас подавляющий нас, обречен, нам надо только дождаться его краха. Наоборот, наиболее вероятным последствием этого краха будет и окончательное падение России. Чтобы пойти своим, отличным от Запада путем, нужна будет ожесточенная борьба, напряжение всех сил. Прежде всего борьба духовная. Ведь этот путь предстоит еще сформулировать.

Здесь я хочу, под конец, выразить особенно близкую мне мысль в надежде, что кто-то с ней согласится, будет ее дальше развивать. Мне кажется, что сейчас в нашей стране протекает какой-то совершенно необычный процесс. Народ явно ищет какие-то новые пути в жизни. Взять хотя бы, для примера, отчаявшихся рабочих, которые по нескольку лет не получают зарплаты и отвечающих на это — голодовкой. Ведь такого не бывало в Истории! Здесь видится совсем другой ответ на вызов жизни, чем так хорошо известные нам: не баррикады, не забастовки, не выборы новых лидеров, не терроризм. Чем-то он близок жизненной позиции христиан периода упадка Римской империи.

С самого начала так называемой перестройки, то есть лет уже 18, возникали разных оттенков патриоти-

ческие движения — то коммунистические, то националистические. И все кончались неудачей. Это мы должны наконец осмыслить. Ведь теперь уже ясно, что все неудачи не могут быть плодом интриг КГБ, как сначала говорили. Очевидно, интеллигенция постоянно обращается к народу со старыми призывами, а народ ищет каких-то новых путей.

Довольно ясно, что человечество вступило в период распада западной цивилизации, основанной на идее властвования, силы. Если нам, русским, будет дано пережить этот распад, то только за счет того, что мы сможем проявить какие-то собственные, отличающие нас черты. Такой чертой для русских всегда было стремление не покорить, а научиться жить вместе. Вместе и с природой — и с народами, вроде мордвы, с которой рядом мы жили и в эпоху «Повести временных лет» и которая и сейчас в русском государстве имеет свой парламент и своего президента. Этот стереотип поведения работает со сбоями, только когда мы соприкасаемся с народами, стереотип поведения которых включает именно господство — будь то немцы или чеченцы.

Половину тысячелетия Запад культивировал идею и эстетику мощи и господства. Эти принципы должны быть чем-то заменены. Русская цивилизация может предложить человечеству древнюю культуру, идеал которой — не двигать куда-то мир, а сосуществовать с ним; не в беге времени, а в идее вечности.

Разные признаки указывают, что сейчас народ ищет такого типа пути в жизни. Это по существу — попытка возрождения древней культуры Православия, а может быть, и еще более древней цивилизации. Поиск этот осуществляется людьми, не только не воцерковленными, но, может быть, никогда о Боге не задумывавшимися. Народ создает или воссоздает некоторые новые чувства и моральные принципы. Но сделать их действенной частью жизни — это уж дело интеллигенции.

Для этого они, как говорят социологи, должны быть вербализированы и рационализированы: превращены в связное мировоззрение.

Вот когда этот путь будет осознан как национальный путь, тогда и появятся, я надеюсь, силы увести народ от нависшей над ним угрозы гибели.

6 февраля 2005 года.

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭПОХА КОММУНИЗМА

РУССКИЕ В ЭПОХУ КОММУНИЗМА

ТРИ ИДЕИ

Обсуждая возможности спасения нашей страны и народа в теперешнем гибельном положении, часто видят главную беду в том, что у нас нет для этого «положительной программы». Строго говоря, это неверно. Многие авторы и партии предлагали ряд конкретных мер, причем часто эти меры группировались и располагались в порядке очередности, как это и полагается в «положительной программе». Например: непримиримая война коррупции, прекращение утечки валюты за границу, «пересмотр приватизации», контроль над экспортом и импортом с целью стимулировать производство, ограниченная инфляция, национализация или закрытие большинства банков, законодательное введение больших сроков заключения за неуплату налогов в крупных размерах (как в США), обязательное указание источника денег при крупных покупках, введение карточек, непризнание разделения русского народа и т. д. и т. д.

Да и странно было бы, если бы таких мер не существовало, ведь выходили же другие страны из тяжелого кризиса: США при президентстве Рузвельта, Германия в начале власти Гитлера, Германия и Япония после окончания Второй мировой войны — причем в разных условиях. Редактор журнала «Москва» Л. И. Бородин даже сетует, что такими предложениями редакция завалена; они приходят «ежемесячно, если не еженедельно». Он пишет: «Ради справедливости скажем, что чи-

тать некоторые из подобных материалов было интересно, как вообще интересно любое развитие мысли, тем более если оно продиктовано добрыми намерениями. Представьте себе, к примеру, трактат об освоении марсианских пустынь, в котором все логично, научно и убедительно и отсутствует лишь одна маленькая деталь — как попасть на Марс» («Москва», 1998, № 1). То есть как Л. И. Бородин пояснил в другом месте, такие проекты содержат выглядящие разумными планы, но без указания того, какими силами эти планы можно было бы воплотить в жизнь.

Из этого следует, что обсуждение нашей сегодняшней ситуации надо было бы начинать не с построения конкретных «положительных программ», а с обзора того, какие вообще силы действуют сейчас в историческом поле и на какую (или на какие) из них мы, русские, могли бы опереться. Наиболее четко положение сформулировал, мне кажется, С. Г. Кара-Мурза: «Если бы дело было в том, что к нынешнему положению нас привела политика Ельцина, — было бы полбеды. Народ каким-то образом сделал бы усилие и сменил режим. Беда в том, что режим имеет согласие слишком большой части народа. Согласие не на частности — тут большинство кряхтит и проклинает, — а на главное, на чем стоит этот режим. На идею масштаба религиозного: жить, наслаждаясь малыми радостями, даже если народ в целом умирает. И режим создал узаконенные «зоны наслаждения» буквально для всех: для пьяниц и спортсменов, для христиан и сатанистов, для демократов и коммунистов. Множество маленьких мирков, которые обособились в свои капсулы, приобрели статус и небольшую подпитку — при условии, что не мешают народу в целом умирать» («Наш современник», 1998, № 11 — 12).

Значит, противопоставить этому положению можно только ценности, более привлекательные для человека,

чем «малые радости» в «зонах наслаждения», ценности, ради которых этими «радостями» можно жертвовать, потому что такая жертва возвышает и приносит удовлетворение. И прежде всего необходимо дать себе отчет в том, какие вообще сейчас существуют духовные концепции или течения «религиозного масштаба», то есть способные объединить народ и вести его на борьбу и жертвы. Так, например, пытался Достоевский осмыслить современную ему жизнь более ста лет назад. Он пытался выделить основные идеологические силы, движущие человечеством. Он называл их «идеями». Одна статья в «Дневнике писателя» называется «Три идеи». И действительно, весь XX век оказался полем борьбы (и взаимодействия) именно трех «идей». Мне трудно соотнести их с теми «идеями», о которых писал сам Достоевский, но основные концепции XX века видны отчетливо. Это:

1. Либерально-демократическая идея. Основные ее положения:

— крайний индивидуализм, каждый (юридически) свободен делать свой выбор, но и не имеет основания рассчитывать на поддержку других;

— полная свобода и даже культ конкуренции; рынок как основной регулятор экономики;

— всеобщее и равное избирательное право; политическая власть как бы делится на миллионы формально одинаковых кусочков, и каждый полноправный гражданин получает свой кусочек — голос на выборах; потом они объединяются вокруг партий, воздействующих на общество через СМИ.

2. Коммунистическо-социалистическая идея. Ее принципы:

— жизнь определяется не как составляющая множества индивидуальных воль и решений, а на основе единого, строго рационально разработанного плана, которому эти воли должны подчиняться;

— в самом конкретном виде это экономический план страны на несколько лет, а в самом общем — план развития всего человечества; такой глобальный план (предвидение или пророчество) является единственно допустимой и обязательной идеологией общества, а экономические планы монопольно определяют его экономику.

3. Национальная идея. Сравнительно с двумя другими течениями явление ее в XX веке было внезапно и нежданно. К концу XIX века национальный фактор казался в истории преодоленным, каким-то пережитком — причем по мнению как либералов, так и социалистов. Но уже мировая война 1914 года показала, насколько это было неверно, вызвав шок целых слоев интеллигенции («потерянное поколение»). Именно национальные силы превратили Первую мировую войну из обычной войны за определенные территории в войну на уничтожение. Потом в германском национал-социализме национализм оказался силой, вырвавшейся из-под всякого человеческого контроля. И после Второй мировой войны национальные расколы сотрясают мир на всех континентах. Но, с другой стороны, национальное единение дало силы подняться поверженным Германии и Японии.

И сейчас на ближайшее будущее не видно других сил, на которые мы сможем опереться, поднимаясь из теперешнего падения. Так что на предвидимое будущее наша судьба будет, очевидно, складываться из этих трех составляющих — как вектор в трехмерном пространстве с этими осями координат. Обсуждению этих сил и их влияния на судьбу русского народа (или некоторых аспектов этой проблемы) и посвящена настоящая работа.

Дальше я полностью исключаю из рассмотрения вопрос о влиянии либерально-демократической идеи. Он потребовал бы отдельного исследования. Особенно когда речь идет о влиянии этой идеи на судьбу России.

Здесь возникает громадная трудность, сущность которой в следующем.

Попытка внедрения либеральной концепции привела за последние десять лет к тому трагическому состоянию нашей страны, которое всем уже хорошо известно. А тем самым и концепция глубоко скомпрометирована, она вызывает омерзение и ненависть. Хочется все это проклясть целиком и от всего отрешиться — и не только от того, что хлынуло к нам за последние годы, но и более принципиально: от всего «европейничанья», начиная с Петра. И в такой реакции есть здравое зерно: этот «западный прогресс» в тех формах, в которых он стал выкристаллизовываться с XVII века, уже по всему миру показал свою болезненную, даже смертельную сущность. Он губит не только другие, традиционные цивилизации, но и деревню, и вообще природу, всюду убивает живое и заменяет его техникой.

Но, с другой стороны, это громадная сила, не владея которой хоть в какой-то степени народ не имеет надежды выжить. Эта сила связана с интеллектуальным переворотом, происшедшим на Западе одновременно с установлением там либерально-демократического уклада общества: с так называемой научно-технической революцией XVII — XX веков. Причем весь дух, весь идеологический базис научно-технической революции неразрывно связан с основными принципами либерально-демократического уклада общества. Благодаря научно-технической революции возможность западных стран производить определенные материальные ценности увеличилась в сотни, тысячи и миллионы раз. Когда мы часто пишем, что высокий жизненный уровень Западной Европы и Северной Америки происходит из-за того, что одна пятая человечества живет за счет других четырех пятых, то это правда, но не вся правда: производительные возможности Запада колоссально возросли в результате переворота научно-технической

революции. Да этот же переворот дал в руки Запада и громадные силы, при помощи которых он подчинил себе почти все остальное человечество, орудуя в случае необходимости так, как мы это сейчас видим на примерах Ирака и Сербии.

Вопрос о том, как России относиться к происшедшему на Западе перевороту, встал уже давно. Один раз Россия выбрала свой ответ: в эпоху Петра I. Несмотря на все недостатки этого ответа, он дал России двести лет устойчивого развития, избавил ее от судьбы Индии и Китая. За это время страна достигла своих естественных пределов, была создана великая русская культура XIX века.

Сейчас тот же вопрос возникает вновь. И опять полный отказ, полное отрицание представляется невозможным: очевиднее всего, из соображений безопасности страны. Но есть и более глубокая причина: мы слишком многое приняли в себя от Запада — во всей культуре, в самом типе мышления. Наконец, такое решение не соответствовало бы духу русской традиции. Россия, как заметил В.В. Кожинов, легко воспринимает культурные импульсы, и это дает толчок ее самостоятельному развитию. Так мы восприняли вместе с принятием христианства глубокую византийско-греческую традицию, в эпоху Петровских реформ — традиции постренессансной Западной Европы.

Здесь возникает важнейшая и очень трудная задача для русского национального сознания: что (и как) из продуктов либерально-демократического развития Запада (включая научно-техническую революцию) можно усвоить и использовать, не разрушая страну и ее национальную традицию. Я только отметил эту громадную проблему, чтобы подчеркнуть, что не собираюсь ее здесь обсуждать.

Работа посвящена двум другим движущим идеям XX века: национальной и социалистическо-коммунистической. Но начать надо с обсуждения этих двух ис-

торических явлений: нации и социализма (или коммунизма). При этом мне придется иногда повторять некоторые соображения, высказывавшиеся в моих более ранних работах, — это делается для удобства читателя.

Дальнейшее содержание работы: общее изложение тех основных (в моем понимании) двух концепций, о которых сказано выше, их реализация в нашей новейшей истории и, наконец, обсуждение того, как эти вопросы преломляются в нашей сегодняшней жизни и влияют на наше будущее.

НАЦИЯ

Практически во все известные нам времена люди живут, объединяясь в группы, большие, чем семья, и меньшие, чем все человечество. В известной нам письменной истории действующими лицами являются нации, формирующие государства. В более древний период и в современных догосударственных обществах такую же роль играет племя. Оба понятия объединяются в одно — этнос.

По какому принципу происходит объединение в этнос? Громадную роль играет родственность, единство происхождения, как в семье. Аристотель говорил, что государство произошло из семьи, а он имел в виду национальное государство. Во многих обществах распространен миф, согласно которому все их члены рождены, как растения, родной землей (автохтоны), и поэтому все в некотором смысле братья друг другу. С другой стороны, в жизни каждой нации играет роль большое число людей иного происхождения, как бы «усыновленных» нацией, благодаря усвоению ее культуры и других духовных ценностей. Таким образом, нация — это сложное материально-духовное единство, и эти две стороны в ней не разорвать. Таковым же является и человек, как его, например, описывает Державин в оде «Бог»:

Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Таково же положение этноса, соединяющего в себе и материальные (происхождение, «кровь»), и духовные элементы (мифы, религия, культура, общая история). Он, аналогично человеку, связывает «цепь существ».

Роль этносов, видимо, связана с тем, что, объединяясь в эти группы, люди приобретают возможность находить ответ на вопросы жизни, абсолютно непосильные индивидуальному человеческому уму. При этом то, как находится ответ, остается совершенно непонятным индивидуальному уму: ответ объясняют тем, что «так повелось исстари», или что так указал мифический предок, или что делать иначе — грех, табу. Это совершенно другой путь контакта человечества с окружающей средой, чем индивидуальное рациональное мышление.

Один из самых поразительных примеров таков. При небольшом размере племен в известных нам примитивных обществах (а в палеолите и неолите они, вероятно, были еще меньше) очень велика, казалось бы, вероятность браков между близкими родственниками. Мы знаем, что такие браки часто дают неполноценное потомство, и кажется, что человечество с самого начала было обречено на вырождение. Однако оно существует уже миллионы лет в значительной мере благодаря действующей во всех известных обществах системе брачных запретов, называемой экзогамией. Простейший из них заключается в том, что племя разделяется на два клана и запрещается брать жену из своего клана (видимо, эта ситуация отразилась во многих сказках, когда герой отправляется куда-то «в тридесятое царство» добывать себе невесту). При этом дети зачисляются в клан матери. Уже этот запрет исключает браки между

матерью и сыном, братом и сестрой. Но система запретов гораздо сложнее и исключает браки между близкими родственниками в далеком колене. Иногда молодые люди влюбляются вопреки экзогамным запретам («Ромео и Джульетта» первобытного общества). О таких драматических случаях рассказывают песни. Обычным выходом является совместное самоубийство. «Убей себя, убей себя!» — кричала мне мать», — говорится в одной песне нивхов. Конечно, члены этих племен не имеют представления о вредных генетических последствиях кровнородственных браков. Для них экзогамные запреты — типичное табу. Да и наше отталкивание от идеи кровосмешения никак не сводится к заботе о здоровье возможного потомства.

Чтобы не создалось впечатления, что решение жизненной проблемы глобально, целым этносом, является особенностью первобытного общества, приведу пример из сравнительно недавней истории. Речь идет о происхождении современных капитализма и демократии — «либерально-демократической идеи». Они возникли в результате Реформации — грандиозного переворота, совершившегося в Западной Европе в XVI — XVII веках. Но сама Реформация не выдвигала ни капиталистических, ни демократических принципов. Ее основоположник Лютер даже торговцев и тех приравнивал к ворам и никогда не покушался на авторитет и власть германских князей. Центральной идеей Реформации была идея спасения: спасения человеческой души в преддверии грядущего Страшного суда, которого ждали со дня на день. Основное богословское положение Лютера заключалось в том, что «спасение дается только верой», то есть. никакие совершенные в этой жизни поступки не могут перевесить первородного греха человека. Очевидно, что это было учение, уводящее от всякой мирской деятельности.

Во времена английской революции 1640 — 1660 годов революционерами тоже двигали религиозные идеи.

Они ожидали «пятую монархию» — монархию Иисуса Христа (это течение называлось квинто-монархизмом). Один из созванных Кромвелем парламентов назывался «парламентом святых». Каждому разумному человеку в то время должно было бы быть ясно, что «прогрессивным строем» является абсолютная монархия — такая, как испанская, французская, оттоманская, а парламенты — это атавизм, пережиток Средневековья. И тем не менее на этом пути сначала в Англии, а потом в Западной Европе и Северной Америке была построена система промышленного капитализма, общества, основанного на всеобщем избирательном праве, произошла научно-техническая революция. И только несколько столетий спустя Макс Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма»(1)[1] показал, почему же для создания столь практичного и мирского капиталистического демократического общества был необходим религиозный переворот Реформации. Несомненно, существует много других примеров такого решения задачи «групповым разумом» племени или нации (хотя бы открытие земледелия и приручение животных).

Конечно, совершенно непонятно, как этот «групповой разум» находит решение, недоступное индивидуальному человеческому разуму. Но ведь точно так же непонятно, как десять миллиардов клеток человеческого головного мозга вместе сочиняют стихи или доказывают теоремы.

Этот путь выбора народом правильного ответа, основанный не на рациональном, логическом мышлении, хорошо чувствовал Лев Толстой.

В «Войне и мире» он не раз возвращается к этому вопросу: «В исторических событиях очевиднее всего запрещение вкушения плода древа познания». О Куту-

---

[1] Здесь и далее цифры в скобках обозначают порядковый номер цитируемого издания в списке литературы, который приводится в конце всей работы.

зове говорится: «Против воли государя и по воле народа он был избран главнокомандующим». Что за непонятный механизм «избрания»? Основа его — национальная. Князь Андрей думает: «А главное, почему веришь ему, это то, что он русский». «На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало народному, противному придворным соображениям, избранию Кутузова главнокомандующим». «Только признание в нем этого чувства (национально-русского) заставило народ такими странными путями, из в немилости находящегося старика, выбрать его, против воли царя, в представителя народной войны».

Принадлежность к нации дает человеку более высокие жизненные цели, помогает оторваться от «малых радостей» или, наоборот, совсем безрадостных трудностей жизни, способных полностью его поглотить, особенно в периоды, когда привычная жизнь резко ломается. Ведь вся известная нам история есть история не отдельных людей, а народов. И только через принадлежность к народу человек может ощутить себя участником грандиозного процесса истории. Его жизнь приобретает некоторую высшую осмысленность и ценность, ради которой он способен многим жертвовать. Недаром в войнах, как правило, руководители государств апеллируют к национальным чувствам народа, призывая его к жертвам — и обычно с успехом.

КОММУНИЗМ

Я не буду вдаваться в тонкости, различающие понятия коммунизма и социализма, мне и самому они не очень ясны. Напротив, я постараюсь охарактеризовать в общих чертах «социалистически-коммунистическую

идею», пользуясь терминами «социализм» и «коммунизм» как синонимами.

Очень важно иметь в виду, что идея эта (как бы она ни называлась) вовсе не продукт последних веков, не идеология пролетариата, возникшего в результате промышленного переворота в Западной Европе. Наоборот, она очень древнего происхождения, то есть относится к числу основных концепций, «архетипов» цивилизованного человечества. Ее законченное, глубоко продуманное изложение известно нам уже из сочинений Платона в IV веке до Рождества Христова.

Платон обсуждает вопрос: как построить идеальное государство? Это очень характерно: и всюду впоследствии социалистическая концепция возникает как результат индивидуального рационального мышления, как социальное «изобретение», подобное паровозу или телевизору. Ее можно назвать идеей религиозного масштаба — но лишь в смысле масштаба ее воздействия на людей, способности увлекать их. Возникает же она принципиально другим путем, чем религия или национальное чувство. Двумя тысячелетиями позже Платона Бухарин пишет: «Капитализм не строили, а он строился». Наоборот, «процесс строительства коммунизма является в значительной степени сознательным, то есть организованным».

Платон начинает с утверждения, что величайшее благо для государства — это единство среди его граждан, «когда чуть ли не все граждане одинаково радуются или печалятся». А главное препятствие для этого то, что «невпопад раздаются возгласы: «Это — мое!» или «Это — не мое!» И то же самое насчет чужого». То есть, говоря современным языком, — частная собственность. И Платон решительно заявляет, что ради блага государства частная собственность должна быть упразднена. Но вопрос не такой простой. Надо решить, какая именно частная собственность отрицательно действует на общество. Отношение к чему именно

(«Это мое») препятствует единству государства: к моей руке, моему дому или к моим акциям, полученным по наследству от родителей? И центральным тут является вопрос: обладает ли человек частной собственностью на себя или он сам должен рассматриваться как собственность общества? А остальные аспекты частной собственности либо подкрепляют и реализуют то положение, что человек ничьей собственностью не является, либо, наоборот, являются болезненными искажениями такой установки.

Платон занимает самую крайнюю позицию: человеку не принадлежит ничего, а сам он целиком принадлежит государству (надо отметить, что он подробно говорит лишь об элите описываемого им общества — о тех, кого он называет «стражами»). Стражи живут и столуются вместе. Платон пишет: «...у них не будет никакой собственности, кроме своего тела». Но он идет и дальше. Ведь «моя жена», «мой муж», «мой ребенок» — это тоже «мое». С характерным для него интеллектуальным бесстрашием Платон планирует изгнать из общества и эти отношения. Определенным мужчинам и женщинам разрешается на время соединяться, чтобы произвести детей по решению лиц, стоящих выше в иерархии общества. Дети воспитываются все вместе и не знают своих родителей, а те — своих детей. Религия, мифы, искусство подвергаются жесткой корректировке и цензуре с целью воспитания качеств, необходимых государству.

Более чем за две тысячи лет, прошедших со времен Платона, никто к этой идеологии ничего принципиально нового не прибавил. Она многократно переизлагалась, в чем-то смягчалась ее отпугивающая прямолинейность, она приспосабливалась к особенностям других времен. Но основная идея была та же. Зато много разных мыслей было высказано о том, каким путем можно воплотить в жизнь этот идеально сконструированный общественный строй. Сам Платон надеялся,

что это произойдет, когда на троне окажется «царь-философ». Но в результате двухтысячелетней эволюции этой идеологии доминировать стала точка зрения, что она будет претворена в жизнь массовым восстанием, которое подготовит и возглавит меньшинство наиболее преданных и последовательных сторонников идеологии (как бы те же «стражи» Платона). Вехами этих поисков являются «Утопия» Томаса Мора, «Город Солнца» Кампанеллы, учения Сен-Симона, Фурье, Бакунина, Маркса и Ленина и много других вариантов. Но ядро учения, привлекавшее к нему, было одно: это ощущение человека как элемента грандиозной государственной или партийной машины, построенной из человеческих компонент, многомиллионной мегамашины. Чтобы стать таким элементом, человек должен от многого отказаться, но зато, идеально вписавшись в ритм машины, слившись с нею, он получает сверхчеловеческие возможности, власть над людьми и способность вершить историю.

Наиболее яркое изложение этой «социалистической идеи» принадлежит, по-моему, Г. Пятакову. Исключенный из партии как троцкист, он потом был принят обратно, временно занимал довольно высокие посты и, в частности, возглавлял советскую торговую делегацию в Париже. Там он встретился со своим бывшим товарищем по партии Н. Валентиновым. Валентинов записал их разговор и много лет спустя опубликовал его. Нервно ходя по кабинету и зажигая одну папиросу за другой, Пятаков изложил ему такие мысли. Напомнив ленинское определение диктатуры пролетариата как «власти, опирающейся на насилие», он разъясняет, что здесь насилие, осуществляемое над другими, — самая тривиальная сторона. Суть дела — в насилии, осуществляемом над собой. «Мы должны пожертвовать и гордостью, и самолюбием, и всем прочим», «мы выбрасываем из головы все ею (партией) осужденные убеждения, хотя бы мы их защищали, находясь в оппозиции».

«Категория обыкновенных людей не может сделать мгновенного изменения, переворота, ампутации своих убеждений» — «легко ли насильственное выкидывание из головы того, что вчера еще считал правым, а сегодня, чтобы быть в полном согласии с партией, считать ложным? Разумеется, нет. Отказ от жизни, выстрел в лоб из револьвера — сущие пустяки перед другим проявлением воли, именно тем, о котором я говорил».

Люди, усвоившие эту психологию насилия над собой, оказываются тем более способными применить насилие к другим людям в масштабах, казавшихся ранее невозможными. Тут вступает в силу другая часть ленинского определения диктатуры пролетариата: «...власть, осуществляемая партией, опирающаяся на насилие и не связанная никакими законами». Вот в последних словах Пятаков и видит основной смысл этой формулировки. «Закон есть ограничение, есть запрещение, установление одного явления возможным, другого невозможным». От этого-то и следует отказаться. Так возникает партия, «несущая идею претворения в жизнь того, что считается невозможным, неосуществимым и недопустимым». «Для нее область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, до нуля». Ради чести и счастья быть в ее рядах люди идут на те жертвы, которые описаны выше.

Я уверен, что это идеология не одного только Пятакова, а той партийной элиты, к которой он принадлежал. Недаром и Сталин однажды назвал партию «своеобразным орденом меченосцев», хотя такая поэтическая фразеология была ему совершенно не свойственна. И Бухарин называет партию «революционным орденом». Эта концепция обычно подкреплялась взглядом на всю Вселенную как на механизм, функционирующий, как и общество, по механическим «законам прогресса, подтвержденным новейшими достижениями науки», или по «законам диалектического ма-

териализма». Возникал взгляд, претендующий на истолкование с единой точки зрения всего бытия — в этом смысле претендующий занять место религии. Но в буквальном смысле эта идеология религией не является, так как абсолютно «посюстороння».

Эта «социалистическая идея» обладает необычайной притягательностью для проникшихся ею людей. История показывает нам многочисленные примеры революционеров, идущих на смерть или каторгу, коммунистов, осуществляющих вооруженной рукой продразверстку с риском быть растерзанными крестьянами, и т. д. Да это же видно в цитированном монологе Пятакова. В другой его части он говорит: «Я слышал следующего вида рассуждения... Она (партия) может жестоко ошибаться — например, считать черным то, что в действительности явно и бесспорно белое... Всем, кто подсовывает мне этот пример, я скажу: да, я буду считать черным то, что считал и что могло мне казаться белым, так как для меня нет жизни вне партии, вне согласия с ней...» Многие из того слоя партийной элиты, к которому принадлежал Пятаков, подтвердили делом его слова. Они проявили бешеную энергию на фронтах Гражданской войны, но безропотно пошли на гибель, когда так решила партия. И многие из них действительно заявили, что «считали черным то, что казалось белым», признав на показательных процессах обвинения, иногда, бесспорно, выдуманные. (При самой крайней подозрительности по поводу бывших революционеров — «революцию не делают в белых перчатках» — многие самообвинения были фактически опровергнуты или просто бессмысленны.)

XX век отличается тем, что в это время во многих странах осуществляется попытка построить государство на основе социалистической идеи. Само по себе это в истории — не новость. Государства, построенные по такому принципу, существовали в разное время в Месопотамии, Древнем Египте, Древнем Китае, в Перу до

испанского завоевания, в государстве, организованном иезуитами в Парагвае, и т. д. Это было многократно описано историками, о чем говорят хотя бы названия книг: «Государственный социализм в XV веке до Р.Х.», «Коммунистическая христианская республика Гуарани» и др. Но в XX веке социалистические революции потрясли весь мир. Конечно, центральным событием была революция в России. Но одновременно были социалистические революции в Баварии и Венгрии, позже — в Китае, на Кубе, во Вьетнаме и в Камбодже. Это был мировой кризис, эпицентр которого находился в России.

Признаком всемирного характера социалистического движения в XX веке была и та моральная поддержка, которую большая часть западной интеллигенции оказывала Советскому Союзу (а позже — маоистскому Китаю и Кубе).

В грандиозных переворотах, связанных с социалистическими революциями XX века, с той «социалистической идеей», которую я попытался сформулировать выше, смешивались и к ней присоединялись внешне схожие, но принципиально отличные элементы жизни — такие, как навыки коллективных форм труда, требования социальной справедливости и т. д. Например, в русской общине земля время от времени подвергалась переделу. Однако на земле, выделенной ему, крестьянин хозяйствовал самостоятельно, решая, где и что ему сеять, когда убирать, когда свозить... То есть труд его носил творческий характер в сотрудничестве с природой. Это была форма хозяйствования, по духу противоположная «трудовым коммунам» времен «военного коммунизма» и колхозам более позднего времени. Или, в другом случае, когда английское лейбористское правительство после Второй мировой войны, опираясь на высокие налоги на капитал, развернуло широкую программу социального обеспечения, включая бесплатную медицинскую помощь и бесплатное снабже-

ние лекарствами, — то основой все же оставался капитал, прибыли которого облагались высокими налогами. Наоборот, партии ортодоксально-социалистического толка, например коммунистические, всегда относились подозрительно к такой борьбе за улучшение социальных условий трудящихся, называя ее «тред-юнионизмом», «борьбой за пятачок», «экономизмом» или «подкупом верхушки рабочего класса».

Во всех известных попытках осуществления коммунистического идеала вслед за эпохой радикальных преобразований следует период компромиссов и отказа от крайних принципов. В одной статье В. Г. Распутина о коммунизме, его роли в истории России говорится: «Призванный погубить страну, он постепенно стал державником, на свой, разумеется, твердолобый и непререкаемый манер, которому не близко до желаемого блага». Мне кажется, что здесь намечается и более широкая, и очень плодотворная мысль. Если говорить о наших «идеях», то и «коммунистическая идея», и русская «национальная идея» существовали в XX веке не в каких-то разных пространствах и даже, большую часть времени, не разделенные фронтом. Власть в России была коммунистической. Но национальная русская традиция имела за плечами тысячу или тысячи лет и не могла внезапно исчезнуть. Обе «идеи» влияли друг на друга и видоизменяли друг друга.

Собственно, я думаю, привившийся термин «советская власть» подразумевает, конечно, не «власть Советов» — они были подчинены партии, — а ту именно реальную форму, которую «коммунистическая идея» приняла в России под влиянием многообразных воздействий жизни, и в частности русской национальной традиции. Вот именно протекавший в реальной жизни процесс взаимодействия этих двух фундаментальных идей и важно рассмотреть. Следующая часть работы содержит некоторые соображения на эту тему.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Конечно, вопрос не новый. Разные точки зрения можно найти, например, в «круглом столе» («Наш современник», 1997, № 11), состоявшемся в связи с 80-летием Октябрьской революции.

Один из ответов, предлагавшихся на сформулированный выше вопрос, заключается в том, что как раз в XX веке «коммунистическая идея» и «национальная русская идея» практически совпали. Согласно этому взгляду, коммунистическая революция реализовала чаяния подавляющего большинства русского народа. Буржуазно-масонская Февральская революция развалила Россию. Гражданская война была навязана контрреволюционными генералами и Антантой, но она была одновременно процессом «собирания России» новой властью.

Мне кажется, что в этой точке зрения фактами подтверждается только то, что относится к Февральской революции. Она действительно разрушительно подействовала на страну. Но как только вслед за революцией активизировалась большевистская партия, она включилась именно в эту разрушительную деятельность и играла в ней наиболее активную роль. Октябрьская революция логически предполагала гражданскую войну. Партия, совершающая революцию, берет тем самым на себя ответственность за возникающую потом гражданскую войну, если речь идет не о смене одного монарха другим, а об изменении всего экономического и политического уклада. Но в данном случае положение еще

более ясное. Едва прошел один месяц с начала Первой мировой войны, как Ленин уже сформулировал свой лозунг о превращении войны империалистической «в беспощадную гражданскую войну». Он и дальше его постоянно пропагандировал. И в этом он был принципиален и последователен как марксист. Маркс писал: «Мы говорим рабочим: вы должны пережить 15, 20, 50 лет гражданской войны и международных битв, и не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но чтобы и самим измениться и стать способными к политическому господству». То есть гражданская война рассматривалась как метод создания «нового человека».

Еще в январе 1918 года, когда гражданской войны не было, Крыленко говорил на III съезде Советов: «Красная армия в первую очередь предназначена для войн внутренних». Бухарин писал: «Пролетарская революция есть... разрыв гражданского мира — это есть гражданская война <...>, в огне гражданской войны сгорает общенациональный фетиш». Он негодует, что Каутский ужасается по поводу «самой страшной» гражданской войны, называя это «чудовищным ренегатством». Или Свердлов на заседании ВЦИКа четвертого созыва ставит задачу: «...расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря <...>, разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городах <...>, только в том случае сможем мы сказать, что мы и по отношению к деревне сделали то, что смогли сделать для городов».

Таким образом, идея гражданской войны принадлежит к числу основных концепций, принятых руководством большевистской партии, — это, собственно, была та форма, которую классовая борьба принимала в эпоху пролетарской революции.

Еще до Октябрьской революции параллельно разработке и внедрению идеи гражданской войны разви-

валась идея борьбы за поражение своего правительства в идущей мировой войне. Ленин писал: «Русские социал-демократы были правы, говоря, что для них меньшее зло — поражение царизма, что их непосредственный враг — больше всего великорусский шовинизм»; «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома». Он имеет в виду явно не одни «желания», призывая к политике, которая «несовместима, по большей части, с законами о государственной измене». «Пролетариат не может ни нанести классового удара своему правительству, ни протянуть (на деле) руку своему брату, пролетарию «чужой», воюющей «с нами» страны, не совершая «государственной измены», не содействуя поражению, не помогая распаду «своей» империалистической «великой» державы». Эта программа и реализовалась.

Финансирование германским Генеральным штабом большевистской партии в период между Февральской и Октябрьской революциями подтверждено столькими свидетельствами, как редко какой исторический факт. Тут и опубликованные в 1950-е годы документы германского Генерального штаба, и свидетельства современников. Однако все это было лишь продолжением старой традиции. Так, в 1904 году на Международном социалистическом конгрессе в Амстердаме Плеханов заявил, что он считал бы победу царизма в войне с Японией поражением русского народа, и под гром аплодисментов обнялся с японским делегатом Катаямой. Аналогичные заявления делались немецкими и французскими делегатами на различных конгрессах II Интернационала перед Первой мировой войной. Но когда дело дошло до реальной войны, их марксистские убеждения оказались недостаточно последовательными. А ведь еще Маркс писал Энгельсу: «Я вполне согласен с тобой относительно Рейнской провинции. Загляды-

вая в будущее, я вижу нечто, что будет сильно отдавать «изменой отечеству»; вот это для нас фатально. От поворота, который примут дела в Берлине, будет зависеть, не будем ли мы вынуждены занять такую же позицию, какую в старой революции заняли майнцские клубисты». («Майнцские клубисты» — группа немецких иллюминатов, способствовавших во время войны с революционной Францией сдаче Майнца французам, а потом агитировавших за присоединение Рейнской области к Франции.)

Выше уже приводилась мысль Ленина, что в число мер, способствующих поражению «своего» правительства, необходимо включить развал «своей» державы. И более конкретно: «Кто пишет против «распада России», тот стоит на буржуазной точке зрения». Этот вопрос обсуждался на VII партконференции в апреле 1917 года. Там Ленин говорил: «Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ (? — *И. Ш.*), должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии... Если Финляндия, Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист». И это в то время, когда, например, самое крайнее украинское движение, Рада, добивалось только автономии в пределах России.

Логическим следствием этой политики был Брестский мир, после которого границы Советской России на западе в основном совпали с границами теперешней, постперестроечной Российской Федерации, — оттуда они и происходят. Трудно предположить, что большевистское руководство или лично Ленин заранее рассчитывали на поражение Германии на Западном фронте, позже освободившее их от пут Брестского мира. Они скорее преувеличивали силы Германии, обычно приводя ее как пример наиболее организованного, самого передового капиталистического государ-

ства в Европе. Их истинная надежда была — так и несостоявшаяся мировая пролетарская революция.

После поражения Германии на Западном фронте и в результате Гражданской войны размеры Советской России стали быстро расширяться. Именно этот процесс, по-видимому, и дает пищу концепции «собирания Российского государства» коммунистической властью. Подобные мысли высказывались и тогда, во время Гражданской войны, но, как правило, людьми, жизнь которых была разбита разразившейся катастрофой, готовых хвататься за соломинку, принимать любую утешающую мысль (сейчас, когда наша страна переживает такого же масштаба катастрофу, мы можем очень хорошо понять подобную психологию).

Такими были, например, герои романа Булгакова «Белая гвардия». В романе Савинкова «Конь бледный» описывается белый офицер, проникший в Советскую Россию с целью убить Дзержинского. Для этого он становится командиром Красной армии и против своей воли начинает ей сочувствовать — видит, что это настоящая армия, спаянная дисциплиной. Позже, после окончания Гражданской войны, подобные взгляды высказывало целое направление — «сменовеховцы». Но это направление выросло уже на ядовитой почве эмиграции (эмиграция — страшная вещь, говорил Герцен, испытавший ее на себе). Даже Пуришкевич писал: «Советская власть — это твердая власть, — увы, не с того лишь боку, с которого я хотел видеть твердую власть над Россией».

В качестве показателя подобных настроений иногда приводят цифры, указывающие на значительное число дореволюционных офицеров, воевавших в Гражданскую войну в Красной армии, рассматривая это как признание ими «государственнического» характера новой власти. Но при этом нельзя, например, забывать, что была объявлена мобилизация офицеров и что

Троцкий сообщил на заседании ЦИКа в июле 1918 года: «Каждый военный специалист (так назывались тогда дореволюционные офицеры. — *И. Ш.*) должен иметь и слева и справа по комиссару с револьвером в руке». Троцкий утверждает, что сообщил Ленину про мобилизованных бывших офицеров — они должны выбирать: «...с одной стороны — концлагерь, а с другой — служба на Восточном фронте». У многих из мобилизованных в качестве заложников оставались семьи. Только учитывая все эти факторы, можно было бы попытаться оценить участие бывших офицеров в Гражданской войне на стороне Красной армии как признак их сочувствия (хоть в какой-то степени) одной из сторон.

Но кто определенно таких мыслей не высказывал — это вожди большевистской партии (когда Ленин говорил, что «мы оборонцы с 25 октября 1917 года», то тут же оговаривался: «...та отечественная война, к которой мы идем, является войной за социалистическое отечество, за социализм как отечество, за Советскую Республику как отряд всемирной армии социализма»). Традиция исторической, национальной России была им глубоко антипатична, их цель была — мировая революция. Одну свою речь (после Февральской революции) Троцкий закончил лозунгом: «Будь проклят патриотизм!» Один близкий Ленину человек, впоследствии эмигрировавший, уверял, что Ленин ему сказал: «Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции». Но подобные высказывания можно встретить и в Собрании сочинений Ленина, например: «...интересы мирового социализма выше интересов национальных, выше интересов государства» (как аргумент в пользу Брестского мира).

Еще в 1919 году перед войсками Украинского фронта ставилась задача прорыва на помощь советской

Венгрии. Был сформирован венгерский «Отряд Фекете». Но тогда рассчитали, что сил не хватает.

Типичным примером была война с Польшей в 1920 году. Целью ее было не нанесение удара польской армии, чтобы вернуть Польшу как часть Российской империи или отстоять Западную Украину и Западную Белоруссию. Цель была — прорваться в Германию на помощь немецкому пролетариату. Приказ Тухачевского гласил: «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару... Вперед на Запад!» Именно эта установка стала одной из причин поражения. В результате 130 тысяч красноармейцев попали в польский плен. В первые же два года 60 тысяч из них умерли от бесчеловечных условий в польских концлагерях (2). Это была плата русской кровью за попытку разжечь мировую революцию.

Тогда же, в разгар удара по Польше, Тухачевский написал статью в форме обращения ко II конгрессу Коминтерна. Он пишет: «Война может быть окончена лишь с завоеванием всемирной диктатуры пролетариата <...>. Государство, находящееся под властью рабочего класса <...>, должно создать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира». Для этого, «учитывая неизбежность мировой гражданской войны в ближайшее время, необходимо теперь же создать генеральный штаб III Коммунистического интернационала». «Мы стоим накануне мировой гражданской войны, руководить которой со стороны пролетариата будет Коммунистический интернационал». Эта статья включена в книгу, само название которой красноречиво: «Война классов» (3). В ней говорится: «Захват государственной власти в буржуазной стране может идти двумя путями: во-первых, путем революционного восстания рабочего класса данной страны и, во-вторых, путем вооруженного действия со стороны соседнего пролетарского государства». Согласование этих

двух направлений революции, изнутри и извне, и должно, по мнению автора, быть функцией Коминтерна.

Такие взгляды были широко распространены. Бухарин, например, пишет, что в мировой революции «причудливо переплетаются самые различные моменты: империалистической войны, национально-сепаратистских восстаний, гражданской войны внутри страны и, наконец, классовой войны между государственно организованной буржуазией и государственно организованным пролетариатом». «Начавшаяся эпоха революций <...> есть эпоха неслыханных классовых битв, вырастающих в классовые войны». Декрет, изданный в январе 1918 года, характеризует Красную армию как «поддержку для грядущей социалистической революции в Европе».

Приписывать большевикам эпохи Октябрьской революции стремление к «собиранию России» — значит ошибочно переносить на них чувства, испытываемые многими сейчас. Им-то русская историческая традиция была чужда и враждебна, виделась, по словам Ленина, как «великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями и капиталистами». Цель большевистского руководства была — мировая пролетарская революция. Как писал Ленин, «мы и начали наше дело исключительно в расчете на мировую революцию».

Верно ли, что Октябрьская революция реализовала основные чаяния народа? В 1917 году народ прежде всего был глубоко травмирован войной. Действительно, представим себе тогдашнее положение: приносятся колоссальные жертвы (1 миллион 650 тысяч убитых и умерших от ран). Как это понять рядовому солдату? Ради чего эти жертвы? Война идет среди населения, говорящего не по-русски, часто настроенного недружественно к русским (в Польше, Литве, Галиции, Румынии). Народом она не воспринималась как «защита

отечества», не апеллировала к исторически сложившимся чувствам. Вероятно, именно это имел в виду Столыпин, когда в письме Извольскому писал (в 1911 году): «Война в следующем году, особенно в том случае, если ее цели непонятны народу, станет фатальной для России и династии»; «Россия выстоит и одержит победу только в народной войне». Изо всех партий большевики одни призывали к немедленному прекращению войны («воткнуть штык в землю»). Это соответствовало чаяниям определенной, вероятно большой, части народа.

Но в результате Октябрьской революции вместо мира народ получил еще три года Гражданской войны. Эта война, вызванные ею эпидемии и голод унесли, по подсчетам разных историков, 13 — 17 миллионов человек. То есть по масштабу катастрофа далеко превосходила даже «перестройку» (если не гадать о будущем). В то же время за три года предшествовавшей мировой войны потери России (по всем причинам) составили 5 миллионов человек (включая население оккупированных территорий). И эта Гражданская война была заранее запланирована (как писал Ленин), специально разжигалась в деревне (как говорил Свердлов), ее всеми силами стремились превратить в мировую (как об этом писали Бухарин и Тухачевский).

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА

Другим вопросом, игравшим драматическую роль в революции, был вопрос о земле. Россия была крестьянской страной: 4/5 населения были крестьянами. Крестьяне страдали от безземелья. Поэтому неурожайный год сразу оборачивался голодом. На почве безземелья все время возникали крестьянские восстания, цель которых была — захват помещичьих земель. В XX веке первый взрыв крестьянских волнений был в 1902 году в

Левобережной Украине. Боевой лозунг, что от безземелья крестьян спасет раздел помещичьих земель, распространяли все левые партии: кадеты и все, кто левее их. Так что после Февральской революции власть оказалась полностью в руках партий, стоящих за отчуждение помещичьих земель. Но одни партии считали, что для этого необходим декрет Учредительного собрания, другие предлагали создать комиссии для справедливого раздела. Одни большевики предлагали немедленный раздел. Это и обеспечило им широкую поддержку (иногда активную, чаще — пассивную) во время Гражданской войны.

Встает основной вопрос: в какой мере крестьянское безземелье было преодолено в результате этой политики? В современном учебнике для студентов исторических факультетов (31) говорится: «Что касается общего количества перешедшей к крестьянам земли, то историки до сих пор затрудняются назвать более или менее правдоподобную цифру». Действительно, оценки очень различны. Так, в отчете Наркомзема, изданном в 1920 году, сообщается: «Специальная анкета центрального отдела землеустройства позволила установить, что увеличение площади на едока выразится в ничтожных величинах: десятых и даже сотых десятины на душу» (39).

Прежде всего необходимо оценить степень и причины крестьянского безземелья. Вот что писал Н. Д. Кондратьев:

«По данным переписи 1916 года, по 47 европейским губерниям на долю крестьянских посевов приходилось 89,2% всех посевов. Крестьянам принадлежало 93,9% всех рабочих лошадей, 94,2% крупного рогатого скота, 94,3% всех свиней. В рыночном обороте хлеба на долю крестьянского хлеба приходилось 78,4%» (4). Те же цифры приводят и другие экономисты, например Челинцев. Но, видимо, в «крестьянские посевы» включаются и посевы крестьян на арендуемой у помещиков

земле, а плата за аренду ложилась тяжелым грузом на бюджет крестьянина. С другой стороны, говорит Кондратьев, «десятина земли дает пшеницы: в Англии — 138 пудов, в Германии — 121 пуд, во Франции — 79 пудов, в России — 42 пуда. Чем же это объясняется? Этого нельзя объяснить плохой природой России, плохим климатом и плохой почвой. Климат значительной и самой плодородной части Южной России не хуже климата Германии, Франции и Англии. Тепла и влаги у нас не менее, чем там. То же самое нужно сказать о нашей почве. Наш южный чернозем даже превосходит почву Западной Европы. Объяснение нужно искать в плохой обработке земли, в отсталости крестьянского хозяйства» (5). (Кондратьев происходил из малозажиточной крестьянской семьи, был старшим из десяти детей. Окончил церковно-приходскую школу и церковно-учительскую семинарию. Сдал экзамен на аттестат зрелости и поступил в университет. Впоследствии стал крупнейшим ученым с мировым именем, открытые им «кондратьевские циклы» стали общепризнанным в мире законом экономики. Принадлежал к партии эсеров, хотя и не был политически активным. Таким образом, его высказывания — это суждения исключительно компетентного специалиста, смотрящего на вопрос именно с «крестьянской», отнюдь не с «буржуазно-помещичьей» точки зрения.)

В цитированной статье Кондратьев считает, что имеется 56 — 60 миллионов десятин пригодной для земледелия помещичьей, казенной, монастырской земли, которую можно было бы разделить между крестьянами. Он считает, что если передел произвести так, чтобы обеспечить землей самых малоземельных, то можно добиться того, чтобы каждое крестьянское хозяйство имело не менее 10 десятин земли. Кондратьев считает, что это утолит немедленный земельный голод, и выступает за такой передел. С другой стороны, он

подчеркивает очень тяжелое положение сельского хозяйства. Например, 36% хозяйств — безлошадные; что они будут делать со своими десятью десятинами, если их получат?

Но вот в результате революции вся земля была поделена «по-черному». В другом месте Кондратьев говорит, что в 1916 году по 24 обследованным губерниям Европейской России на хозяйство в среднем приходилось 4,97 десятины пашни (5). А в статье, написанной В.П. Даниловым и Н. А. Ивницким (6; введение), то есть двумя наиболее компетентными в этой области современными специалистами, утверждается, что к 1927 году среднее крестьянское хозяйство в СССР обладало 4 — 5 десятинами пашни. То есть после революции размер пашни на одно хозяйство сначала (к 1919 году, согласно данным Кондратьева) упал вдвое, а за десять лет вернулся к прежним размерам. И за это было уплачено миллионами человеческих жизней и духовной травмой, сказывавшейся еще в течение десятилетий!

По-видимому, представление о необъятных помещичьих землях, раздел которых надолго сможет решить крестьянские проблемы, было пропагандистским мифом, очень умело внушенным левыми партиями (кадетами и всеми левее их). (Мы все были свидетелями аналогичного явления, когда в начале «перестройки» средства информации начали массированную атаку на «привилегии». Помню обошедшую тогда многие газеты фотографию дачи какого-то маршала, довольно потрепанной. А в то же время можно было видеть своими глазами возникающие как грибы мини-дворцы дельцов, под прикрытием этих криков делящих богатства страны.)

Но самое существенное заключается в том, что помещичьи земли были крестьянами вовсе не «получены», а отвоеваны (и то меньше чем на десять лет) в ожесточенной трехлетней войне против новой власти.

Конфликт, возникший между новой коммунистической властью и деревней, имеет две стороны: идеологически-юридическую и практически-жизненную. Идеологически большевики всегда были решительными противниками передачи земли крестьянам: они требовали национализации земли, передачи ее в распоряжение государства. Еще в резолюции VII партконференции РСДРП(б) в апреле 1917 года говорится: «...означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распоряжаться землей в руки местных демократических учреждений». Но прямое провозглашение и проведение такой программы вызвало бы сопротивление всей крестьянской России. Из тактических соображений Ленин соглашался пойти на временный отказ от нее: «Мы становимся таким образом — в виде исключения и в силу особых исторических обстоятельств — защитниками мелкой собственности, но мы защищаем ее лишь в ее борьбе против того, что уцелело от «старого режима».

После прихода большевиков к власти эти взгляды нашли отражение в нескольких декретах и постановлениях. Первым и наиболее известным был Декрет о земле от 26 октября 1917 года. В нем декларировалась безвозмездная передача помещичьих земель крестьянам. К декрету был приложен наказ для руководства, составленный из 242 местных крестьянских наказов. В этом наказе говорится, что земля, перешедшая к крестьянам, поступает в «уравнительное землепользование» (этот принцип лежал в основе дореволюционной общины). Этим большевистское правительство временно отказалось от исполнения своей программы и приняло эсеровскую программу. Да и Ленин говорил на III конгрессе Коминтерна: «Наша победа в том и заключалась, что мы осуществили эсеровскую программу; вот почему эта победа была так легка». Но дело не

было столь однозначно. Слова об отмене частной собственности на землю, содержащиеся в наказе, могли (как и было впоследствии) служить оправданием перехода ее под контроль государства.

Вскоре после Декрета о земле, 19 февраля 1918 года, был опубликован «Основной закон» о земле, где подтверждалась отмена «всякой собственности» на землю, недра, воды и леса. Все они передавались «трудовому народу». При этом земля для занятия сельским хозяйством отводится: в первую очередь сельскохозяйственным коммунам, во вторую — сельскохозяйственным товариществам, в третью — сельским обществам и лишь в четвертую — отдельным семьям и лицам.

А еще через год — 14 февраля 1919 года — издается положение ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». В нем говорится, что «вся земля в пределах РСФСР, в чьем бы пользовании она ни состояла, считается единым государственным фондом и находится в распоряжении соответственных народных комиссариатов»; «Необходим переход от единоличных форм землепользования к товарищеским. На все виды единоличного землепользования следует смотреть как на переходящее и отживающее. В основу землеустройства должно быть положено стремление создать единое производственное хозяйство, снабжающее Советскую Республику». Таким образом, идея национализации, создания единого общегосударственного земледельческого хозяйства была не оставлена, а со временем формулировалась все более четко.

Конечно, средний крестьянин вряд ли следил за резолюциями партконференций, декретами и законами. Реально деревня и новая власть столкнулись в вопросе о хлебе, а конкретнее — в связи с продразверсткой. Продразверстка, то есть обязательство крестьян продавать определенную часть урожая, была как мера воен-

ного времени введена еще до Февральской революции, а монополия государства на торговлю хлебом была установлена Временным правительством. Особенность же продразверстки, проводившейся после Октябрьской революции, заключалась в том, что власть пыталась конфисковать практически весь хлеб, ничего не давая взамен. Более того, уже в мае 1918 года Свердлов огласил план внесения Гражданской войны в деревню, цитированный выше, была объявлена продовольственная диктатура, создана продовольственная армия, издан декрет о комбедах. В Конституции РСФСР 1918 года и СССР 1922 года «кулаки» были объявлены «лишенцами». В этих условиях продразверстка приняла формы, на которые крестьяне ответили непрекращающейся чередой восстаний — крестьянской войной. Теперь, когда многие архивы рассекречены, по этому вопросу изданы сборники документов (7, 8, 9), систематические обзоры (10, 11). Из них возникает картина «забытой войны», помнить которую было не нужно ни белым, ни (тем более) красным. Но которая тем не менее на какое-то время определила ход истории.

Вот несколько примеров (взятых из этих публикаций), как проводилась продразверстка. Из доклада партии эсеров в Тамбовской губернии в 1920 году: «Так как хлеба в губернии все-таки мало, то в некоторых волостях крестьяне оказываются не в состоянии даже покупкою покрыть причитающуюся с них «норму», отдают семена, отдают оставленную для собственного потребления «норму», а когда и этого не хватает, отказываются наотрез и молчаливо ждут наказания: «И так и так умирать, пусть стреляют». Случаи массовых расстрелов крестьян уже были в 3 — 4 местах губернии... Зарегистрировано также несколько случаев самоубийств крестьян; в одном из сел Тамбовского уезда покончил самоубийством даже местный «комиссар» — большевик, которому постановлено, под угро-

зой расстрела, невыполнимое требование — взять с деревни еще по 5 пудов хлеба, когда перед тем мужики уже дважды внесли эту норму».

Из сводки ВЧК: «Продотряды, согласно заявлению крестьян, безжалостно выметают все до зерна, и даже бывают случаи, где берут заложниками уже выполнивших разверстку» (в сводке это относится к «недоразумениям»). Из другой сводки: «Путем ареста, принудительных работ я заставляю их («кулаков». — *И. Ш.*) подчиняться необходимым распоряжениям». Вот картина того, как осуществлялась продразверстка «приехавшим в уезд (Борисоглебский) гражданином Марголиным»: «В ход была пущена порка... Порют продармейцы, агенты и сам гражданин Марголин, за что был арестован Ревтрибуналом, но по приказу из Тамбова ныне выпущен из тюрьмы с допущением к исполнению своих обязанностей. Продовольственную разверстку гражданин Марголин начинает таким образом. По приезде в село или волость он собирает крестьян и торжественно заявляет: «Я вам, мерзавцам, принес смерть. Смотрите, у каждого моего красноармейца по сто двадцать свинцовых смертей на вас, негодяев». Затем начинается требование выполнить продразверстку, а потом порка, сажание в холодный сарай и т. п.». Из заявления Никольского волостного совета крестьянских депутатов: «...отряд с пулеметом, во главе с Пузиковым, каковой арестовал и посадил в холодные амбары несколько крестьян, наложил на них денежные штрафы, дал полчаса времени на размышление, по истечении которого неуплатчик должен был быть расстрелян. Одна женщина, не имея денег, спешила продать последнюю лошадь, чтобы выручить из-под ареста невинного мужа, и не успела явиться к назначенному часу, за что муж ее был расстрелян». Сверх того, множество жалоб на то, что продразверстка накладывается совершенно произвольно, не пропорционально возможно-

стям, а отобранные продукты расхищаются или не вывозятся и гниют.

Другой причиной резкого отпора крестьян была мобилизация в Красную армию. Если судить по результатам мобилизации, то крестьянство определенно не желало воевать за большевиков: целые области отказывались подчиниться приказу о мобилизации. Например, когда в 1918 году была объявлена мобилизация в Красную армию в Поволжье и восточнее, вплоть до Сибири, то явилось менее 20%. Такие же цифры приводятся по областям Центральной России в 1919 году. В некоторых областях число дезертиров доходило до 90%. По разным губерниям приводятся цифры в сотни тысяч дезертиров. Общее число дезертиров в Европейской России только во вторую половину 1919 года превышало 1,5 миллиона человек. Еще одной причиной были репрессии против Церкви.

Эти причины вызвали цепь крестьянских восстаний, а по существу Крестьянскую войну 1918 — 1921 годов по всей территории, контролировавшейся властью РКП(б). Мы сделаем очень короткий обзор ее по опубликованным в последнее время документам (7 — 11).

1918 год

Массовые восстания начались с лета 1918 года. В Центральной России их было не менее 300: в Смоленской, Воронежской, Новгородской, Псковской, Костромской, Петроградской губерниях. Одно было под Москвой — в Дмитровском уезде. Особенно массовым было пензенское восстание. В связи с его подавлением Ленин телеграфировал: «Необходимо произвести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев. Сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Телеграфируйте об ис-

полнении». «Крайне возмущен, что нет ровно ничего определенного от Вас о том, какие же, наконец, серьезные меры беспощадного подавления и конфискации хлеба у кулаков пяти волостей проведены Вами. Бездеятельность Ваша преступна. Надо все силы направлять на одну волость и очистить в ней все излишки хлеба». «Повторяю приказ прибывшим с экспедицией латышам остаться пока, до нового распоряжения, в Пензе. Выделяйте надежнейших из ваших восьмисот солдат и действуйте беспощадно — сначала против одной волости, доводя дело до конца». Ленин завизировал телеграмму Цюрупы, в которой требовалось назначить по каждой волости заложников, на которых возложить обязанность собрать все излишки хлеба и вывезти его на ссыпные пункты.

Впрочем, захват заложников практиковался и безо всяких указаний. Из донесения ВЧК: «В уезде убит организатор комитета бедноты. В ответ на это в г. Череповце расстреляны заложники: кирилловский епископ Варсонофий, игуменья Ферапонтиевского монастыря Серафима...» (всего 10 человек). Из другого донесения ВЧК: «Чрезвычайные комиссии уже заблаговременно забирают заложников... в ответ на покушение на члена ЧК приговорены к расстрелу 50 заложников...» По поводу подавления восстаний сводка ЧК сообщает: «Невельская чрезвычайная комиссия совершила массу расстрелов... произвела массу арестов заложников — городской буржуазии и деревенских кулаков». Те же меры применялись и к дезертирам. Лишь в одном уезде Симбирской губернии было расстреляно до 1000 крестьян, не явившихся по мобилизации. В 40 волостях Тамбовской губернии против крестьян применялись броневики.

К концу 1918 года восстаниями было охвачено более половины территории, контролировавшейся большевистской властью. О потерях крестьян встречаются

лишь данные по отдельным районам: расстреляно 600 человек, 750, 1200... Все эти меры не достигли своей главной цели — было собрано лишь несколько процентов намеченной продразверстки.

1919 год

Разгоревшись в 1918 году, крестьянская война развернулась в полную силу в 1919-м. К этому времени положение центральной власти заметно улучшилось. Была разгромлена власть «Комуча» в Поволжье вплоть до Урала. В конце 1918 года капитулировала на Западе Германия и началось продвижение в глубь Украины частей Красной армии. Но государственное давление на деревню только увеличилось. Сохранилась продразверстка в столь же крайних формах. Монополия государства была распространена на всю продукцию сельского хозяйства, вплоть до грибов и ягод. Увеличились повинности: гужевая, трудовая, по расчистке железнодорожных путей от снега — и, как всегда, с расстрелами за невыполнение приказов. Увеличился объем мобилизации в Красную армию.

Расширялась и Крестьянская война. Восстания с участием десятков и сотен тысяч крестьян охватили всю территорию, контролировавшуюся большевистской властью. За первую половину года сведения о них имеются по 124 уездам Европейской России. Одним из самых массовых была «чапанная война» (от слова «чапан» — крестьянская одежда) — от Поволжья до Урала. В ней участвовало несколько десятков тысяч крестьян, выдвигались командиры из числа крестьян, имевших военный опыт, создавались штабы. Был избран свой Совет, издавался свой печатный орган. Причины: мобилизация, реквизиции, порки плетьми, уничтожение икон. Подавлением руководил Фрунзе. В военных дей-

ствиях убито более 1000 повстанцев, из них более 600 расстреляно ЧК и трибуналами.

Но самым драматическим эпизодом этого года был террор против донских казаков («расказачивание») и их ответное восстание. О нем скажем подробнее.

После революции в донском казачестве взяла верх позиция нейтралитета в борьбе между белыми и красными. Но вскоре Гражданская война проникла и к ним: борьба между войсками Краснова и Миронова. Миронов не только воевал с войсками Краснова, но и помогал Красной армии в обороне Царицына. Однако в руководстве большевиков было укоренено априорное отношение к казакам как к врагам. Например, по поводу терского казачества в обращении Народного комиссариата по делам национальностей (наркомнацем был Сталин) в 1918 году говорилось: «Первое место по заслугам перед Советской властью следует отдать чеченцам и ингушам, они почти поголовно вооружены и наносят казацким бандам непоправимые удары <...>, горцы борются с контрреволюционным казачеством...» По поводу донских казаков Сталин писал Ленину, что «целыми полками переходили на сторону Миронова казаки для того, чтобы, получив оружие, на месте познакомиться с расположением наших частей и потом увести за собой в сторону Краснова целые полки». На самом деле в значительной степени именно войска Миронова помогли разбить Краснова и открыли путь Красной армии на Дон.

С этого времени (январь 1919 года) и начинается расказачивание. Основные принципы были сформулированы в Директиве Оргбюро ЦК РКП(б) (точнее — в циркулярном письме) от 24 января. Положения этого документа были выработаны в начале января в переписке между Свердловым и Донбюро (председатель Сырцов, обычный корреспондент Свердлова — Френкель). В Директиве предлагается:

«1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. <...>

5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи. <...>

7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка» (то есть оккупация).

Еще 15 января Френкель писал в ЦК РКП: «Предстоит очень большая и сложная работа по уничтожению... кулацкого казачества как сословия, составляющего ядро контрреволюции». Свердлов дал указание никакой местной власти на Дону не допускать, «руководство должно пока остаться за Реввоенсоветом фронта». Инструкция Реввоенсовета «О борьбе с контрреволюцией на Дону» рекомендует: «...обнаруживать и немедленно расстреливать: а) всех без исключения, занимавших служебные должности <...>, е) всех без исключения богатых казаков <...>, и лица и целые группы казачества, которые активного в борьбе с советской властью участия не принимали, но которые внушают большие опасения, подлежат усиленному надзору и, в случае необходимости, аресту» (подписи: Реввоенсовет Южфронта И. Ходорковский, В. Гиттис, А. Колегаев, управделами В. Плятт). В другой раз Реввоенсовет пишет: «Необходимы концентрационные лагеря с полным изъятием казачьего элемента из пределов Донской области». Донбюро предписывало: «1. Во всех станицах, хуторах немедленно арестовывать всех видных представителей данной станицы <...>, хотя и не замеченных в контрреволюционных действиях, и отправлять как заложников в районный революционный трибунал (уличенные, согласно Директиве ЦК, должны быть расстреляны). 2. <...>В случае обнаружения у кого-либо оружия будет расстрелян не только владелец оружия, но и члены его семьи».

Инструкции воплощались в жизнь. Из письма в казачий отдел ВЦИК: «Трибунал разбирал дел по 50 в день. Смертные приговоры сыпались пачками, часто расстреливались люди совершенно невинные, старики, старухи и дети. Расстрелы производились часто днем, на глазах у всей станицы, по 30 — 40 человек сразу». Из письма Шолохова Горькому: «...бессудный расстрел в Мигулинской станице 62 казаков-стариков или расстрелы в Казанской и Шумилинской <...> в течение 6 дней число расстрелянных достигло <...> 400 с лишним человек». Военком Особого экспедиционного корпуса В. А. Трифонов (уже в июле, после начала восстания): «...в Вешенском районе были расстреляны 600 человек <...> в помещении Морозовского ревкома были обнаружены 65 изуродованных казачьих трупов». Командированный из Москвы пишет: «Расстреливались безграмотные старики и старухи, которые едва волочили ноги, урядники, не говоря уже об офицерах. В день расстреливали по 60 — 80 человек. Принцип был такой: чем больше вырежем, тем скорее утвердится советская власть на Дону <...>. Во главе продовольственного отряда стоял некто Гольдин. Его взгляд на казачество был таков: казаки — его враги, нагаечники, зажиточные, а посему до тех пор, пока казаков не вырежем и не заселим пришлым элементом Донскую область, до тех пор советской власти не будет». Обнаружены постановления трибуналов о расстрелах: в станице Казанской — 87 казаков, Мигулинской — 64, Вешенской — 46, Еланской — 12.

Результатом было вешенское, или верхнедонское, восстание в марте 1919 года. Восставшими была проведена мобилизация мужчин от 19 до 45 лет и создана армия в 30 тысяч штыков. Из воззвания восставших: «Восстание поднято не против Советов или Советской России, а только против партии коммунистов». Реакция коммунистических властей была такой: «Все каза-

ки, поднявшие оружие в тылу красных войск, должны быть поголовно уничтожены, уничтожены должны быть и все те, кто имеет какое-либо отношение к восстанию и противосоветской агитации, не останавливаясь перед процентным уничтожением населения станиц, сжечь хутора и станицы, поднявшие оружие против нас в тылу» (из Директивы Реввоенсовета 8-й армии; подписи: Якир, Вестник). Другие директивы: массовое взятие заложников, примерное проведение карательных мер и т. д.

В апреле Донбюро писало: «Существование донского казачества <...> стоит перед пролетарской властью угрозой контрреволюционных выступлений <...>. Все это ставит насущной задачей вопрос о полном, быстром и решительном уничтожении казачества как особой бытовой экономической группы».

Такая политика, конечно, только усиливала сопротивление казачества. К нему присоединились крестьяне Воронежской губернии и некоторые части Красной армии. Восставшие распространяли Директиву Оргбюро как свои агитационные материалы. Были и среди большевистского руководства голоса, указывавшие на эту связь. Но они плохо воспринимались. Еще 20 апреля Ленин писал Сокольникову: «Верх безобразия, что подавление восстания казаков затянулось». Он же ему 24 апреля: «Я боюсь, что Вы ошибаетесь, не применяя строгость, но если Вы абсолютно уверены, что нет силы для свирепой и беспощадной расправы, то телеграфируйте немедленно и подробно». Но 5 мая опять Сокольникову: «Промедление с подавлением восстания прямо-таки возмутительно <...>, необходимо <...> вырвать с корнем медлительность. Не послать ли еще добавочные силы чекистов?» 15 мая — Троцкому: «Очень рад энергичным мерам подавления восстания». Но было уже поздно. Восстание разлилось так широко, что разгромило весь тыл Южного фронта Красной ар-

мии, и уже в мае Добровольческая армия прорвала фронт.

Другим проявлением настроения казачества был бунт корпуса Миронова, окончившийся, в отличие от вешенского восстания, быстрой неудачей.

Летние восстания не ограничились Югом: например, тогда же были восстания в Костромской и Ярославской губерниях. Здесь из дезертиров организовалась целая армия «зеленых». 600 дезертиров, поддержанные 1500 крестьянами, вступили в бой с отрядом под командованием Френкеля. При подавлении восстания было убито 300 крестьян, расстреляно 60 руководителей, взяты заложники. За два дня боев сожжено пять селений. При подавлении восстания в Петропавловской волости тем же Френкелем было убито в бою и расстреляно 200 крестьян.

Разгром Красной армией Добровольческой армии Деникина не ослабил давления на деревню, что и вызвало множество восстаний во второй половине года: в Пермской, Вятской, Воронежской, Костромской, Нижегородской, Ярославской губерниях. На сторону восставших крестьян переходили и части Красной армии, состоявшей из таких же мобилизованных крестьян. Например, подняла мятеж дивизия Григорьева. Возникшее восстание охватило Херсонскую и Екатеринославскую губернии.

1920 — 1921 годы

Победа центральной власти в Гражданской войне была уже обеспечена. Ее противники остались только на периферии: Врангель в Крыму, Польша и Дальний Восток. Но война с деревней продолжалась. В начале года военное положение сохраняется в 36 губерниях: там шла крестьянская война. В феврале — марте вспыхивает крупнейшее восстание в Поволжье и Уфимской

губернии — «вилочное восстание». Как и другие восстания, оно было вызвано проведением продразверстки — когда выгребался весь хлеб до остатка и крестьяне обрекались на голодную смерть. В восстании участвовали русские, татары, башкиры. Их армия насчитывала 35 тысяч человек (а по некоторым донесениям ЧК — 400 тысяч). При подавлении восстания применялись артиллерия, бронепоезда. По официальным данным, потери восставших — 3 тысячи человек убитыми и ранеными.

За первую половину года число дезертиров превысило 1 миллион человек. Они смешивались с крестьянскими повстанцами. Все эти формы крестьянского сопротивления назывались властью «бандитизмом». В постановлении Совнаркома «О мерах борьбы с бандитизмом» были введены ревтрибуналы вне фронтовой полосы: «Приговоры ревтрибуналов безапелляционны, окончательны и никакому обжалованию не подлежат». Была создана Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом, председателем которой был назначен Склянский (одновременно заместитель Троцкого по Реввоенсовету).

В июле крестьянская война опять вспыхнула в Заволжье и на Урале. На этот раз ее вождем стал популярный командир Красной армии, награжденный орденом Красного Знамени, Сапожков. Движение получило название «сапожковщина». Оно охватило Самарскую, Саратовскую, Царицынскую, Уральскую, Оренбургскую губернии. Сапожковцы заняли Бузулук. Из сводки ЧК: «Была объявлена запись добровольцев, проходившая с большим наплывом крестьян. На подавление были брошены все наличные силы этого района». Ленин требовал: «...от селений, лежащих на путях следования отрядов сапожковцев, брать заложников, дабы предупредить возможность содействия». К сентябрю основные силы движения были разгромлены.

Самый известный эпизод крестьянской войны — «антоновское» (то есть под руководством Антонова) восстание в Тамбовской губернии. Собственно, крестьянская война шла в этой области с 1918 года. Особенно гибельным стало положение крестьян в связи с неурожаем 1920 года. Зимой начался голод. В докладе Антонова-Овсеенко, составленном уже после подавления восстания, говорится: «Уже к январю половина крестьянства голодала. В Усманском, частью Липецком, Козловском уездах голод достиг крайних пределов (жевали древесную кору, умирали голодной смертью)». В то же время в донесении ЧК констатируется: «...взимание продразверстки, доходившее в некоторых местах Тамбовской губернии до геркулесовых столпов и своими методами не уступая методам инквизиции». На продовольственном совещании председатель губисполкома Шлихтер сказал: «Деревня поймет, что время, когда она могла не подчиняться этой власти, прошло. И как бы ни были тяжелы веления этой власти, предъявляемые деревне, она должна их выполнять».

Естественно, крестьянские восстания вспыхнули по всей области. Ленин требовал (в записке Дзержинскому и Корневу): «Скорейшая и примерная ликвидация (антоновского движения. — *И. Ш.*) безусловно необходима <...>. Необходимо проявить больше энергии и дать больше сил». Но антоновская армия насчитывала уже 10 тысяч штыков. Велась активная агитация, распространялось много листовок. К началу 1921 года число повстанцев дошло до 40 тысяч. Власти пошли на отмену продразверстки в Тамбовской губернии. Одновременно предписывалось: «В случае повторных вспышек восстания все здоровое мужское население от 17 до 50 лет арестовывать и заключать в концентрационные лагеря».

В апреле 1921 года командовать войсками, брошенными на подавление восстания, был назначен Тухачев-

ский — один из известнейших военачальников Красной армии. На Тамбовщину были направлены также Уборевич, Котовский, от ЧК — Ягода, Ульрих. Была сконцентрирована армия более чем в 100 тысяч штыков. Применявшаяся тактика в документах Красной армии и властей называется «оккупационной системой». Она включала: занятие определенной территории, контрибуции, разрушение домов как повстанцев, так и их родственников, взятие заложников (иногда целыми семьями), создание концлагерей. Из приказов Тухачевского:

«Переселять в отдаленные края РСФСР семьи несдающихся бандитов. Имущество этих семей конфисковывать»; «...бандиты, участвовавшие с оружием в руках не менее месяца, и все бандиты полков особого назначения <...> подлежат расстрелу».

«1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Селениям, в которых скрывается оружие... объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший в этой семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитов и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда».

«Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми удушливыми газами».

Имеется документ, детально описывающий одну такую операцию.

В ряде документов обсуждаются детали функционирования концлагерей: сообщается количество нетру-

доспособных, женщин, беременных женщин, детей, грудных детей, опасность возникновения эпидемий. Вот доклад комиссии ВЦИК об исполнении этих приказов: «В Паревке <...> первые заложники в количестве 80 человек категорически отказались дать какие бы то ни было сведения. Все они были расстреляны, и взята вторая партия заложников. Эта партия уже безо всякого принуждения дала все сведения о бандитах, оружии, бандитских семействах <...>. В Иноковке, куда уполномоченный поехал из Паревки для проведения аналогичной операции и куда слух о паревской операции дошел раньше, даже не пришлось брать заложников. Население добровольно само пошло навстречу комиссии. Один старик привел своего сына и сказал: «Нате еще одного бандита»...

Разгром антоновщины в основном был завершен к концу 1921 года. О масштабах репрессий говорит один пример. В селе Никольском с 8 тысячами жителей в Русско-японскую войну погиб один солдат, в германскую — 50, а за 1920 — 1921 годы — 500 крестьян. По-видимому, это движение произвело сильное впечатление на большевистское руководство — например, в документах для внутреннего пользования стандартный термин «бандитизм» в этом случае заменяется на «крестьянское повстанческое движение».

Другое восстание, даже большего масштаба и приблизительно в то же время, происходило в Западной Сибири: в Тюменской губернии и в частях Челябинской, Екатеринбургской, Омской губерний. Восстание началось в январе 1921 года. Была проведена мобилизация и создана армия численностью около 100 тысяч человек. Повстанцы захватили многие крупные города, в частности Тобольск, где выпускали свою газету. Против них были брошены крупные части. В основном восстание было подавлено к апрелю 1921 года. Террор против участников восстания имел все типичные для

того времени черты. Сохранились дела по обвинению несовершеннолетних (15 — 17 лет) в «службе у бандитов» (например, как сестры милосердия). Историк, работавший в архивах Тобольска, видел надписи, сделанные детским почерком на больших листах: «Не убивайте нас!» Такие листы вывешивались в деревнях, когда в них вступали коммунистические карательные отряды.

Мы пытались лишь пунктирно очертить контуры крестьянской войны. Не упомянуты здесь махновское крестьянское движение, длившееся три года на Украине, громадное крестьянское восстание в Карелии в 1921 году и многое другое. Главное — Крестьянская война шла по всей России все три года после Октябрьской революции. Ленин признал, что «крестьянские восстания <...> представляют общее явление для России». В результате Ленин вынужден был констатировать, что продолжение политики «военного коммунизма» «означало бы наверняка крах советской власти и диктатуры пролетариата». Ленин, писавший раньше: «...мы скорее ляжем все костьми», чем разрешим свободную торговлю хлебом, вынужден был провозгласить «отступление» — нэп. Крестьянство не «выиграло» Крестьянскую войну, не установило своей власти, но «отбилось» от противника.

Выиграть войну в тех условиях крестьянство и не могло. На это рассчитывал и Ленин. Он говорил Г. Уэллсу: «...Крестьяне других губерний, неграмотные и эгоистичные, не будут знать, что происходит, пока не придет их черед... Может быть, и трудно перестроить крестьянство в целом, но с отдельными группами крестьян справиться очень легко». Говоря о крестьянах, Ленин наклонился ко мне и перешел на конфиденциальный тон, как будто крестьяне могли его услышать» (12).

Но почему это безумие продолжалось три года? Почему Ленин, умевший просчитывать на столько ходов вперед, придумывать такие нетривиальные ходы, не

увидел самую простейшую истину: что физически невозможно обирать крестьянство, обрекая его на голодную смерть, когда крестьянство составляет 4/5 населения страны? Да и то, что с крестьянством погибнет от голода оставшаяся 1/5 населения. Почему этого не увидело окружение Ленина, состоявшее из далеко не глупых людей (хотя некоторые, осторожные, предупреждения были)? Почему вместо ленинских телеграмм, призывающих к строгости, свирепости, беспощадности, не слались другие, напоминающие, что, если мужики перемрут, есть всем будет нечего? Ведь неправильно представлять себе крестьян того времени как анархическую стихию, вышедшую из берегов, которую любыми средствами надо было ограничить, чтобы спасти страну. Такую точку зрения высказал, например, Ленин Горькому: «Ну, а по-вашему, миллионы мужиков с винтовками в руках не угроза культуре, нет? Вы думаете, Учредилка могла бы справиться с их анархизмом? Вы, который так много — и так правильно — шумите об анархизме деревни, должны бы лучше других понять нашу работу».

Но факты этого не подтверждают, как видно из опубликованных теперь документов. Крестьяне шли на безнадежное (в каждом отдельном случае) сопротивление вовсе не потому, что не хотели вообще давать хлеб государству. Прежде всего это была оборонительная война, борьба за свое существование. Яркий пример — верхнедонское восстание 1919 года. Ведь в руках казаков оказался текст директивы, по своей свирепости превосходившей немецкий план «Ост» последней войны. Власти просто не оставляли казакам свободы выбора. Так обстояло дело и во многих других случаях. Как в тылу Колчака крестьянские восстания были вызваны новой мобилизацией, в тылу Деникина — попытками отобрать назад помещичьи земли, так и в тылу Красной армии каждый раз — вполне конкретными причинами.

Вот причины восстаний, согласно сводкам ЧК. В 1918 году это была борьба против насильственного введения «коммун». Позже — против повинностей, полностью разрушающих хозяйственную жизнь: продразверстки, «чрезвычайного налога», гужевой повинности и т. д. Они ассоциировались с образом «коммуниста» или «коммуны». Например (в Поволжье): «Долой коммунистов и коммуну! Долой жидов!» Конкретные требования были: отмена продразверстки, хлебной монополии, свободная торговля, сдача хлеба «по известной норме с души». Крестьяне протестовали против закрытия церквей, уничтожения икон. Лозунг: «Долой войну! Не давать солдат в Красную армию!» — тоже легко понять: против войны только что именно большевики громче всех агитировали. А если выступающий на митинге спрашивал: «Почему Ленин приехал к нам из Германии?» — то это свидетельствовало не об «анархизме», а скорее о некоторой политической любознательности. Наконец, программа Союза трудового крестьянства, действовавшего во время антоновского восстания, является довольно стандартной для того времени программой партии левого направления.

Произошло столкновение двух несовместимых жизненных установок. С одной стороны — марксистской, социалистически-коммунистической, видящей идеал в обществе, построенном как грандиозная машина из человеческих элементов. Бухарин описал его как «трудовую координацию людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени». Ленин планировал труд рабочего: «отбытие 8-часового «урока» производительной работы» при условии «беспрекословного повиновения масс единой воле руководителей трудового процесса». А с другой стороны, этому противостояло восприятие жизни крестьянина, выросшее из глубокой древности, основанное на индивидуально-творческом труде в единстве с Космосом. Нена-

висть к крестьянству заложена в марксизме, начиная с самых его истоков. Маркс и Энгельс называли крестьян «варварской расой», «варварством среди цивилизации», писали об «идиотизме деревенской жизни». В «Коммунистическом манифесте» говорится: «Общество все более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга класса — буржуазию и пролетариат». Наличие крестьянства было бьющим в глаза противоречием этой концепции. Недаром Маркс назвал крестьян «неудобным» (или «неправильным») классом. Ленин называл крестьян «реакционным классом», классом «с сохраняющимся, а равно возрождающимся на его основе капитализмом».

На IX съезде партии в 1920 году Троцкий предложил широкий план «милитаризации» экономики. Доклад был представлен от ЦК, и к тексту имеется ряд одобрительных заметок Ленина. Идея заключалась в организации «рабочей силы» по военному образцу, в виде «трудармий». По поводу «милитаризации» на съезде развернулась оживленная дискуссия. Противником плана Троцкого выступил В. Смирнов. Но оказывается, вся дискуссия шла лишь о том, можно ли эту форму организации «рабочей силы» применять в промышленности, к пролетариату. Троцкий говорит: «Мы мобилизуем крестьянскую силу. <...> Здесь слово «милитаризация» уместно, но, говорит т. Смирнов, если мы перейдем в область промышленности...» Вот только здесь и возникали разногласия, а по поводу крестьян все были единодушны. Да Троцкий и прямо называл крепостное право «при известных условиях прогрессивным».

Горький, в этом полностью солидарный с большевизмом, всю жизнь ненавидел мужика. Он писал: «...полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень — почти страшные люди». Он сказал Воронско-

му: «Если бы крестьянин исчез с его хлебом — горожанин научился бы добывать хлеб в лаборатории». Чуковскому: «Я... недавно был на съезде деревенской бедноты — десять тысяч морд — деревня и город должны непременно столкнуться <...>, здесь как бы две расы». Чуковский пишет: «Я спросил его, о чем будет читать он. Он сказал: о русском мужике. «Ну и достанется же мужику!» — сказал я. «Не без того, — ответил он. — Я затем и читаю, чтоб наложить ему как следует. Ничего не поделать. Наш враг... Наш враг».

Бухарин уже в период нэпа называл крестьян «курицей, которая должна превратиться в человека». Пропитанные этой идеологией партийные вожди, руководители продотрядов и военных частей и набросились на крестьян как на самых заклятых врагов, как на нелюдей. Крестьянская война была войной за существование крестьянства. Речь шла о «ликвидации крестьянства как класса». И понадобилось три года, чтобы через этот порыв ярости, сознание чуждости и даже несовместимости крестьянства и новой власти (трудно назвать ее советской властью, так как большинство ее противников в крестьянской войне тоже выступали под лозунгом Советов) пробилось понимание, что победить в тот момент вряд ли можно, а победа означала бы общую гибель. Тогда и был введен нэп, идеи которого циркулировали уже несколько лет до того. На время землю, а точнее, свое существование крестьяне защитили.

Если же говорить об «осуществлении народных чаяний», то следует вспомнить еще об одной народной нужде. Февральская революция началась из-за перебоев со снабжением хлебом. Ленин писал, что политика Временного правительства несет «гибель, немедленную и безусловную гибель от голода». Предотвратить ее может только «социализм, который один даст измученным войной народам мир, хлеб и свободу». «Хлеб есть

и может быть получен, но не иначе как путем мер, не преклоняющихся перед святостью капитала и землевладения».

Через пять месяцев после Октябрьской революции Кондратьев писал: «Вся страна хорошо помнит, что большевики, стараясь привлечь к себе народные массы, выдали им один весьма серьезный вексель: они обещали дать народу хлеб. Прошло уже пять месяцев, как они стоят у власти, и мы вправе спросить: как обстоит дело с платежом по векселю?» Он рассказывает, что сразу же после переворота «Всероссийский продовольственный съезд выделил из своего состава Совет десяти и поручил ему предложить Совету народных комиссаров оставить дело продовольствия вне политической борьбы, сохранить в этот трудный момент уже налаженный аппарат продовольственных организаций <...>. 27 ноября в здании Министерства продовольствия Совет десяти вместе с двумя товарищами министра был арестован», «а затем, когда всякая система продовольствия уже была смята, когда население сплошь и рядом совершенно не получало хлеба, вынуждено было само доставать хлеб, большевики в лице продовольственного диктатора на час — Л. Троцкого (такого знатока в этой области!) издают жестокий приказ о расстреле на месте неподчиняющихся мешочников, которые виноваты разве только в том, что хотят есть, а им не дают».

Кондратьев резюмирует: «Своим переворотом большевики хлеба не дали, а приблизили голод». Его предсказания сбылись. К хлебу стали подмешивать опилки, глину. Голод начался в 1921 году. Ему сопутствовали массовое вымирание, самоубийства, людоедство, протесты (в том числе протесты женщин), подавляемые оружием. К концу года голодало более 23 миллионов человек. По данным Прокоповича (одного из организаторов Комитета помощи голодающим), от голода умерло 5 миллионов человек, беженцев было 21 милли-

он человек. Есть и оценки числа погибших в 2,5 миллиона человек.

Но если судить деятелей той эпохи мерками нашей, то это никак не объяснит их действий. Они совсем не были похожи на современных политиков, и прежде всего тем, что поставили на кон свои головы. Я случайно имел возможность почувствовать атмосферу, в которой они жили. Мой учитель, известный математик Б. Н. Делоне, учился в Киевском университете на курс старше О. Ю. Шмидта, известного позже как организатора полярных экспедиций. Но по образованию Шмидт был математик. После Октябрьской революции он вступил в РКП(б) и был в ленинском правительстве замнаркомфина. После окончания Гражданской войны Делоне и Шмидт встретились и проговорили целую ночь. Как мне рассказывал Делоне, Шмидт сказал ему: «Вы не представляете себе, Борис Николаевич, что значит жить три года, постоянно чувствуя веревку на шее!» А ведь это относилось ко всей большевистской верхушке. Их психология была совершенно отлична от теперешних политиков, обещающих (искренне или нет) добиться выплаты пенсий и зарплаты, приостановить инфляцию. Их же такие мелочи не интересовали. Они, как говорил Маркс, «штурмовали небо». Они считали, что на их глазах родится новый человек и новый мир. А ведь эти слова не ими были выдуманы: «И увидел я новое небо и новую землю» (Апок., 21, 1). Такого масштаба видения открывались и им, конечно, в их материалистическом и классовом восприятии. И ради них кровь могла течь реками, а люди — гибнуть миллионами.

СТАЛИН И ОППОЗИЦИИ

Мы рассмотрели самую радикальную точку зрения: что русская национальная идея после 1917 года совпала с коммунистической идеей и осуществлялась через нее.

Существует другая точка зрения на этот вопрос, близкая к этой, но менее радикальная. Именно она сейчас кажется многим убедительной. Она сложнее: признает, что Ленин собрал вокруг себя много людей без роду и племени, чуждых России и даже враждебных русской национальной традиции. Они смотрели на Россию лишь как на материал, как на «спичку», при помощи которой можно разжечь пожар мировой революции. Но после революции в партию вступило много людей, духовно связанных с Россией. Опираясь на этот слой, Сталин победил «ленинскую гвардию» во время столкновений с различными оппозициями. Физически он их уничтожил в 1937 году. Избавившись от них, он смог восстановить могущество России. Это он делал жестокими методами, но другого пути тогда просто не было. В Великую Отечественную войну и после нее Сталин повернул развитие страны опять в русло русской исторической традиции. Частично это была «контрреволюция», или «реставрация» исторической России, а некоторые говорят, что по духу — даже монархии.

Такая концепция имеет гораздо больше опоры в фактах. Во-первых, она не отрицает очевидного: вненационального и даже антирусского духа большевистского движения перед революцией и во время Гражданской войны, ориентации на мировую революцию, до которой надо только «продержаться», а там все проблемы решатся сами. Во-вторых, в ее поддержку можно привести такие факты, как изменение фразеологии сталинских речей во время войны; введение старых воинских званий, золотых погон; прекращение — во время войны — гонений на Православную церковь (возобновленных при Хрущеве) и другие. Вот эту точку зрения и интересно разобрать.

Прежде всего напомним историю борьбы Сталина с «ленинской гвардией». Такая борьба, конечно, происходила, и в 1937 году весь этот слой был уничтожен.

История этой борьбы распадается на этапы: борьба «генеральной линии партии», которую провозглашал Сталин, с различными «оппозициями» на XIII, XIV, XV и XVI съездах. На XIII съезде оппозиция была троцкистской, а ЦК представлял «триумвират» — Зиновьев, Каменев и Сталин. На XIV съезде оппозицию возглавляли Зиновьев и Каменев, а от ЦК выступали Сталин, Бухарин, Угланов и другие. На XV съезде выступала «объединенная оппозиция», возглавляемая Троцким, Зиновьевым и Каменевым, а от ЦК выступали Сталин, Рыков, Угланов, Каганович и другие. На XVI съезде положение было сложнее. Определенные разногласия и раньше проявлялись на Политбюро и пленумах ЦК. Но на съезде некоторой группе, названной «бухаринской», было предъявлено обвинение в «правом уклоне». Никакого столкновения двух точек зрения на съезде не было. Обвиненные в «правом уклоне» признавали свои ошибки (Рыков, Томский, Угланов; Бухарин на съезде не присутствовал). При этом выступавшие часто называли свою прошлую деятельность «оппозиционной». Противоположную позицию — «от ЦК» — занимали Сталин, Киров, Куйбышев и другие. Таким образом, личности, занимавшие позицию то «оппозиции», то «генеральной линии партии», сильно менялись.

Каков же был тот идеологический барьер, который их разделял, за что шла борьба? Легко убедиться, что на XIII, XIV и XV съездах «оппозиции», хотя состоявшие из разных лиц, высказывали примерно одну и ту же систему взглядов.

Их требования были таковы. Прежде всего ускорение темпов индустриализации («сверхиндустриализация», по Троцкому). Но где взять для этого капитал? Ответ был: индустриализация должна быть проведена за счет крестьянства. Близкий единомышленник Троцкого Преображенский построил даже по этому поводу стройную теорию «социалистического первоначально-

го накопления». Он напоминает «основные методы капиталистического первоначального накопления»: «грабеж некапиталистических форм хозяйства», одной из форм которого является «колониальная политика». «Сюда же относятся все методы насилия и грабежа по отношению к крестьянскому населению метрополий. Наиболее типичными методами являются: грабеж крепостных крестьян сеньорами <...> и налоговое обложение крестьян государством». В заключение этого экскурса приводится цитата из Маркса: «Эти методы в значительной мере покоятся на грубейшем насилии» вплоть до знаменитого восхваления насилия как «повивальной бабки всякого старого общества, когда оно беременно новым». После такого обзора автор переходит к положению «в период первоначального социалистического накопления». Он сразу отметает «колониальный грабеж» как недопустимый для социалистического государства. (Интересно было бы понять — почему? Люди были решительные, убежденные материалисты, сторонники «классовой морали». Почему для них ограбление деревни было «допустимым», а «колоний» — нет?) «Совсем иначе обстоит дело с отчуждением в пользу социализма части прибавочного продукта из всех досоциалистических форм. Обложение досоциалистических форм <...> неизбежно должно получить огромную, прямо решающую роль в таких крестьянских странах, как Советский Союз», — формулирует Преображенский. Более того, «страна должна будет пройти период первоначального накопления, очень щедро черпая из источников досоциалистических форм хозяйства» (13).

Так как программа апеллировала к «повивальной бабке истории» — насилию, а опыт крестьянской войны был еще свеж, то заранее готовилась новая атака на деревню. Так же как крестьянская война называлась войной «против кулаков и бандитов», так и возбуждае-

мая «оппозициями» агрессивность по отношению к крестьянству формально адресовалась «кулакам». Если не понимать этой логики «переадресованной агрессии», то есть попросту замены слова «крестьянство» на «кулак», то ситуация кажется совершенно нелепой. Вожди государства заинтересованы в индустриализации. Капитал для нее получается продажей хлеба за границу. Подавляющую часть товарного хлеба дают зажиточные крестьянские хозяйства (те, кто в более узком смысле назывался «кулаками»). Казалось бы, их-то и надо поддерживать. Но государство, наоборот, с ними борется, а оппозиция понукает его бороться еще энергичнее. Всеми мерами — и экономическими, и политическими — зажиточные крестьяне выталкиваются из жизни. В результате деревня, очевидно, должна обеднеть и давать меньше хлеба и, значит, капитала для индустриализации. При этом никакой политической опасности для власти ни зажиточные крестьяне («кулаки»), ни крестьяне вообще не представляли: тогда не было ни малейших следов какой-либо попытки их организации.

Зато вполне логичным является проект использовать все крестьянство как замену колоний, за счет чего можно осуществить индустриализацию.

Опять возникает идея «внесения Гражданской войны в деревню». «Мы должны дать знать бедноте, что мы не позволим кулаку раздевать и грабить ее» (Зиновьев на XIV съезде, то есть в оппозиции). «Кулак обнаглел» (Крупская на XIV съезде, в оппозиции). «Дело идет к использованию нэпа некоторыми слоями крестьянства в очень сильной мере в направлении сопротивления нашим планам» (Каменев на XIV съезде, в оппозиции). Зиновьев (на XIV съезде, в оппозиции) цитирует письмо из деревни, где «сказаны самые серьезные слова: у нас подумывают о том, что это не чуть ли опять восстановление монархии, опять кулак поднимает голову»; «Злобой дня как раз и является усиле-

ние политической и экономической активности кулака». Но вдруг он забывает о «кулаке»: «Мы получили настроение недовольства в бедняцких массах против нас»; «Нельзя же не видеть этой основной опасности, нельзя не видеть, что десятки миллионов крестьянской бедноты тоже имеют вождей, нельзя не видеть, что демобилизованные красноармейцы, связанные с беднотой, поддерживают эти настроения». Это уже без иносказаний.

Линия ЦК объявляется отходом от ленинизма, «термидорианским уклоном». «Складывающаяся теперь в партии теория, школа, линия, не находящая теперь должного отпора, гибельна для партии»; «Речь идет о судьбах нашей революции»; «Крестьянин держит нас за руки в деле расширения и восстановления нашей промышленности» (Каменев, в оппозиции). Руководство обвиняется в недостаточно жестком администрировании. На XIV партконференции была отвергнута поправка Пятакова к резолюции: «Управление всем государственным хозяйством как объединенной системой <...>. Задача проведения планового начала в нашем хозяйстве должна быть поставлена во главу угла всей нашей экономической политики».

Естественно, такое резкое противостояние («Дело идет о судьбах нашей революции») означало атаку на верховное руководство ЦК. Оно обвинялось в бюрократизме, «перерождении», и намекалось, что места наверху могут быть заняты новыми, по большей части молодыми партийцами. Перед XIII съездом Троцкий издал книжку «Новый курс», в которой он писал: «Партия живет на два этажа: в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях». «Главная опасность этого курса <...> в том, что он обнаруживает все большую тенденцию к противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, остальной партийной массе как объекту воздейст-

вия». Это отсутствие демократии в партии, говорили они, направлено против «молодняка» (такой термин был тогда принят). В «Новом курсе» молодежь названа «барометром нашей партии».

Сторонники «генеральной линии» приняли бой, нигде не делая уступок. «В деревне власть скорее поддерживают зажиточные кулаки»; «Мы должны были держать курс на мужика — исправного хозяина. Эта задача остается» (Зиновьев на XIII съезде, еще против оппозиции). Оппозицию обвиняли: «Уклон в сторону переоценки кулацкой опасности»; «На деле этот уклон ведет к разжиганию классовой борьбы в деревне, к возврату к комбедовской политике раскулачивания, к провозглашению, стало быть, гражданской войны в нашей стране» (Сталин, XIV съезд). Сталин, объединяя идеи Ларина с положениями Зиновьева (то есть оппозиции), называет его сторонником «второй революции» в деревне (на XIV съезде). «Крестьянин, сдающий сегодня землю в аренду, превращается завтра в самостоятельного хозяина <...>. Облегчение найма и аренды развязывает производительные силы деревни» (Яковлев, будущий организатор коллективизации, на XIV съезде — против оппозиции).

На обвинения в отсутствии демократии, в капитулянтстве отвечали: «Тов. Троцкий вместо реформ попытался сделать в партии революцию» (Рудзутак, XIII съезд, против оппозиции); «Когда они хотят взбудоражить партию против ЦК, в труднейший момент, позвольте им дать сдачи втрое. И мы будем это делать, руководствуясь всей страстью революционеров, а не любовью к ближнему» (Зиновьев, XIII съезд, против оппозиции). Оппозиции предъявляются обвинения: «срыв партийного единства», «пытается сорвать главные решения нашей партии», «противопоставляет себя съезду». «На X съезде Троцкий стоял за перетряхивание ленинских кадров сверху, в области профсоюзов, а те-

перь он перетряхивает те же ленинские кадры снизу, в области партии. И тогда, и теперь он стоял за перетряхивание ленинских кадров» (Сталин, XIII съезд).

На XV партсъезде борьбы с оппозицией не было: ее избивали. Из числа ее вождей Троцкий и Зиновьев уже были исключены из ЦК и на съезде не выступали. Нескольких других, пытавшихся выступать, прерывали, освистывали, сгоняли с трибуны. Но и сквозь улюлюканье съезда ораторы оппозиции пытались донести крик своей ненависти к крестьянству, облеченной, конечно, в форму предупреждения о «кулацкой опасности». «Разве нынешнее хозяйственное положение не подтверждает, что кулацкая верхушка деревни срывает наши государственные планы, план экспорта, а следовательно, и капитальных затрат?» (Каменев, в оппозиции). «Я должен констатировать, что в докладе т. Сталина нет и намека на лозунг о «форсированном наступлении на кулака»... (Бакаев, оппозиция). Бакаев не вполне прав. В докладе Сталина говорится о том, что кулак растет и это — «минус в балансе нашего хозяйства». Но обсуждается этот вопрос действительно очень мирно и звучит предупреждение, что «не правы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ».

Резолюция XV съезда оставляла общую цель «перехода к коллективной обработке земли», подчеркивая слабую реализацию этого положения в ближайшем будущем: констатировалось, что существуют лишь «ростки обобществленного сельскохозяйственного труда».

С оппозицией на XV съезде было покончено. Победителем вышла группа, возглавляемая Сталиным, Бухариным, Рыковым и Томским. Но тут начались трения в победившей группе. Они долгое время не имели характера открытой формулировки расходящихся точек зрения, открытого противостояния. Это была «драка буль-

догов под ковром». Реальная борьба происходила на пленумах ЦК, материалы которых не публиковались, и о ней только сейчас, после открытия многих архивов, можно составить представление (14 — 16). Суть конфликта заключалась в том, что Сталин стал, в принципе, шаг за шагом реализовывать основные положения «левых оппозиций», с которыми он до того вместе с Бухариным, Рыковым и другими боролся. Этот сдвиг, как сейчас можно заметить, начался втихомолку даже до XV съезда. Через Политбюро, где он располагал большинством, через Секретариат и ГПУ (фактически возглавлявшееся его сторонником Ягодой) Сталин начал проводить ряд конкретных мер, которые только позже стал оформлять в виде цельной программы.

Первым шагом было «овладение информацией», столь понятное теперь, в «информационный век». Это выразилось тогда в разгоне верхушки ЦСУ (Центрального статистического управления). Еще в 1925 году новое руководство ЦСУ дало новые, значительно большие цифры имеющегося у крестьян хлеба («невидимые запасы»), который, следовательно, было возможно у них изъять. Второй шаг заключался в подключении ГПУ к проведению хлебозаготовок, на первых порах — для сбора информации о «причинах, задерживающих выпуск хлеба на рынок его держателями». Это был 1926 год. Еще один шаг — создание в стране атмосферы страха, нависшей «интервенции». Были использованы незначительные столкновения с Китаем, убийство советского полпреда в Польше Войкова и взрыв бомбы в Ленинграде. Ответственность возлагалась на «консервативные круги Англии» и «белогвардейское подполье». Сталин рекомендовал взять заложников и «расстрелять пять или десять монархистов <...>, дать ОГПУ директиву о повальных обысках», произвести «повальные аресты», провести «показательные процессы». Это было еще лето 1927 года, и Бухарин и Рыков вошли в

комиссию по борьбе с «белогвардейщиной и ролью в этом иностранных правительств».

Это все были подготовительные меры. Более реальные действия начались после XV съезда, в связи с хлебозаготовками. Они прокламированы в постановлении Политбюро, Наркомторга и ОГПУ, где «всем губотделам» предлагалось действовать «твердо, жестко, не смущаясь никакими другими соображениями» (декабрь 1927 года). ГПУ предписывало своим органам аресты по статье 107 УК (против спекуляций). Ряд высших партийных руководителей (включая Сталина) отправились на места для проведения хлебозаготовок. Молотов, например, был на Урале. Он сказал там: «Надо ударить по кулаку так, чтобы перед нами вытянулся середняк». Сталин был в Сибири. Он говорил, например: «Можно наверстать потерянное при зверском нажиме и умении руководить». ГПУ произвело аресты, по тем временам массовые — около 3000 человек. Производились обыски, искали хлеб. При этом, кроме хлеба, отбирали скот, постройки. Из Курской губернии: «...на 12 человек семьи оставили одну корову и старую лошадь. Сеять нечем». Из Актюбинской: на вопрос «подсудимого» — «За что же?» — судья ответил: «У нас цель раскулачить вас». Секретарь ВЦИК сообщал: «Хлеб забирался и у середняков, и у бедняков». <...> Имелись такие примеры, когда заставляли вывозить и остаток, имеющийся лишь на прокормление семьи и посев.

Начал раскручиваться громадный маховик, который, все набирая скорость, через несколько лет привел к «сплошной коллективизации», «раскулачиванию» и голоду 1932 — 1933 годов. Сейчас об этом периоде издано несколько сборников документов (6, 15), имеются подробные документированные обзоры (14,16).

Некоторое время никакие разногласия в Политбюро не проникали наружу. Бухарин даже высказывался за дальнейшее ограничение прав «кулаков». Разногла-

сия вышли наружу на пленуме ЦК в апреле 1928 года. Сталин говорил о «кризисе хлебозаготовок», который объяснял «выступлением окрепшего при нэпе кулачества». «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать ни на одну минуту». Бухарин же считал, что «кулак представляет опасную силу в первую очередь постольку, поскольку он использует наши ошибки». Однако на пленуме ЦК в июле 1928 года подтверждалось сохранение нэпа и установка на подъем мелких и средних крестьянских хозяйств. Но потом Бухарин писал, что эти резолюции остались «лишь литературным произведением».

На пленуме ЦК в июле 1928 года Сталин сформулировал новый в тот момент подход. Он объявил законной ситуацию, когда крестьянство «переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары от промышленности. Это есть нечто вроде дани, нечто вроде сверхналога». В начале 1929 года Бухарин, Рыков, Томский в ряде заявлений ухватились за эту излишне откровенную формулировку, назвав примененный Сталиным термин «дань» «категорией эксплуататорского хозяйства».

Но на том же пленуме ЦК Сталин высказал и другое положение, на десятилетия повлиявшее на судьбу нашей страны: «По мере нашего продвижения вперед... классовая борьба будет обостряться». Продолжение чрезвычайных мер, несмотря на постановления пленума ЦК в июле 1928 года, привело к более явным столкновениям. Бухарин, Рыков и Томский грозили уйти в отставку. Ряд их заявлений в конце 1928-го и в начале 1929 года оказались такими же «литературными произведениями», как резолюции пленума ЦК в июле 1928 года. Усиление «чрезвычайных мер» предписывалось директивой СНК и ЦК, подписанной Рыковым (!) и Сталиным: «Обеспечить этими методами во что бы то ни стало выполнение намеченного годового плана хле-

бозаготовок». Рассылались циркуляры о проявлении «непоколебимой твердости по отношению к дезорганизующим хлебный рынок скупщикам и спекулянтам, с применением мер, вытекающих из закона».

«Чрезвычайные меры» предполагали действия, напоминающие продразверстку: определить «точный размер задания каждого села», создать «особую комиссию» из бедняцко-середняцкого актива для распределения заданий по отдельным хозяйствам, штрафы, «не судебный, а административный характер наложения штрафов», «пятикратный размер штрафа при отказе от выполнения задания», при вторичном отказе — арест.

В постановлении ЦК от марта 1929 года «О весенней посевной кампании» «расширение посевов» связывается с «коллективизацией крестьянских хозяйств». Циркуляр Наркомюста РСФСР предлагал: «Применяйте те же методы выявления преступной небрежности и разгильдяйства советских органов и антисоветской работы кулачества». В ноябре 1929 года появилась статья Сталина «Год великого перелома», где он утверждал, что началось «массовое колхозное движение», удалось организовать «коренной перелом в недрах самого крестьянства» в пользу колхозов. Тем не менее весной 1928 года Наркомзем РСФСР составил пятилетний план коллективизации, по которому в конце пятилетки (1933 год) в колхозах будет лишь 4% крестьян. Летом 1928 года Союз союзов сельскохозяйственной кооперации поднял эту цифру до 12%, а в утвержденном весной 1929 года пятилетнем плане она выросла до 16 — 18%. По данным ЦСУ, на 1 октября 1929 года в колхозах состояло 7,6% крестьянских хозяйств. Но утверждение Сталина стало приказом на ближайшие годы.

Наступление на деревню, естественно, вызвало сопротивление. По данным ОГПУ, в 1928 году было 709 крестьянских выступлений, в 1929-м — 1027, в 1928 году 1307 террористических актов, в 1929-м — 2391. В

1930-м крупные крестьянские выступления (включавшие до 1000 человек) были в Поволжье, на Украине, в Сибири, на Северном Кавказе, в Казахстане. Против них применялись войска. В сводке ГПУ, присланной Сталину, указываются «сильно пораженные районы»: ЦЧО, Украина, Московская область, Узбекистан, Белоруссия, Грузия, Дагестан, Северо-Кавказский край, Киргизия. Просто «пораженные» районы: Нижняя Волга, Западная область, Армения. Только за январь — март 1930 года было 2700 массовых выступлений (не считая Украины), в которых участвовало около 1 миллиона человек. Начиная с февраля 1930 года всем членам Политбюро рассылались сводки ОГПУ.

Как всегда, партийное руководство прежде всего постаралось смягчить положение в нерусских районах. Так, Политбюро принимает в феврале 1930 года постановление, осуждающее «попытки механического перенесения методов и темпов коллективизации районов сплошной коллективизации на национальные районы». Тогда же ЦК принимает постановление против «административных мер коллективизации» в Узбекистане и Чечне.

Но, наконец, в марте по поручению ЦК выступил Сталин со знаменитой статьей «Головокружение от успехов». Основную вину за «перегибы» он возлагал на местных работников, их головотяпство. Тем не менее он писал, что огромнейшим достижением является коллективизация 50% крестьянских хозяйств. В закрытом письме ЦК от 2 апреля 1930 года признавались повстанческое движение на Украине, Северном Кавказе и в Казахстане, массовые выступления крестьян в ЦЧО, Московской области, Сибири, Закавказье и Средней Азии, «перерастающие в антисоветское движение». Виноваты опять были «местные работники», но все это ставило под угрозу «дело коллективизации и социалистического строительства в целом». Был смяг-

чен режим в деревне, что привело к массовому выходу из колхозов. Уровень коллективизации снизился в 2,5 раза. Процент крестьянских хозяйств, коллективизированных в 1930 году, таков: 20 января — 21,6%, 1 февраля — 32,5%, 20 февраля — 52,7%, 1 марта — 56%. К лету 1930 года из-за смягчения политики по отношению к деревне этот процент опять упал до 23,6%. Таково было положение страны перед XVI партсъездом.

На XVI съезде реально никакая оппозиция представлена не была. «Группа Бухарина» обвинялась в «правом уклоне», и ее представители приносили покаяние, но никаких своих оппозиционных взглядов не высказывали. Зато взгляды Сталина и его сторонников были развиты четко, программно сформулированы. Это:

1. Ускорение индустриализации: «Только дальнейшее ускорение темпа индустриализации нашей промышленности даст нам возможность догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны».

2. Всеобщая коллективизация как путь получения средств из деревни для индустриализации: принятые уже меры позволили «от лозунга ограничения и вытеснения кулачества перейти к лозунгу ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации». Вспомним также тезис Сталина о «дани», которую платит крестьянство.

3. Усиление «насильственных мер»: «...вопрос о чрезвычайных мерах против кулаков. Помните, какую истерику закатывали нам по этому случаю... А теперь мы проводим политику ликвидации кулачества как класса, политику, в сравнении с которой чрезвычайные меры представляются пустяшными. И ничего — живем».

4. Социальный раскол: «За нашими трудностями скрываются наши враги»; «Наша работа по социали-

стической реконструкции народного хозяйства, опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызывать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Оно так и есть, как известно»; «Доказано, что вредительство наших спецов, антисоветские выступления кулачества, поджоги и взрывы наших предприятий и сооружений субсидируются и вдохновляются извне»; «Необходимо прежде всего отбить атаки капиталистических элементов, подавить их сопротивление».

Таким образом, Сталин изложил и принял к исполнению основные пункты программы левой оппозиции, с которой он боролся на предшествующих трех съездах. Ее содержание, как мы помним, было: 1) усиленная индустриализация; 2) проведение ее за счет деревни; 3) подавление сопротивления деревни («кулака»). Был и еще один пункт: 4) для проведения этой программы смена верхнего слоя партии новыми, в основном молодыми, партийцами. Только последний пункт не был четко артикулирован на XVI съезде, хотя намек на него можно увидеть в утверждениях об усиливающемся сопротивлении классовых врагов. Как известно, позже Сталин и этот пункт очень радикально выполнил, о чем будет немного дальше рассказано.

Говоря все это, я вовсе не хочу обвинить Сталина в каком-то необычном двуличии или беспринципности. Радикальная смена позиции — дело далеко не редкое в карьере политика. Черчилль начал как либерал и, только будучи избранным в парламент, перешел в ряды консерваторов. Вероятно, есть основание в высказываниях Сталина на XVI съезде, что требования левой оппозиции были просто нереальны в то время: «Что было бы, если бы мы послушались «левых» оппортунистов из группы Троцкого — Зиновьева и открыли бы наступление в 1926 — 1927 годах... Мы наверняка сорвались бы на этом деле». И сама программа оппозиций, переходя из одних рук в другие, оттачивалась и продумыва-

лась. Троцкий, например, намекал на то, что «верхи» партии «перерождаются», что их можно заменить «молодняком». Но куда девать «стариков»? На это у него не было ответа. Сталин провел их через чистки, а в конце концов расстрелял. На XIV съезде Каменев, нагнетая страх перед «мелкобуржуазной стихией», перед «мужичком», все же заявил: «И весь мой опыт, вся практика моей хозяйственной работы приводят меня к тому, что я не предложу: давайте устроим раскулачивание деревни». Сталин этот последний оставшийся шаг сделал. И т. д.

Гораздо важнее другое: оказалось, что у партии как целого и была-то только одна программа, лишь переходившая из одних рук в другие. Если Троцкого обвиняли в том, что он хочет устроить «революцию в партии», то Сталин позже сам назвал коллективизацию «революцией сверху» (причем не только в партии, а во всей стране). Если перед XIV съездом Зиновьев опирался на тезис Ленина, что «нэп введен всерьез и надолго, но, конечно, не навсегда», то на XVI съезде эту цитату взял на вооружение уже Сталин. На XIV съезде Сталин, предупреждая, что переоценка кулацкой опасности может привести к «гражданской войне в нашей стране», в то же время признавал: «Я думаю, что из 100 коммунистов 99 скажут, что больше всего партия подготовлена к лозунгу «Бей кулака!» Дай только — и мигом разденут кулака». Сформулировав эту мысль, Сталин, несомненно, сделал для себя из нее вывод.

Это была все та же программа времен «военного коммунизма» и крестьянской войны. Ленин писал: «Мы живем в мелкокрестьянской стране, и, пока мы корней капитализма не вырвем и фундамент, основу у внутреннего врага не подорвем, для капитализма в России есть более прочная внутренняя экономическая база, чем для коммунизма». Этим внутренним врагом, очевидно, был крестьянин. На VIII партсъезде Рыков

говорил: «Мы боремся с буржуазией, которая нарождается у нас потому, что крестьянское хозяйство пока еще не исчезло, а это хозяйство порождает буржуазию и капитализм». А в 1927 году Сталин подтверждал: «Союз рабочих и крестьян нужен нам не для сохранения крестьянина как класса, а для его преобразования и переделки в направлении, соответствующем интересам победы социалистического строительства».

Крестьянство представлялось опасностью не только потому, что «рождало капитализм». Оно по своему духу являлось антитезой социалистической идеи. И сначала Маркс, а потом его последователи (включая Ленина) неоднократно утверждали, что причина неудач всех попыток социалистической революции в Западной Европе была «деревенская буржуазия» (то есть «кулак», то есть деревня). Это была та же программа «милитаризации» крестьянства и создания «трудовых армий» — и «внесения гражданской войны в деревню». Но основные положения имели более давнее происхождение. Какие первые меры предлагает «Коммунистический манифест» Маркса — Энгельса после пролетарской революции? «Введение всеобщей трудовой повинности, учреждение трудовых армий, в особенности в сельском хозяйстве». Согласно тому же «Коммунистическому манифесту», проблему крестьянства должен решить капитализм: «Говорите ли вы о мелкобуржуазной, мелкокрестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Нам нечего ее уничтожать, развитие промышленности ее уничтожило и уничтожает изо дня в день». Но в России это положение «Манифеста» оказалось невыполненным, и работа досталась партии и государству.

Ленин и Сталин были великими тактиками, они умели остановиться у края пропасти, совершать «отступления», добиваться «передышки». Так произошли эсеровская формулировка о «социализации земли» в Дек-

рете 1917 года, отмена комбедов в 1918 году, нэп, заявления об отмене «чрезвычайных мер», статья «Головокружение от успехов». Но, учитывая это, можно сказать, что вся государственная политика, начиная с 1917 года, была планомерной политикой уничтожения крестьянства как класса, и, хотя вначале она казалась безнадежно утопичной, судя по сегодняшнему положению, ее такой уже не назвать.

Из-за чего же шла тогда ожесточенная борьба на съездах? Это не было столкновение двух принципиально разных позиций. У партии была одна программа, а борьба шла за то, кто ее будет выполнять. Но это и не была просто беспринципная борьба за власть нескольких личностей. Партия искала своего лидера. Говоря современным языком, это были выборы лидера «на конкурсной основе». Правда, в условия конкурса входило и то, что проигравший платит головой. В этой борьбе Сталин показал себя наиболее способным к проведению той программы, которую вынашивала партия. Он стал лидером и действительно осуществил эту программу самым последовательным образом.

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ

«Сплошная коллективизация» и «раскулачивание» вместе составляли второй этап войны против деревни, отделенный от первого промежутком всего в 7 — 8 лет. Но теперь баланс сил был совершенно иным. Во-первых, власть не имела соперников в виде белых армий, отвлекавших ее от крестьянской войны. Во-вторых, власть сильно укрепилась, за время нэпа были накоплены большие материальные запасы, укрепились партия, армия, ОГПУ. Поэтому вторая война против деревни и была выиграна, причем за сравнительно короткий промежуток — в три года.

В основном коллективизация была проведена за

1930 — 1931 годы. Данные о начале коллективизации до 1930 года были приведены выше. Новый штурм деревни начался к осени 1930 года. Пленум ЦК в декабре 1930 года постановил довести долю коллективизированных хозяйств за 1931 год по стране до 50%, а в основных зерновых районах — до 80%. Действительно, к лету 1931 года эта доля составляла уже 52% по всей стране. К концу 1931 года она была 62%, к концу 1932-го составляла более 2/3 всех крестьянских хозяйств и 4/5 посевных площадей. На пленуме ЦК в январе 1933 года было объявлено, что решена «историческая задача перевода мелкого индивидуального раздробленного крестьянского хозяйства на рельсы социалистического крупного земледелия». К 1937 году было коллективизировано 93% крестьянских хозяйств.

«Раскулачивание» было лишь террористической стороной коллективизации. Зажиточные крестьяне чувствовали себя более независимо, они часто пользовались большим авторитетом, были более образованны. Очевидно, что они были потенциальными руководителями сопротивления деревни и их надо было подавить в первую очередь. Впрочем, в ряде официальных постановлений признавалось, что кампания раскулачивания направлялась и на крестьян, которые ни в каком смысле кулаками не были. Например, в конце 1933 года, когда коллективизация была в основном завершена, была разослана инструкция, подписанная Сталиным и Молотовым от имени ЦК и СНК, в которой говорилось: «В результате наших успехов в деревне наступил момент, когда мы не нуждаемся в массовых репрессиях, задевавших, как известно, не только кулаков, но и единоличников и часть колхозников».

Решающим толчком в деле раскулачивания была секретная директива ЦК от 30 января 1930 года. В ней подлежащие раскулачиванию делились на три категории: «контрреволюционный актив», «крупные кулаки и

бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации», и «остальные».

Первых предлагалось арестовывать и репрессировать, то есть отправлять в лагеря или расстреливать. Их семьи, а также все, относящиеся ко второй категории, подлежали высылке на поселение в отдаленные районы. Остальных предлагалось расселить в пределах краев их прежнего проживания. Общее число «кулаков» устанавливалось в 3 — 5% крестьянских хозяйств. По основным сельскохозяйственным районам страны для первой категории устанавливалась цифра в 60 тысяч, для второй — 150 тысяч хозяйств.

Сохранилась директива ОГПУ по «ударному проведению следствия, чтобы добиться разгрузки аппарата и мест заключения». В сообщении из Сибири для Сталина говорится: «Работа по конфискации <...> у кулаков развернулась и идет на всех парах. Сейчас мы ее развернули так, что аж душа радуется; мы с кулаком расправляемся по всем правилам современной политики, забираем у кулаков не только скот, мясо, инвентарь, но и семена, продовольствие и остальное имущество. Оставляем их в чем мать родила». Председатель ГПУ Украины писал Орджоникидзе, что выселяли «и глубоких стариков, и старух, беременных женщин, инвалидов на костылях».

Сохранился дневник учителя из Центральной России: «В соседней комнате находились арестованные кулаки. Посмотрел на них: обыкновенные русские крестьяне и крестьянки, в зипунах, в полушубках, в поддевках. Многие в лаптях. Тут же копошились всех возрастов дети. <...> Кричали навзрыд, как по покойнику». Из дневника крестьянина-духобора: «В конце мая приехали солдаты, атаковали село ночью совместно с нашими партийными и выгоняли из домов стариков и больных, не было пощады никому. Было раскулачено около 26 дворов, и их угнали <...>. Убит один

Егор Медведев и увезен незнатно куда солдатами, и одна была ранена женщина — Настя Арищенкова, и еще угоняли других, брали по одному из семьи».

Вся эта грандиозная акция искусно дирижировалась властью, которая то рассылала членов высшего руководства для подхлестывания коллективизации и раскулачивания (Калинина, Кагановича, Орджоникидзе, Яковлева), то издавала постановления, осуждающие «перегибы», чтобы стихия антикрестьянского насилия не вышла из-под контроля и не выплеснулась из берегов.

Но существенно, что акция была запланирована в общегосударственном масштабе. Инструкция ЦК от 20 февраля 1931 года предлагала ОГПУ в течение шести месяцев подготовить районы для расселения раскулаченных семей на 200 — 300 тысяч семей (чтобы оценить число людей, надо умножить по крайней мере на пять) под управлением специальных комендантов. Впоследствии к этому добавлялись дополнительные категории выселяемых.

Абсолютные цифры, как мне кажется, мало помогают понять такие события. Да и установить их точно, вероятно, невозможно. Все же приведем некоторые.

Из докладной записки Ягоды Сталину от 16 октября 1931 года следует, что за два года раскулачивания на север и в отдаленные районы страны выселено 1 158 986 человек. В их числе 459 916 детей. Всего же выселено и переселено 1 637 740 человек. Здесь не учитываются те, кто был в это время в лагерях и тюрьмах. В первые годы депортаций (1930 — 1931 годы) умерло 350 — 400 тысяч человек. В 1932 — 1933 годах из числа спецпереселенцев умерло 240 тысяч человек, а родилось 35 тысяч. Смертность детей была в 5 — 6 раз выше, чем у окружающего населения.

Большое количество детей среди спецпереселенцев понятно. В начале акции раскулачивания разрешалось

оставлять на месте у родственников детей до 14 лет, но вскоре этот возраст был понижен до 10 лет.

Дух эпохи отражают скорее не абсолютные цифры, а то, как их воспринимали современники. Например, выступая на пленуме ЦК в январе 1933 года, нарком юстиции СССР Крыленко сказал: «Если мы возьмем общее количество дел и лиц, осужденных по закону 7 августа (его содержание см. ниже. — *И. Ш.*), то на первый взгляд мы имеем как будто достаточно внушительную цифру — 54 645 человек... Но как только вы поставите вопрос, какого рода репрессии здесь применялись, вы увидите следующую картину: <...> применение высшей меры, которая была одним из основных мероприятий для того, чтобы ударить по прихлебателям этого классового врага; по тем, кто идет за ним, — она была применена судом первой инстанции всего на сегодняшний день в 2110 случаях. Реализована же в гораздо меньшем количестве — едва ли в 1000 случаях». Горькие сожаления о недостаточном числе расстрелянных больше передают дух времени, чем абсолютные цифры.

Конечно, наступление на деревню вызвало ее сопротивление. Из сводок ОГПУ известно, что в 1930 году было 13 754 массовых выступления. Из них женских восстаний («с преобладанием женщин», согласно сводкам) — 3712. Точная информация по следующим годам, видимо, отсутствует. В сводках говорится об «усилении антисоветских настроений», о «массовых выступлениях», но число их не приводится. В любом случае силы были слишком неравны.

Одной из форм крестьянского протеста можно считать падение собранного урожая. В 1930 году было собрано 835 млн ц., в 1931 году — 695 млн ц., в 1932 году — 699 млн ц. Это нельзя объяснить лишь погодными условиями. В сводках ГПУ руководители колхозов и совхозов часто обвиняются в «сокрытии» и «разбазари-

вании» собранного хлеба, то есть в раздаче его крестьянам в оплату труда. Появились «парикмахеры» — в основном женщины, ножницами срезавшие колосья на кашу, — и «несуны», уносившие зерно с токов за пазухой, в карманах. Против них был направлен закон от 7 августа 1932 года, определивший «в качестве меры репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру наказания — расстрел с конфискацией всего имущества» и только при «смягчающих обстоятельствах лишение свободы не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества».

Интересно, что в Собрании сочинений Сталина, издававшемся уже в послевоенное время, но еще при его жизни и явно под его присмотром, указывается, что этот закон был написан лично им, и отмечается, в какой именно день он это сделал. Речь шла, конечно, о крохах. Недаром этот закон стал известен под именем «закона о колосках» или даже «закона о пяти колосках».

Падение хлебных сборов отнюдь не означало, что колхозники потребляют много хлеба. Об этом свидетельствует страшный голод 1932 — 1933 годов (16). Он был прежде всего следствием нового уровня выжимания хлеба из деревни, который стал возможным в результате коллективизации. Как велись хлебозаготовки, можно судить по многим сообщениям. Так, на Кубани были обвинены в «саботаже» и занесены на «черную доску» ряд станиц. В них прекращался завоз всех товаров, прекращалось кредитование и досрочно взыскивались все кредиты. Наконец, предлагалось провести проверку и чистку «всякого рода чуждых элементов», а ОГПУ поручалось «изъятие контрреволюционных элементов». Ответственный за хлебозаготовки на Северном Кавказе запросил у Политбюро разрешение на дополнительную высылку 5 тысяч семей и чистку колхозов от кулацких элементов (2 — 3%). 14 декабря 1932

года была осуществлена акция по выселению жителей станицы Полтавской. Согласно сообщению Ягоды Сталину, все население станицы — 9187 человек — погрузили в пять эшелонов и отправили на Урал. Часть была отправлена в лагеря. Косиор сообщает Сталину, что за один месяц в конце 1932 года ГПУ арестовало на Украине в связи с хлебозаготовками 1830 человек, в том числе 340 председателей колхозов.

Сейчас хорошо известно письмо Шолохова Сталину (апрель 1933 года) о хлебозаготовках в станице Вешенской, так что напомним только отдельные места. Приводятся слова местного парторга Шарапова: «Детишек ему стало жалко выкидывать на мороз! Расслюнявился! Кулацкая жалость его одолела! Пусть, как щенки, пищат и дохнут, но саботаж мы сломаем». Шолохов пишет: «...за полтора месяца (с 20 декабря по 1 января) из 1500 коммунистов было исключено более 300 человек. Исключали, тотчас же арестовывали и снимали со снабжения как самого арестованного, так и его семью. Не получая хлеба, жены и дети арестованных коммунистов начинали пухнуть от голода»; «...выселенные стали замерзать <...>, выселили женщину с грудным ребенком. Всю ночь ходила она по хутору и просила, чтобы ее пустили с ребенком погреться. Не пустили, боясь, как бы самих не выселили. Под утро ребенок замерз на руках у матери»; «Число замерзших не установлено <...> точно так же, как никто не интересуется числом умерших от голода. Бесспорно одно: огромное количество взрослых и «цветов жизни» после двухмесячной зимовки на улице, после ночевок на снегу уйдут из жизни вместе с последним снегом, а те, которые останутся живы, будут полукалеками». Вот перечисление способов, при помощи которых добыли 593 тонны хлеба: «...сажание в холодную <...>. В Вещаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подолы юбок керосином, зажигали, а потом тушили <...>. В Наполовском

колхозе уполномоченный РК, кандидат в члены бюро РК Плоткин при допросе заставлял садиться на раскаленную лежанку <...>. В Чукаринском колхозе секретарь ячейки Богомолов, подобрав 8 человек демобилизованных <...>, после короткого допроса (подозреваемого в краже. — *И. Ш.*) выводил на гумно или в леваду, строил свою бригаду и командовал «огонь» по связанному колхознику. Если устрашенный инсценировкой расстрела не признавался, то его, избивая, бросали в сани, вывозили в степь и били по дороге прикладами винтовок, а вывезя в степь, снова ставили и снова проделывали процедуру, предшествующую расстрелу».

Сталин ответил Шолохову, что для разбора дела посылается Шкирятов и направляется необходимая помощь голодающим, но одновременно отчитал Шолохова за то, что он не видит политической стороны вопроса: «тихой» войны «хлеборобов» против советской власти.

С другой стороны, когда в одном районе Днепропетровской области крестьянам было разрешено оставить зерно на посев, Сталин направил всем партийным органам циркуляр, в котором объявлял руководителей этого района «обманщиками партии и жуликами, которые искусно проводят кулацкую линию», и потребовал их «немедля арестовать и наградить их по заслугам, то есть дать им от 5 до 10 лет тюремного заключения каждому». Просьбу смягчить план хлебозаготовок для Сибири Сталин отклонил и добавил: «Ответственность возлагаем на Эйхе, Грядинского и уполномочиваем их принять все меры репрессий, какие найдут нужным применить». Поразительна эта уверенность, что из репрессий может родиться хлеб!

Видимо, причиной голода были эти истребительные хлебозаготовки, бегство крестьян из деревни (за четыре года, к 1932 году, население городов выросло на 12,5 миллиона, за время коллективизации деревня по-

теряла 25 миллионов), а также засуха и другие природные факторы.

Голод начался еще в 1932 году, особенно широко он проявился к весне 1933 года. Сводки ГПУ сообщают о голодающих, опухших, умерших. Добавляется: «...приведенные цифры значительно уменьшены, поскольку райаппараты ГПУ учета количества голодающих и опухших не ведут, а настоящее количество умерших нередко неизвестно и сельсоветам». Секретарь Винницкого обкома сообщает: «В последнее время увеличилось число смертей и не прекращаются факты людоедства и трупоедства. В некоторых наиболее пораженных голодом селах ежедневно до 10 случаев смерти. В этих селах большое количество хат заколоченных, а в большинстве хат крестьяне лежат пластом и ни к какому труду по своему физическому состоянию не пригодны». Еще летом 1932 года Молотов, вернувшись с Украины, на заседании Политбюро сказал: «Мы стоим действительно перед призраком голода, и к тому же в богатых хлебных районах». Тем не менее Политбюро постановило: «...во что бы то ни стало выполнить утвержденный план хлебозаготовок».

Голод охватил Северный Кавказ, Урал, Нижнюю и Среднюю Волгу, Украину, Казахстан. Сотни тысяч крестьян бросились спасаться от голода в более благополучные области. За подписью Сталина и Молотова директива партийным, советским органам и ОГПУ утверждает, что «этот выезд крестьян» «организован врагами советской власти, эсерами и агентами Польши», предписывается «не допускать массового выезда крестьян в другие районы» и «немедля арестовывать пробравшихся».

Количество погибших в результате голода до сих пор не установлено. Население СССР с осени 1932 года по апрель 1933-го сократилось на 7,7 миллиона человек. Некоторые авторы оценивают число жертв го-

лода в 7 — 8 миллионов человек. Как всегда, когда об этом стало можно писать, приводились большие цифры, теперь склоняются к несколько меньшим. Но порядок остается тем же.

Впрочем, хотя смертный голод прекратился, деревня продолжала голодать (во многих местностях, например, ели хлеб с примесями) вплоть до смерти Сталина в 1953 году. В памяти крестьян благодетелем, при котором жизнь стала смягчаться, остался Маленков.

В результате коллективизации крестьянство было лишено жизненных возможностей и прав (не очень, впрочем, обширных), которыми обладало тогда городское население. Крестьяне оказались в неравноправном положении, стали низшим слоем населения. Если реформы Столыпина юридически уничтожили последние остатки неравноправного положения крестьянства, сохранявшиеся со времен крепостного права, то теперь это неравноправное положение было восстановлено в гораздо большей степени. Так, указ от 5 октября 1906 года давал крестьянам право свободного получения паспортов и выбора места жительства. Колхозники же не являлись держателями паспортов (вновь введенных в 1932 году) и не имели права покинуть деревню, за исключением нескольких строго очерченных обстоятельств (призыв в армию, по спецнабору на стройки и выезд на учебу). Колхоз превратился в государственное предприятие. При этом, однако, над колхозником нависала угроза репрессий за невыполнение заданий по хлебозаготовкам, за невыработку нужного числа трудодней и т. д. — и он же нес бремя риска в случае неурожая.

Еще важнее, что изменился характер труда. Исчез творческий элемент, связанный с самостоятельным принятием решения крестьянином, с чувством ответственности. Что, где, когда сеять или жать — все определялось указаниями сверху, которые усиливались газет-

ными кампаниями. Часто замечали, что главной причиной упадка советского сельского хозяйства была незаинтересованность колхозника. При этом подразумевается обычно его материальная незаинтересованность в результатах его труда. Но гораздо существеннее — потеря интереса к самому процессу труда. Он превратился в тот «урок», о котором писал Ленин по поводу рабочих. В этом важнейшем вопросе их жизни колхозники были в худшем положении, чем крепостные, сохранявшие на своих надельных землях возможность трудиться по своему собственному выбору. Из-за этого крестьяне, которые раньше готовы были голодать и отдавать все силы, лишь бы не расстаться со своим крестьянским образом жизни, стали бежать из деревни. Сначала (в предвоенные годы) еще сохранялась инерция прежнего отношения, память о крестьянском труде на тех же полях. В следующем поколении и она стала выветриваться. К тому же деревня всегда оставалась дискриминированной. Например, после войны я часто разговаривал с одним жителем колхоза, еще молодым, но вернувшимся совершенно израненным с войны. От него я узнал, что он, как и все инвалиды войны из сельской местности, не получает никакого пособия или пенсии: их, считалось, должен был содержать колхоз.

И позже, при Хрущеве, при Брежневе, колхозников как будто нарочно приучали к тому, что они только поденщики, по чужим замыслам работающие на земле: у них то отбирали коров в колхозное стадо, то раздавали их обратно, то опять отбирали, чтобы привязанность к скотине не укреплялась в душе. Да и с их судьбами делали то же: то задумывали сселять в «агрогорода», то укрупняли колхозы, то измельчали. Одним росчерком пера колхоз мог быть превращен в совхоз, и наоборот. Об их жизни все знают по теперь уже классическим произведениям Ф.А. Абрамова, В.И. Белова, В.Г. Распутина.

Коллективизация была полной победой социалистической идеи над крестьянством. Еще в резолюции I Интернационала в 1869 году говорилось, что капитализм, наука, течение событий и интересы общества «приговаривают мелкое крестьянское хозяйство к постепенному исчезновению, без права апелляции и без снисхождения». Это у нас и произошло, только не «постепенно». Если установление первого крепостного права потребовало 200 лет, то новое закрепощение было осуществлено за 3 года. «Реакционный класс» был уничтожен, а отдельные его представители либо тоже были уничтожены, либо превращены в пролетариев.

Труд крестьянина нисколько не менее глубок и содержателен, чем труд ученого или писателя. Он имеет осмысленный, творческий характер, связан с природой, отражает ее цикличность. Представим себе, что математикам или поэтам «спускали бы сверху» «установки» для их работы, организовали «теоремозаготовки» или «стихозаготовки» с переселением на Север, расстрелами и вообще в том духе, который описан выше, а потом объединили бы их в коллективы и, отобрав паспорта, заставили коллективно создавать продукцию в предписанном стиле и количестве. Ясно, что это был бы конец и математике, и поэзии. Точно так же пришел конец крестьянству. С той разницей, что из-за древности и живучести этого уклада «раскрестьянивание» все же растянулось на десятилетия.

В работе, появившейся более десяти лет назад, К. Г. Мяло предложила рассматривать коллективизацию как явление цивилизационного слома («Новый мир», 1988, № 8). К сожалению, эта точка зрения не была потом нигде детально развита, хотя, по-моему, обращает внимание на суть ситуации. Сейчас во всем мире большое признание получила роль крестьянства, даже возникла такая наука (или область знания) — «крестьяноведе-

ние» (17, 18). Стало проясняться, что крестьянство так же, как, например, семья, не связано с какой-либо формацией — феодализмом или капитализмом. Это особая форма цивилизации, существующая на протяжении нескольких тысячелетий. Началось изучение ее этических принципов, хозяйствования, искусства. Вот эта цивилизация и была разрушена коллективизацией и последовавшим раскрестьяниванием. Для России это означало и большее — разрушение традиционной русской цивилизации, основой которой была деревня.

Эта связь особенно ярко проявилась в литературном течении 20-х годов — как бы идеологической подготовке коллективизации. С поражающей яростью авторы обрушивались на своего врага, который представал то в виде «темной» деревни, то «Расеи». Например, очень известный тогда поэт Безымянский спрашивал:

О, скоро ли рукой жестокой
Расеюшку с пути столкнут?

А малоизвестный Александровский писал:

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.
Не жила ты, а только охала
В полутемной и тесной избе.

И не в литературе, а в реальности эпоха коллективизации была временем слома духовных основ жизни народа. Например, создание колхоза и раскулачивание часто сопровождалось закрытием церкви, снятием колоколов. Была даже директива ЦК о закрытии церквей и молитвенных домов. Из сводок ГПУ известно о 1487 восстаниях, вызванных подобными действиями. (Через месяц после выхода в свет такой директивы Сталин в статье «Головокружение от успехов» осудил эти действия.)

Ломке подверглись и семейные, родственные связи. В наиболее радикальных социалистических программах, начиная с Платона, планировалось уничтожение

семьи, брака и общественное воспитание детей. В СССР такие меры никогда не осуществлялись. Но в 1930-е годы в газетах многократно появлялись отречения от арестованных родственников: отца, сына, брата. Тем самым внушалось, что подчиненность человека государству должна быть сильнее любых родственных связей, голоса крови. Именно за это и был так прославлен Павлик Морозов. О нем не просто скорбели как об убитом ребенке. Он прославлялся как герой, потому что поплатился своей только еще начинавшейся жизнью за подвиг, утверждавший новые моральные нормы: донос на отца-«вредителя».

Коллективизация для крестьянства была более радикальным переломом, чем революция 1917 года. Она разрушила многотысячелетнюю культуру и бесконечно уменьшила возможности выбора разных путей в будущее для народа. С этой точки зрения Сталин очень точно применил к ней термин «великий перелом». Так ее воспринял, например, и Н. Клюев. Он был арестован в 1934 году и на допросе показал: «Окончательно рушит основы и красоту той русской народной жизни, певцом которой я был, проводимая коммунистической партией коллективизация. Я воспринимаю коллективизацию с мистическим ужасом, как бесовское наваждение». В его деле сохранилось стихотворение «Песня Гамаюна», в котором говорится:

> К нам вести горькие пришли,
> Что больше нет родной земли.
> И Север — лебедь ледяной
> Истек бездомною волной,
> Оповещая корабли,
> Что больше нет родной земли!

С другой стороны, и Сталин, по-видимому, осознавал какой-то роковой, поворотный характер коллективизации. В воспоминаниях о Второй мировой войне Черчилль рассказывает, что во время визита в Москву в

августе 1942 года между ним и Сталиным произошел такой разговор. Черчилль: «Скажите, напряжение, вызванное войной, было столь же тяжелым для вас, как при проведении коллективизации?» Сталин: «Политика коллективизации — это была чудовищная борьба». Черчилль: «Я думаю, вам было тяжело, так как вы имели дело не с тысячью помещиков или аристократов, а с миллионами маленьких людей». Сталин: «Десять миллионов (он показал на пальцах, подняв руки). Это было страшно. Это продолжалось четыре года <...>. Это было очень тяжело и трудно, но абсолютно необходимо». Черчилль: «Что же произошло?» (С «кулаками».) Сталин: «Многие согласились вступить в колхозы, некоторым была предоставлена своя земля в провинции Томск или провинции Иркутск и даже севернее, но большинство оказалось очень непопулярными и были убиты своими батраками».

То есть коллективизация представлялась Сталину более трудной и опасной, чем война с Гитлером, когда немцы прорвались уже к Волге.

В этой работе, в связи с крестьянскими восстаниями эпохи Гражданской войны, коллективизацией и раскулачиванием, мы ссылались на сборники документов и обзоры архивных данных, составленные квалифицированными учеными, много лет (иногда — десятилетий) занимавшимися историей крестьянства советского периода. Это работы историков-профессионалов, не имевшие целью подтверждение каких-то политических взглядов (хотя авторы, вероятно, такие взгляды имели). Но за последние десять лет появилось много гораздо более легковесных публикаций, мотивировка которых была чисто политической: они использовали трагедию деревни, чтобы оправдать происшедший в последние годы перелом жизни. Это в принципе обреченная на неудачу попытка. Каждый своими глазами видит, как жизнь изменилась катастрофически к худ-

шему — и для страны в целом, и для подавляющего большинства ее жителей.

Но такой прием фальшив и по более глубокой причине. Бессмысленно «выставлять оценку» общественному укладу на основании того, что происходило до или после того, как этот уклад имел место. Причем в обоих вариантах: ставить «положительную оценку» либо «перестройке» — апеллируя к трагедиям коммунистического периода, либо коммунизму — на основании катастрофы «перестройки». Действительно, предположим, в порядке «мысленного эксперимента», что в следующее десятилетие распад России примет масштаб распада СССР, тепловой и энергетический кризис с Севера и Дальнего Востока придет в Центр, наступит голод, как в 1921-м или 1933 году. (Многие признавали такое развитие вероятным.) Будет ли тогда оправдана точка зрения: «Мы виноваты, что не ценили положительных сторон политики Ельцина, реформ Гайдара и Чубайса; при них, по крайней мере, не было сплошного голодного мора»?

Да и вообще, сопоставление современности с периодом коммунистического строя не имеет смысла, так как сам этот период был очень неоднороден. Он распадался на резко различающиеся эпохи.

1. Гражданская война и «военный коммунизм». Тогда человеческая жизнь не стоила и полушки. Человека могли расстрелять как заложника или просто убить за сапоги. Свирепствовал сыпной тиф. Сначала голодал город, потом страшный голод пришел в деревню.

2. Нэп. Для партии это был период «отступления и перегруппировки сил», для всей страны — поиска новых возможностей развития.

3. «Сталинский период». Это было время крайней бедности, недоедания, а иногда и голода. Почти все жили в коммуналках. Я, например, могу по пальцам одной руки пересчитать своих знакомых, имевших от-

дельные квартиры. Но постоянно слышны были сообщения о поразительных успехах, строительстве нового, небывалого в истории государства.

4. «Хрущевско-брежневский период». Тогда стали покупать хлеб за границей и торговать нефтью. Появился комфорт: массовым явлением стали отдельные квартиры, пенсии, на которые вполне можно было прожить, частные автомашины.

Бессмысленно соединять в единый образ черты разных эпох: нельзя «к дородности Ивана Павловича прибавить развязность Балтазара Балтазарыча». Аргументы «зато мы строили великую державу» и «тогда наши квартиры были почти бесплатными» — относятся к разным эпохам.

Мне кажется, единственный способ понять нечто в нашей новейшей истории — это рассматривать весь XX век как единый кризис — начиная по крайней мере с войны 1914 года (или революции 1905 года) и кончая современностью.

УПУЩЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ: КОНЦЕПЦИЯ ЧАЯНОВА

Был ли «великий перелом» — раскрестьянивание России — неизбежен, предопределялся ли он железно предшествующей историей? Иначе говоря, существовала ли ему альтернатива тогда, в конце 1920-х годов (даже исходя из революции и Гражданской войны как уже свершившегося)? Хотя историю мы изменить не можем, но обсуждение ее и, в частности, подобных вопросов может способствовать ее уяснению.

Поскольку принятие курса на сплошную коллективизацию и уничтожение кулака как класса происходило параллельно борьбе с группой Бухарина, то, естественно, возникает предположение, что линия этой группы как раз и представляла подобную альтернативу. Но

чем больше я знакомился с произведениями Бухарина, материалами съездов тех времен и впервые сейчас рассекреченными материалами пленумов ЦК, тем более сомнительным мне казалось, что Бухарин и его единомышленники были способны предложить какую-то реальную альтернативную концепцию или план действий.

Говоря суммарно, причина видится мне в следующем. История всей партийной борьбы после смерти Ленина, да и история Гражданской войны и даже вся марксистская идеология предполагали единственную программу — уничтожение крестьянства. Недаром Сталин, когда еще он с этой программой боролся, признавал, что ее исповедуют 99 членов партии из 100 (в принятой у них терминологии: «Бей кулака!»). Бухарин же и вся его группа были слишком тесно связаны с партией, чтобы противопоставить ей какую-то независимую точку зрения. Конкретно это можно подтвердить следующими соображениями.

1. Бухарин никогда не признавал за крестьянством права на самостоятельное существование, со своими собственными целями. Во время военного коммунизма оно для него явно подпадало под категорию «материала», который при помощи насилия и расстрелов перерабатывается в «коммунистическое человечество». Но и во время нэпа он считал, что оно еще должно «превратиться в людей» (а пока — всего лишь «курица»). Провозглашая и «блок», и «союз» пролетариата с крестьянством, он всегда понимал его так, что «руководящая роль должна принадлежать рабочему классу», а «в самом рабочем классе руководящая роль, в свою очередь, должна принадлежать коммунистической партии». Крестьянство то «переделывается» рабочим классом, то «втаскивается» в социализм «при помощи наших командных высот» и т. д. и т. д.

2. Как следствие, ни Бухарин, ни его группа в

принципе никогда не могли отказаться от насилия по отношению к крестьянству. Если не расстрелами, то политикой цен. Бухарин предлагал еще в 1927 году производить «изъятие средств от населения <...> на дело индустриализации», соблюдая «необходимую меру и необходимую степень революционной законности в деревне». В принципе он не возражал против «чрезвычайных мер», которые, по его словам, «получили свое историческое оправдание», и, хотя он выступал против их постоянного применения, подчеркивал все же, что в случае необходимости «не откажемся от экстраординарных мер».

3. Бухарин и его группа в принципе не могли отказаться от идеи классовой борьбы в деревне. Бухарин писал о «мелкобуржуазных рыцарях крепкого хозяина, которые скорбят и хнычут по поводу форсированного наступления на кулачество». Он говорил на пленуме ЦК в апреле 1929 года: «Сколько раз нужно говорить, что мы за колхозы, что мы за совхозы, что мы за великую реконструкцию, что мы за решительную борьбу против кулака, чтобы перестать возводить против нас поклепы?» (19)

4. Бухарин и его группа вечно боялись обвинения во фракционности, а значит, не могли выдвинуть свою, независимую программу и сплотить вокруг нее своих сторонников. На том же пленуме ЦК Бухарин говорил: «Вы новой оппозиции не получите. И ни один из нас никакой «новой» или «новейшей» оппозиции возглавлять не будет». А тогда их борьба теряла принципиальный смысл. Например, из письма, направленного Бухариным, Рыковым и Томским пленуму ЦК в ноябре 1929 года, вообще трудно понять, в чем же были разногласия. Это в основном жалоба на несправедливое отношение к трем авторам.

Переломить линию, назревавшую в партии с XIII съезда (а вернее, с эпохи «военного коммунизма»),

можно было только очень радикальными мерами: обращением к той (уже значительной) части партии, которая чувствовала себя связанной с деревней, к красноармейцам — в основном выходцам из деревни. Да и ко всему народу. В деревне распространялось движение за создание «крестьянских союзов» (сводки ГПУ часто сообщают об «агитации за крестсоюзы»). Можно было опереться на него. Но об этом Бухарин и никто из его последователей в принципе не были способны и помыслить.

К этому присоединяется и личный фактор: Бухарин не был «харизматическим лидером». Он был, например, очень ценим в партии за то, что умел открыто признавать свои ошибки. Но «вождь» не может признавать ошибок! Он зовет за собой единомышленников на бой, на жертвы. Что же будет, если они погибнут, а он честно признает, что ошибался? Сталин никогда не признавал никаких своих конкретных ошибок. Один раз он признал, что он груб (в чем Ленин обвинял его в своем «завещании»), но добавил: «С врагами партии». Ленин часто говорил: «Мы наделали массу глупостей» и т. д., но если он хотел взять назад свои конкретные тезисы в дискуссии с Троцким или Бухариным, то это делалось так, что Надежда Константиновна при личной встрече говорила: «Ильич считает, что разногласий больше нет». А Бухарин охотно открыто признавался в ошибках, а после объявления его «правым оппозиционером» не раз каялся и даже возносил славословия Сталину. И кто знает, может быть, и искренне? Психологию людей, способных по велению партии видеть черное белым, нам уже не понять.

Очень показательно и письмо, составленное Бухариным в ожидании ареста и гибели, которое он дал заучить жене. Прежде всего обращение: «К будущим вождям партии». Не к народу той страны, в управлении которой он так решительно участвовал, и не (как ин-

тернационалист) к человечеству или мировому пролетариату. Он чувствовал себя только членом партии! И поразительно заявление: «...вот уже седьмой год, как у меня нет и тени разногласий с партией». В такие моменты не лукавят. Ведь это значит, что его разногласия со Сталиным сводились к тому, что он опасался, как бы сталинский план не провалился. А когда он удался, разногласия отпали. Ведь и Сталин на XVI съезде обвинял бухаринскую группу лишь в «паникерстве», сравнивал с чеховским «человеком в футляре».

Если и была в 1920-е годы выработана альтернатива политике индустриализации за счет уничтожения деревни, то искать ее надо не в области марксистской мысли. Как раз в то время в России произошел мощный взрыв новых идей в области экономики деревни. Конечно, этот «взрыв» был подготовлен десятилетиями напряженной и многогранной работы, шедшей еще с начала XX века. Пример и русской и французской революций указывает на то, что революции происходят не в период упадка страны, а, наоборот, в эпоху подъема — экономического, культурного. Они связаны с каким-то накоплением духовной энергии, которая иногда находит себе выход в разрушительном направлении. В истории России это ясно видно, и в частности в интересующей нас области.

В начале XX века в России возникло поразительно яркое течение в области изучения сельского хозяйства. Это были такие выдающиеся ученые, как Чаянов, Кондратьев, Челинцев, Минин, Макаров, Бруцкус, С. Булгаков, Литошенко, Студенский. К тому же поколению (и в близкой области исследований) относятся Н.И. Вавилов (учившийся на одном курсе с Чаяновым в Петровской сельскохозяйственной академии) и Питирим Сорокин (учившийся вместе с Кондратьевым в церковно-учительской семинарии). Каковы бы ни были их политические взгляды (по большей части, ви-

димо, скорее «народнического», чем эсеровского направления), но явно для них гораздо важнее были их исследования и самый объект их — русская деревня. Поэтому несколько человек из них эмигрировали во время Гражданской войны, а потом вернулись, два-три эмигрировали насовсем, а подавляющая часть работала здесь и была уничтожена в 1930-е годы, выжили из них один-два человека. Для них явно важнее была возможность что-то делать, чем то, какое правительство у власти. Они работали и при царском правительстве, и при Временном, пытались (в основном безуспешно) работать во время военного коммунизма, во время нэпа был расцвет их деятельности, а в 1930-е годы оборвалась и она, и (в большинстве случаев) их жизнь.

Общим для всего этого направления можно считать убеждение, что основой экономики России является сельское хозяйство. Так, Чаянов писал: «...всем известно, что основным фактом нашего народного хозяйства является то обстоятельство, что республика наша является земледельческой страной <...>. Сообразно этому наше сельское хозяйство представляет собой мощный народно-хозяйственный фактор, во многом определяющий собою народное хозяйство СССР» (20). Кондратьев: «Нужно вспомнить старую истину, провозглашенную еще физиократами и Адамом Смитом, что внеземледельческие отрасли страны не могут быть развиты больше, чем позволяют естественные ресурсы, которые дает ей сельское хозяйство». На III Всероссийском агрономическом съезде 1922 года сельское хозяйство было названо «основной отраслью приложения труда и развития производительных сил».

Вторым общим для всего этого направления положением было признание семейно-трудового индивидуального хозяйства основой земледелия. Чаянов считал необходимым опираться на мелкого производителя, «не разрушая его индивидуальности», имея в виду ис-

пользование всех возможностей, заложенных в крестьянской экономике, а не ее разрушение. Он подчеркивал: «Крестьянские хозяйства проявили исключительную сопротивляемость и живучесть. Часто голодая в тяжелые годы, напрягая через силу свою рабочую энергию <...>, они почти повсеместно стойко держались» (21). Он считал, что положение (в частности, Маркса) о преимуществах крупного производства перед мелким не распространяется на сельское хозяйство. Напомним, что сейчас ряд экономистов утверждает, что и в промышленности роль мелких (иногда семейных) фирм не исчерпана, что именно они способствуют техническому прогрессу.

В 1927 году Молотов обратился к Кондратьеву с просьбой изложить свое мнение о развитии сельского хозяйства в связи с подготовкой XV партсъезда. В представленном тексте Кондратьев писал: «На ближайшее обозримое время вопрос о развитии сельского хозяйства будет, как и раньше (с точки зрения удельного веса), прежде всего вопросом развития индивидуальных крестьянских хозяйств...» Бруцкус, явно оспаривая марксистскую концепцию, писал: «...при данных исторических условиях крестьянское хозяйство есть единственная прочная основа русского сельского хозяйства, а не какой-то пережиток».

Наконец, третьим общим для всех положением было признание кооперации как пути для повышения товарности русского сельского хозяйства, выхода его на мировой рынок. Эта идея была сформулирована в русской экономической науке еще в начале XX века. Так, еще в «Заветных мыслях» Менделеев писал: «Желательно, чтобы начинающимся, и особенно кооперативным (артельным) предприятиям было оказано исключительное внимание и всякие с них налоги уменьшены ради их усиленного возникновения». Чупров еще в 1904 году высказал мысль, что именно кооперация

спасет мелкое крестьянское хозяйство в его конкуренции с крупным. По его словам, идея кооперации являлась не менее важным открытием в области сельского хозяйства, чем достижения техники в промышленности.

Жизнь, казалось бы, подтверждала эту идею. С начала века до 1917 года количество разного рода сельскохозяйственных кооперативов в России увеличилось в 3 раза. В них состояло 14 миллионов человек, а с членами семей — 84 миллиона — более половины населения страны. Туган-Барановский писал в начале века, что по числу кооперативов и их членов предреволюционная Россия занимала «безусловно первое место во всем мире». Как писал Чаянов: «Вот именно на этот-то процесс кооперирования нашей деревни мы и хотели бы указать <...> как на начальную фазу того пути, который один может привести сельское хозяйство крестьянских стран к полной решительной переорганизации на началах самых крупных организационных мероприятий» (21). Точка зрения Кондратьева: «Лучшей формой развития самодеятельности населения, как показала практика всех стран, является организация и развитие сельскохозяйственной кооперации» (5).

Здесь можно было бы даже видеть некоторое сближение с марксистской мыслью: сразу приходит на ум статья Ленина «О кооперации», да даже и колхозы. Но практически никакого контакта всего этого направления «аграрников» с политикой власти не произошло. Состоявшиеся в 1918 году переговоры группы кооператоров (в нее входил и Чаянов) с Лениным закончились ничем. Ленин настаивал тогда на своих принципах кооперации, включавших обязательный поголовный охват кооперацией всего населения. Был национализирован Московский (кооперативный) банк. Ленин считал, что кооперация — «небольшой привесок к механизму буржуазного строя», «и какие угодно изменения,

усовершенствования, реформы не изменят того, что это лавочка». Его цель была — «превратить всех граждан данной страны поголовно в членов одного общенационального или, вернее, общегосударственного кооператива». Наметившееся в какой-то момент сближение точек зрения не осуществилось.

Чаянов писал: «Власть в пылу социалистического строительства наносит тягостные, часто губительные удары нашему движению <...>, нельзя усилиями государственного пресса волу придать форму верблюда и требовать при этом, чтобы он остался жив. Крестьянская кооперация мертва есть, и конвульсии, ее сотрясающие, нельзя принимать за жизнь». Лишь после перехода к нэпу Ленин заметил, что кооперация находится в «состоянии чрезмерного задушения». В период нэпа «аграрники» получили возможность развивать свои идеи, и их творчество испытало новый подъем. Но с концепциями власти (Ленина или Бухарина) их идеи не состыковывались. Одни считали переходными и временными все формы кооперации, кроме «производственной» (как в колхозах), другие смотрели на кооперацию как на средство сохранить самое, с их точки зрения, ценное — семейно-трудовое хозяйство. Это отразилось и в жизни. К середине 1920-х годов, когда деревня была меньше всего подчинена государственному контролю, кооперация охватывала всего 3 миллиона членов против 14 миллионов в довоенное время.

Но все же с началом нэпа и до середины 1920-х годов между экономистами-аграрниками немарксистского направления и властями установился режим «мирного сосуществования». (Тем более что экономисты, о которых идет речь, были очень слабо вовлечены в политику, они готовы были сотрудничать с любой властью, если она позволяла им работать.) Так, Чаянов сотрудничал с Наркомземом. В 1920 году доклад «Генеральный план Наркомзема на 1921 — 1922 годы» был

сделан им на президиуме Госплана. Он возглавлял две кафедры в Тимирязевской (бывшей Петровской) сельскохозяйственной академии: организации сельского хозяйства и сельскохозяйственной кооперации, руководил Институтом сельскохозяйственной экономики и за период 1923 — 1927 годов опубликовал много статей и книг.

Кондратьев также сотрудничал с Наркомземом — был начальником управления сельскохозяйственной экономии. Он был основателем и директором Института по изучению народно-хозяйственных конъюнктур. Занимался разработкой перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства на 1923 — 1928 годы. Этот «план Кондратьева» был рассмотрен в 1925 году президиумом Госплана СССР с резолюцией: «Общие основы плана правильны». На это время также приходится большое число его публикаций.

Столь же интенсивна была в этот период работа других экономистов-аграрников немарксистского направления. Можно сказать, что интеллектуальный взлет, начавшийся в предреволюционные годы, пережил эпоху «военного коммунизма» и, может быть, достиг как раз своего пика к середине 1920-х годов. Тогда был создан грандиозный массив, целый океан конкретных исследований, новых идей и концепций в области экономики и социологии земледелия, который только в последние годы начинает осваиваться.

В частности, национализация большой части экономики сделала первоочередной проблему планирования и тем стимулировала давний интерес Кондратьева к вопросам планирования и прогнозирования. Он различал две тенденции в планировании, которые называл «телеологической» и «генетической». В первой была задана некоторая цель, и план должен был разработать пути ее достижения, а иногда просто подобрать аргументы, доказывающие ее достижимость. Так, Калинин

писал: «Большевики думают, что это можно сделать, а специалисты должны подвести теоретическую базу и технически обосновать это». Генетическая тенденция предполагала, что план исходит из анализа объективных тенденций развития, соединяя директиву с предвидением. Поэтому Кондратьев рассматривал многолетний план как общую установку, не доводя его до точных цифр: «Контрольные цифры могут быть директивными не в отношении точности их реализации, но в смысле нашего отношения к ним, вкладываемых в них волевых импульсов». На базе их составляются по мере развития хозяйства более точные краткосрочные планы.

В своем программном докладе Кондратьев говорил: «Первое положение сводится к принципу свободы сельскохозяйственной инициативы и деятельности. Этот принцип вполне ясен. Россия страна земледельческая, земледельчески-крестьянская. Крестьянское хозяйство по самой своей природе живет частнохозяйственной инициативой и интересом <...>. Государство должно поэтому отказаться чертить полный план поведения отдельного крестьянина как хозяина и затем теми или иными средствами принуждения осуществлять этот план. Необходимо предоставить хозяйству свободу приспособления к условиям существования и рыночным конъюнктурам. Но государство должно влиять на самые эти конъюнктуры, если оно хочет, чтобы направление сельскохозяйственной деятельности шло в желательном русле». Если использовать современные термины, Кондратьев разработал теорию планирования в регулируемой рыночной экономике.

Созданный Кондратьевым институт и был предназначен для того, чтобы изучать те конъюнктуры, которые влияют на направление развития хозяйств, развивающихся на принципах свободы своей трудовой деятельности. Причем конъюнктуры эти были элементами не только общенационального, но и мирового хозяйст-

ва. Здесь Кондратьев открыл основоположный закон периодических колебаний мирового хозяйства с периодом приблизительно в полвека — «длинные волны», как он их назвал. Он подробно описал характер этих колебаний, социальные и экономические явления, сопровождающие периоды подъема и упадка. Его теория вскоре нашла очень точное подтверждение в мировом кризисе конца 1920-х — начала 1930-х годов. Сейчас «длинные волны» называются обычно «циклами Кондратьева». По этому вопросу возникла целая литература.

Главным же результатом работы всей этой группы исследователей на протяжении более чем двух десятилетий было, как мне кажется, создание стройной и конкретно обоснованной концепции развития семейно-трудового крестьянского хозяйства, при котором сохранялся бы творческий характер труда в индивидуальном крестьянском хозяйстве, и в то же время оно становилось конкурентоспособным на национальном и даже мировом рынке и приобретало возможность быстрого экономического роста. Разработанная концепция новой народно-хозяйственной системы опиралась на труды целого поколения экономистов-аграрников, да и на их предшественников и учителей. Но индивидуальным автором концепции был Чаянов, и построение ее было основным делом его недолгой жизни.

Основные положения теории Чаянова таковы (21). Он анализирует то, что он называет «организационным планом» крестьянского хозяйства, и разбивает его на ряд «звеньев». Некоторые из них непосредственно связаны с индивидуальностью крестьянского хозяйства, которая была бы разрушена их обобществлением. О них он говорит: «Деятельность сельского хозяина носит настолько индивидуальный местный характер, настолько обусловлена особенностями каждого клочка эксплуатируемой поверхности, что никакая руководящая извне воля не сможет вести хозяйство, если оно сколько-ни-

будь интенсивно. Можно сказать, что все искусство сельского хозяина заключается в умении использовать частности. Только сам хозяин, за долгие годы практики изучивший свое хозяйство, может успешно вести его, а тем более реформировать».

Но это не значит, что сельское хозяйство не способно использовать преимущества крупного хозяйства. От организационного плана можно «отщепить» целый ряд звеньев, которые только выигрывают от объединения. Такое объединение создается кооперацией. Кооперация плодотворна для таких, например, звеньев земледельческого производства, как молотьба, сливкоотделение, приготовление масла, трепка льна, продажа сельскохозяйственной продукции, покупка продуктов промышленности, получение кредитов и других.

Для большого числа этих форм деятельности Чаянов исследовал «дифференциальный оптимум», то есть размер охваченных кооперацией хозяйств, при котором она может быть максимально эффективна. Главный вывод заключается в том, что оптимум очень резко различается для разных видов деятельности. Например, «молочные товарищества работают на радиусах в 3 — 5 верст, свеклосахарные и картофельные — около 10, а остальные — закупочные, кредитные и страховые — на радиусах часто еще больших, не говоря уже о союзах сельскохозяйственных товариществ». Как следствие, чтобы их работа была эффективнее, крестьяне должны объединяться во *множество* кооперативов разных размеров по тому или другому профилю их деятельности.

Такую кооперацию Чаянов называет «вертикальной», в отличие от «горизонтальной», когда одна и та же группа крестьян объединяет все свои хозяйства, все звенья своего организационного плана и при этом для большинства из них не достигается оптимума. Типичный пример «горизонтальной» кооперации — колхоз. Как считает Чаянов, «вертикальная» кооперация со-

единяет мелкое хозяйство, не теряющее своей индивидуальности, с общегосударственным и даже мировым рынком. Он пишет:

«Что, в самом деле, замечательного на вид в том, что крестьянка, отдоив свою корову, чисто моет свой бидон и относит в нем молоко в соседнюю деревню в молочное товарищество, или в том, что сычевский крестьянин-льновод свое волокно вывез не на базар, а на приемный пункт своего кооператива? А на самом деле эта крестьянка со своим ничтожным бидоном молока соединяется с двумя миллионами таких же крестьянок и крестьян и образует свою кооперативную систему Маслоцентра, являющуюся крупнейшей в мире молочной фирмой и уже заметно реорганизующей ныне весь строй крестьянских хозяйств молочных районов. А сычевский льновод, обладающий уже достаточной кооперативной выдержкой, является частицей кооперативной системы Льноцентра, являющейся одним из крупнейших факторов, слагающих мировой рынок льна».

И эта концепция не являлась рациональной конструкцией, вышедшей непосредственно из головы ее автора — как «Государство» Платона, «Утопия» Мора, «Город Солнца» Кампанеллы, «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса и т. д. Она опиралась на громадный массив практических работ, произведенных на протяжении нескольких десятилетий русскими, а также зарубежными кооператорами. Так, экспортное маслоделие в крупном масштабе возникло в конце XIX века в Западной Сибири на базе обильных кормовых угодий и в связи с созданием великого сибирского железнодорожного пути. Созданные там кооперативные заводы давали продукцию, по качеству лучшую, чем частновладельческие, и получили поддержку датских и английских экспортных фирм. Вскоре они вообще вытеснили частного предпринимателя. Потом Сибирский союз маслобойческих артелей сам вышел на лондон-

ский рынок и освободился от всякого влияния других экспортных фирм.

Что касается кооперации льноводства, то это была область многолетних трудов Чаянова. С 1911 года, еще будучи (по теперешней терминологии) аспирантом, он начинает заниматься этим вопросом, а уже в 1915 году при создании Центрального товарищества льноводов (ЦТЛ) он избирается председателем правления. ЦТЛ быстро завоевало русский, а потом и мировой рынок для типично русской культуры, единственным конкурентом которой мог быть хлопок. ЦТЛ объединяло 500 тысяч крестьянских хозяйств. В 1916 году был заключен договор, согласно которому Льноцентр должен был поставить только в Швецию льна на сумму 3 089 644 рубля. Большие поставки производились и Франко-Британскому льняному комитету. Успех Льноцентра объяснялся тем, что кооперативный лен по качеству превосходил лен частных фирм.

Кооперацию Чаянов считал очень широко применимой при организации просвещения, в культурной работе, издательском деле, организации музеев и т. д. И эти идеи тоже были им практически опробованы. Он участвует в работе Первого Всероссийского съезда по вопросам культурно-просветительской деятельности кооперации, сотрудничает в сборнике «Кооперация и искусство».

Чаянов считает кооперацию некапиталистическим путем развития сельского хозяйства, и даже полагает, что она может способствовать вытеснению капиталистических элементов хозяйства. Например, он говорит, что крестьянин, живущий в нескольких верстах от города, вынужден обращаться к деревенскому ростовщическому кредиту, дающему деньги под 50 и более процентов в год. В то время как кооперативное кредитное товарищество дает возможность крестьянину получить кредит в местном банке под 6 — 8%.

Свою теорию Чаянов рассматривает как развитие многовековой русской традиции. Опору на семейно-трудовое хозяйство он видит еще в «Домострое» Сильвестра (XVI век) — руководстве по деятельности большой семьи, двора.

Согласно Чаянову, семейно-трудовое сельское хозяйство — это совершенно особый тип экономики, к которому не применимы основные понятия классической политической экономии. Так как крестьянин — одновременно и владелец земли, и работник, то теряют смысл понятия заработной платы и земельной ренты. В его основе лежат «иные мотивы хозяйственной деятельности и даже иное понимание выгодности». В частности, кооператив не может иметь собственных интересов, лежащих вне интересов создавших его членов, он лишь обслуживает своих клиентов и подчиняется только им. «Кооператив будет весьма полезен, если даже вовсе не будет приносить никакой прибыли как предприятие, но зато увеличит доходы своих членов». Любопытно сравнить это положение с точкой зрения Зомбарта, согласно которой при современной форме «высокоразвитого капитализма» главными участниками становятся объединения, не имеющие никаких человеческих целей: банки, тресты и т. д. Мерой их успеха (то есть целью их деятельности) является их доход. Это как бы новые нечеловеческие «личности», которым подчиняется экономика.

Концепцию Чаянова помогает понять очень «нестандартное» ее освещение в написанной им фантастической повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (22). Действие начинается в 1921 году, и герой, при буржуазном строе называвшийся Алексей Васильевич Кремнев, а теперь — обладатель трудовой книжки № 37413, идет по Москве, вспоминая фразы, только что слышанные на митинге: «Разрушая семейный очаг, мы тем самым наносим по-

следний удар буржуазному строю!», «Семейный уют порождает собственнические желания, радость хозяйчика скрывает в себе семена капитализма» и т. д. Потом он загадочным путем переносится в будущее — как ни странно, в 1984 год, так что книга вполне могла бы называться «Москва — 1984». Но, в отличие от оруэлловской антиутопии, она изображает картину радостной, яркой жизни, построенной по принципам чаяновской концепции. Упоминается, что в прошлом был принят «декрет об уничтожении городов» и теперь существуют города с населением не больше 100 000 человек. Большая часть населения — крестьяне. «В сущности, нам были не нужны какие-либо новые начала, наша задача состояла в утверждении старых вековечных начал, искони веков и бывших основою крестьянского хозяйства». «В основе нашего хозяйственного строя, так же как и в основе античной Руси, лежит индивидуальное крестьянское хозяйство. Мы считаем его совершеннейшим типом хозяйственной деятельности. В нем человек противопоставлен природе, в нем труд приходит в творческое соприкосновение со всеми силами космоса и создает новые формы бытия. Каждый работник — творец, каждое проявление его индивидуальности — искусство труда».

Вспоминая время, когда «крестьянское хозяйство почитали за нечто низшее, за ту праматерию, из которой должны были выкристаллизоваться высшие формы крупного коллективного хозяйства, отсюда старая идея о «фабриках хлеба и мяса», рассказчик добавляет: «Социализм был зачат как антитеза капитализма: рожденный в застенках германской капиталистической фабрики, выношенный психологией подневольной работы городского пролетариата, поколениями, отвыкшими от всякой индивидуальной творческой работы и мысли, он мог мыслить идеальный строй только как отрицание строя, окружавшего его». Это глубокое замечание.

Маркс и Энгельс охотно даже преувеличивали тяжелое положение современного им рабочего: он не имеет собственности, он не имеет отечества, у него фактически нет семьи, его дети вынуждены работать. Но удивительным образом они именно в этом видели зародыш будущего социалистического общества: там тоже не будет ни собственности, ни семьи («буржуазной»), ни отечества и дети будут работать начиная с восьмилетнего возраста. То есть будущее общество оказывалось зеркальным отражением «проклятого прошлого».

По-видимому, в XX веке Россия оказалась в эпицентре столкновения двух всемирно-исторических стратегий развития. Одна стратегия связана с наступлением города на деревню. Это индустриализация за счет экспроприации деревни, превращение крестьян в пролетариат, рост городского населения за счет притока бегущих из деревни крестьян, постепенное обезлюдение деревни и концентрация горожан в многомиллионных городах-мегаполисах. Другая стратегия — это то, что Кондратьев называл «двусторонний, аграрно-индустриальный тип народного хозяйства». Он предполагает устойчивое равновесие между городом и деревней как двумя необходимыми частями народного хозяйства и культуры. Так складывалась, например, жизнь античной Греции. Подавляющая часть граждан Афинской республики были крестьянами, и только по особым случаям они собирались в городе. Для этих крестьян строился Парфенон и создавались статуи Праксителя. Это они смотрели драмы Эсхила, Софокла и Еврипида, которые редкий современный интеллигент способен прочесть. Да так было и во всем мире, и только в Новое время в Западной Европе город начал наступление на деревню, пожирая ее, наподобие раковой опухоли.

В России за последний век, или даже больше, мы видим драматическую борьбу за сохранение деревни: то через общину, то через кооперацию. Ведь какие бы ни

были различия взглядов Чаянова и Кондратьева, Столыпина и его предшественников, например Витте (историк В.П. Данилов обращает внимание на министра Александра III Бунге), или деятелей эпохи крестьянской реформы, всех их объединяло одно: желание предотвратить пролетаризацию деревни, сохранить тот драгоценный элемент индивидуального творчества, содержащийся в крестьянском хозяйстве, о котором говорит Чаянов. В борьбе этих двух путей развития путь, ориентирующийся на сохранение деревни, имел два героических достижения: отражение атаки на деревню в крестьянской войне 1918 — 1921 годов и создание Чаяновым и «организационно-производственной школой» плана развития экономики России. Это была программа, альтернативная коллективизации и раскрестьяниванию. Но в ней реально не находилось места партии. В случае ее принятия роль партии в жизни страны постепенно ослабевала бы. Можно, следовательно, сказать, что для России существовала альтернатива коллективизации, но для партии ее не было.

В результате победила установка на раскрестьянивание и ускоренную индустриализацию. То есть в принципе Россия приняла западный «проект», отказавшись от реализации собственного «проекта». Странным образом те, кто называл себя революционерами, приняли план развития, в интеллектуальном смысле отнюдь не революционный, основанный на чужих принципах. А те, кто себя ни в коем случае революционерами не считал, предлагали действительно революционный план, основанный на совершенно оригинальных идеях.

Лишение крестьян собственности на землю, бегство их в города и пролетаризация, нищета и законы о бедных, лишающие их права выбора места жительства и работы, жесточайшие кары за преступления против собственности, а с другой стороны, быстрый рост про-

мышленности, рост городов, государственной мощи и влияния во всем мире — все эти черты истории Англии XVIII — XIX веков как будто копируются в советской жизни после «великого перелома». Марксизм был радикальным вариантом западного, чисто индустриального пути развития, предполагающего уничтожение деревни. Для осуществления технологической утопии, построения общества-машины были опробованы два пути: социалистический и либерально-демократический. В их конкуренции определялось, какой из них эффективнее.

Но Россия вступила на западный путь с опозданием на несколько веков. В результате возникло то, что называют «догоняющей экономикой». Да тогда и повторялся все время лозунг «Догнать!», рассчитывали, на сколько лет «отстали» и за сколько лет надо «догнать». Выпускались даже станки со штампом «ДИП» («Догнать и перегнать»). Однако в интеллектуальной, культурной области «догнать» вообще невозможно — в этом философский смысл парадокса об Ахиллесе и черепахе. Тот, кто впереди, всегда идейно сильнее, победить в соревновании можно, только исходя из своих собственных идей. Наиболее глубокий, трагический для нашей страны смысл «великого перелома» видится мне именно в том, что он столкнул Россию на движение «по чужим рельсам».

Однако русские — «идеологический» народ. Мы должны осознавать некоторый «смысл жизни» и согласно ему строить жизнь. Просто «догнать» кого-то таким «смыслом» быть не может. Тем самым главная составляющая жизни — ее мотивация — ушла. Как всякий исторический процесс, это выкристаллизовывалось в течение нескольких десятилетий — да тут еще вклинился такой посторонний процесс, как война. Но именно такова, как мне представляется, основа теперешнего распада нашей жизни. Подражание Европе,

насильственно внедренное при Петре, то, что Данилевский называл «европейничаньем», хотя и было очень болезненным для страны, задело только верхушку общества. «Перелом» 1930-х годов поразил его корни. Отказ от своего пути, потеря духовной независимости через полвека привели к потере независимости экономической и политической.

Новое наступление на деревню решило не только ее судьбу, но и личную судьбу аграрников немарксистского направления. Атака на них велась непрерывно — Крицманом, Мендельсоном и другими. Но с 1927 года в нее включились лица гораздо более высокого уровня. В 1927 году появилась статья Зиновьева «Манифест кулацкой партии». Эта «партия» характеризуется так: «Н.Д. Кондратьев — «теоретический» глава целой школы. «Столпами» этой школы являются: Чаянов, Челинцев, Макаров, Студенский, Литошенко и др.».

В то же время появились статьи Е. Ярославского, Ежова, Милютина, Деборина. Ситуация стала совершенно ясной, когда на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в 1929 году Сталин сказал: «Непонятно только, почему антинаучные теории «советских» экономистов типа Чаяновых должны иметь хождение в нашей печати?..» На процессе Промпартии и на пленуме ЦК в декабре 1930 года упоминаются Кондратьев, Макаров, Чаянов, Литошенко и ряд «буржуазных профессоров», вредителей. Они были арестованы ОГПУ в 1930 году и обвинялись в принадлежности к «Трудовой крестьянской партии», в попытке свержения советской власти и восстановления буржуазно-помещичьего строя.

Сталин писал Молотову (2 августа 1930 года): «Вячеслав! Ты, должно быть, уже получил новые показания Громана, Кондратьева, Макарова. Ягода привез их показать мне <...>. Это документы первостепенной важности. Жму руку». 6 августа (о «деле» Кондратьева):

«Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев надо обязательно расстрелять». 2 сентября: «Между прочим: не думают ли господа обвиняемые признать свои ошибки и порядочно оплевать себя политически, признав одновременно прочность советской власти и правильность метода коллективизации? Было бы недурно». Но вдруг 22 сентября — новый мотив: «Подождите с делом передачи в суд Кондратьевского «дела». Это не совсем безопасно <...>. У меня есть некоторые соображения против» (23).

Причина такого изменения планов непонятна. Но открытого суда не было. Приговором коллегии ОГПУ 12 подследственных были приговорены к тюремному заключению на разные сроки. Кондратьев и Чаянов отбывают срок в Суздале, в монастыре, превращенном в тюрьму. Кондратьев болен, под конец с трудом передвигается. В 1938 году его судят опять, приговаривают к расстрелу и в тот же день расстреливают. Чаянов тоже тяжело болеет в тюрьме. В 1934 году тюремное заключение заменено ему ссылкой в Алма-Ату. В 1937 году его там арестовывают, судят и приговаривают к расстрелу. Приговор приводится в исполнение немедленно. К моменту казни Кондратьеву было 46 лет, Чаянову — 49.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОД

Об этом эпизоде нашей истории так много писали и говорили, что обойти его молчанием нельзя. Тем более что он имеет непосредственное отношение к обсуждаемому нами вопросу: сейчас широко распространено мнение, что это был переломный момент послереволюционной истории России, что именно тогда Сталин уничтожил «ленинскую гвардию», «интернационалистов» и тем самым обеспечил переход к «госу-

дарственнической», «державной» политике, постепенно восстанавливая русскую национальную традицию.

Тут объединено несколько утверждений, среди которых есть и бесспорно справедливые. Несомненно, что в 1937 году (понимая под этим условным названием несколько ближайших к нему лет) были или уничтожены, или полностью вытеснены из жизни почти все «старые большевики», «ленинская гвардия». Однако главный вопрос заключается в том, насколько значительным для тогдашней жизни и для будущего было это событие, есть ли основания видеть в нем основной смысл того, что в эти годы происходило?

Для ответа на этот вопрос прежде всего желательно оценить численные размеры «ленинской гвардии» и ту роль, которую она к тому времени играла. Для этого можно обратиться к самому Ленину: «Если не закрывать себе глаза на действительность, то надо признать, что в настоящее время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией». Это было сказано в 1922 году. А еще раньше, на VIII партсъезде, он говорил: «Слой рабочих (? — *И. Ш.*), которые управляли фактически Россией в этот год и проводили всю политику, которые составили нашу силу, — этот слой в России неимоверно тонок. Мы в этом убедились, мы это чувствовали на себе. Если когда-нибудь будущий историк соберет данные о том, какие группы управляли эти 18 месяцев, какие сотни, тысячи лиц несли на себе неизмеримую тяжесть управления страной, — никто не поверит тому, что можно было этого достигнуть при таком ничтожном количестве сил».

Но об этом говорили и другие. Например, Зиновьев на XIV съезде утверждал, что в партии осталось «со стажем до 1905 года — 2000, из них половина инвалиды. До 1917 года — 8,5 тысячи». На том же съезде Молотов

в организационном отчете докладывает, что «в низовых органах процент старых коммунистов убывает. По Московской области за время между съездами (то есть за год. — *И. Ш.*) увеличение в бюро ячеек процента коммунистов со стажем после января 1922 года — с 4 до 23%, для всех ячеек — с 29 до 61%».

Очевидно, на самом верху еще оставалось несколько тысяч человек из этого «тончайшего слоя». Но они многие годы усердно истребляли друг друга по собственной инициативе: сторонники Зиновьева и Каменева — сторонников Троцкого, сторонники Бухарина и Рыкова — сторонников Зиновьева и Каменева. Этот процесс происходил не без участия Сталина, но отнюдь не по его инициативе. Он типичен для всех революций. Так, во французской революции переворот 1789 — 1790 годов (включая крестьянские восстания) сменился якобинским террором 1793 года, при котором погибло большинство деятелей первого периода, а в 1794 году после термидорианского переворота погибла большая часть якобинцев. Аналогичную роль играла «культурная революция» в Китае. Но в СССР уже в начале 1930-х годов слой старых революционеров был политически уничтожен. О его весе (или, вернее, отсутствии веса) говорил столь компетентный человек, как Сталин (в отчетном докладе на XVII съезде): «Если на XV съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на XVI съезде добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде — и доказывать нечего, да, пожалуй, и бить некого».

XVII съезд проходил в 1934 году, он назывался «съезд победителей» и состоял исключительно из сторонников Сталина (о чем также говорит и приведенная цитата). И вот из 1956 делегатов этого съезда 1108 были арестованы, из 139 членов и кандидатов ЦК, избранных на нем, арестовано было 98 человек. То, что «тер-

рор 37-го года» имел целью уничтожение «ленинской гвардии», — стандартная концепция западных советологов. Для доказательства обычно приводят ряд цифр — вроде того, что среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий в 1930 году 69% были с дореволюционным стажем, а в 1939-м — 80% вступили в партию после 1917 года. Но ведь при этом речь идет о немногих тысячах. Зачем же, чтобы их убрать, расстреливать многие сотни тысяч (согласно рассекреченным теперь сводкам НКВД—МВД)? На 1 апреля 1924 года партия имела 446 тысяч членов, к 1934 году — 3 миллиона 555 тысяч, то есть это как раз была партия людей, вступивших в нее после революции и Гражданской войны. И в этой партии к 1938 году осталось 1 миллион 400 тысяч человек. Если даже говорить только о членах партии, то репрессии были скорее направлены против «сталинской гвардии», чем против «ленинской гвардии».

Но в том-то и дело, что репрессии отнюдь не были ограничены членами партии. Прежде всего, как обычно, забывают деревню. Тогда был принят следующий документ:

Строго секретно
Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)
Центральный Комитет. № П 51/94.
3 июля 1937 года. Тов. Ежову,
секретарям обкомов, крайкомов,
ЦК нацкомпартий. Выписка из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК. Решение от 2. VII.37 г.

<...> *94). Об антисоветских элементах. Послать секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий следующую телеграмму: «Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, потом по исте-*

чении срока вернувшихся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых областях промышленности. ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет возвратившихся кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке. Секретарь ЦК

И. СТАЛИН (7, 24).

В приказе наркомвнудела Ежова была установлена разнарядка по первой категории (расстрел) — 72 тысячи, по второй (заключение на 8—10 лет в лагере) — 186 500, а всего 259 450 человек. Разобранные архивные материалы показывают, что эти задания были перевыполнены по крайней мере в 3 раза, а по расстрелам — в 5 раз (7, 24).

Ту же картину — арест и расстрелы — можно видеть во многих социальных группах, не имеющих ничего общего не только с «ленинской гвардией», но и с партией вообще. Например, жестокие гонения обрушились на Церковь. Число жертв до сих пор не сосчитано. Иеромонах Дамаскин сообщает, что в 1937 году было арестовано, согласно архиву ФСБ, и расстреляно более 210 священников в Тверской (Калининской) области. Принимая Тверскую область как типичную славянскую область СССР, мы получим для всей страны цифру по-

рядка 20 000 расстрелянных православных священников. Во всяком случае, ясно, что речь идет о десятках тысяч погибших (25). Из 25 000 церквей, действовавших в 1935 году, к 1939 году осталось 1277 (не считая оказавшихся на территории СССР после присоединения Западной Украины и Белоруссии). В 1937 году было арестовано около 50 епископов Русской православной церкви. Через год их оставалось 5, так что арестованы были почти все.

В этот же период были арестованы 34 члена Академии наук СССР, из них более половины расстреляны или умерли в тюрьме. Только трое — Бухарин, Осинский и Рязанов — были политическими фигурами (26).

Рассмотрим еще один, совсем другой слой — элиту советского авиастроения. Как и в области кооперации, взлет научных и технических разработок в области аэродинамики начался в России до революции, но продолжался и после нее. Центральной фигурой здесь был Жуковский, основоположник современной аэродинамики. Благодаря его влиянию самолетостроение в России и позже в СССР находилось на очень высоком научном уровне. После Первой мировой войны стала очевидной громадная военная роль самолетостроения. В своих воспоминаниях маршал Жуков пишет: «Можно сказать, что авиация была даже в какой-то степени увлечением И.В. Сталина». И вот загадочным образом в период репрессий 1937 года разрушается верхний слой специалистов, обеспечивавших рост авиации.

Например, тогда наша страна вырвалась вперед в ракетной технике. В организованной в 1930 году Газодинамической лаборатории были разработаны так называемые «эрэсы» — реактивные снаряды, во время войны получившие название «катюши». Из трех человек, руководивших их разработкой, один — Петропавловский — скоропостижно умер, не дожив до 37-го года, а два других — Лангемак и Клейменов — были

арестованы в 37-м и тут же расстреляны. В той же лаборатории работал и А.П. Королев — он тоже был арестован. О его судьбе рассказывает В.П. Глушко — один из создателей нашей космической техники. Он тоже был арестован, но не был расстрелян и попал не в лагерь, а в «шарашку»: официально — в КБ двойного подчинения (НКВД и НКАП).

Глушко пишет: «События в 1938 году развивались так, что я с 1939 года получил возможность в КБ двойного подчинения (НКВД и НКАП) продолжить разработки по своей ракетной тематике — по ракетным двигателям на жидком топливе в применении к авиации <...>. В Омске находилось тогда КБ Туполева — тоже двойного подчинения. А Туполев обращался в свое время с просьбой о том, что когда будут переводить заключенных авиационных специалистов, то [чтобы] их ему направляли. Вот Королев и попал в КБ Туполева и несколько месяцев провел в Омске, но после моего вторичного обращения его тут же прислали ко мне» (27). Из этого же рассказа видно, что Королев пробыл полтора года на Колыме. Туполев (как видно и из этого рассказа) тоже был арестован. Он просидел полтора года в одной камере с уголовниками, четыре раза ему сообщали, что он приговорен к расстрелу, и водили якобы на расстрел. Бывшее КБ Туполева было разбито на несколько частей. Среди них были три «шарашки»: самого Туполева, Мясищева и Петлякова. Другой ведущий авиаконструктор — Калинин (создатель «летающего крыла») сошел с ума в тюрьме и был расстрелян. Бартини просидел 10 лет. Таубин, создатель первой авиационной пушки, был расстрелян в 1939 году. Был арестован, но выжил, стал лауреатом Сталинской премии и академиком один из создателей ЦАГИ Б.С. Стечкин. Арестован был заместитель начальника ЦАГИ Некрасов, был арестован и вскоре погиб изобретатель реактивно-динамических пушек Курчевский.

Уцелевшие конструкторы работали в «шарашках», но они были отрезаны от планирования стратегии самолетостроения, да и творческие их возможности были сильно снижены.

Весь этот разгром санкционировался на самом высшем уровне. Так, на XVIII партсъезде М.М. Каганович (брат Л.М. Кагановича, позже расстрелянный) говорил: «Товарищ Сталин лично занимается вопросами оборонной промышленности. От него мы получаем конкретные указания в деле очищения нашей авиации от всяческих вредителей, мерзавцев... То, что делает товарищ Сталин, есть гарантия побед нашей авиационной промышленности».

Да я могу, наконец, привлечь и собственные воспоминания. В 1937 году мне было 14 лет, и эту эпоху я отчетливо помню. Например, мы жили тогда в большой коммунальной квартире, где помещалось семь семейств. И в одном из них был арест. На входной двери было семь звонков с фамилиями жильцов, и арестовывавшие обычно звонили не тем, кого шли арестовывать, — чтобы застать врасплох. В тот раз позвонили нам, мне четко врезалась в память атмосфера обреченности, созданная звонком... Была у нас дальняя родственница, троюродная сестра матери. Молодая женщина, замужем за молодым, но занимавшим сравнительно высокий пост (кажется, директора завода) человеком. Тогда таких называли «выдвиженцами». Они были еще молоды в 1937 году, значит, никакими «старыми революционерами» быть не могли. Он был арестован и осужден на «10 лет без права переписки», что означало — расстрел. Вскоре была арестована и она и пробыла в лагере 10 лет. Летом 1938 года я оказался с родителями в одном маленьком городке. Там нам рассказали, что в школах прекратились занятия немецким языком: арестовали всех учительниц немецкого языка. Пришло указание разоблачать немецких шпионов, а никого бо-

лее похожего не оказалось... В классе, в котором я учился, у двоих моих товарищей были арестованы отцы. Потом я перешел в другой класс — и там в таком же положении был один из моих товарищей. Помню, как в то время нас собрала наша пионервожатая, очень славная девушка, ненамного нас и старше, почти наш товарищ. Она сказала нам, что существует предрассудок, будто нехорошо сообщать об антисоветских высказываниях своих родителей, — наоборот, так поступать правильно, это наш долг.

Позже давались неправдоподобно преувеличенные оценки репрессий того времени — по причинам, о которых речь пойдет позже. Например, Конквест в известной книге «Большой террор» утверждает, что число расстрелянных было 10 — 12 миллионов — больше, чем убитых на всех фронтах Великой Отечественной войны. Говорилось, что пострадала каждая семья и т. д. По моим воспоминаниям, масштаб арестов был таков, что каждый близко соприкасался с несколькими случаями ареста.

Как и во многих других случаях, мне кажется, что абсолютные цифры мало что проясняют. Что считать «много» — 10 миллионов, 1 миллион, полмиллиона? Важно то, какое влияние то или иное событие оказало на жизнь. Вот пример. Громадные человеческие жертвы в Первой мировой войне произвели колоссальное впечатление на сознание западного мира. Оно было травмировано тем, что жизни миллионов людей, в большинстве своем — молодых, были принесены в жертву чьим-то интересам. Возникла целая литература «потерянного поколения». Но после окончания войны по Европе прошла эпидемия гриппа «испанки», которая унесла больше жизней, чем война. И это не оставило никакого следа в общественном сознании. Также и по поводу «37-го года» было бы желательно понять, каково было воздействие той эпохи на жизнь.

Каков был смысл этой акции? Ее нельзя свести к ликвидации «ленинской гвардии», с таким же основанием ее целью можно объявить истребление крестьян, уничтожение священников или уничтожение лучших авиаконструкторов и т. д. Я не берусь утверждать, что у нее вообще была кем-то (например, Сталиным) заранее задуманная цель. Но результат, несомненно, был. Это был террор в буквальном переводе этого слова: страх. Страх стал постоянным фактором управления жизнью. Существенно было, что определенный процент жителей подвергался репрессиям, так сказать, наугад — безо всяких реальных оснований. Но поведение человека могло увеличивать или уменьшать вероятность его попадания в этот процент.

Если отказаться от моральных оценок, а попытаться оценить использование фактора страха (террор) лишь с точки зрения эффективности управления обществом, то можно указать и «отрицательные», и «положительные» стороны такой системы. Недаром страх (наказание) всегда связывается с законом и с воинской дисциплиной. «Положительной» стороной является упрощение управления обществом. Чтобы добиться какой-то цели, часто нет необходимости учитывать сложный баланс интересов различных его слоев, достаточно отдавать определенные приказы. Это, пользуясь терминологией Кондратьева, полная победа телеологического принципа планирования над генетическим. «Отрицательной» стороной является то, что очень трудно провести черту, отделяющую правящий слой от основного народа, чтобы освободить правящий слой от давления страха. В истории это удавалось крайне редко — например, в Спарте, но там разделению спартанцев и илотов способствовало этническое различие. Как правило, господствующий слой оказывается даже под большим давлением, так как неподчинение его членов грозит всему режиму большей опасностью. Но правя-

щий слой может дать согласие на «дань кровью» в критической ситуации, когда и ему и всему режиму грозит гибель. Когда же режим укрепляется, такая ситуация становится для него тягостной. Возникает кризис, когда сам правящий слой приходит в состояние конфликта с режимом, его создавшим. Различные фазы такого кризиса мы видели в нашей стране после смерти Сталина в 1953 году.

Я очень ясно помню этот фактор страха, присутствовавший в жизни. Некоторые игнорировали его сигналы — из чувства гордости, собственного достоинства или по легкомыслию. Как правило, они были очень недолговечны. Но большинство учитывало его в своем поведении. Даже в моем окружении — подростков, позже студентов — оценивалось, с кем о каких-то вопросах можно говорить, а с кем — не следует. Но был и ёще один слой людей, реагировавших тем, что изменяли свое сознание, как бы ампутировали те мысли, высказывание (или иное проявление) которых могло быть опасным. Например, в своих воспоминаниях К. Симонов пишет, что плакал, узнав о смерти Сталина. Думаю, что в какой-то части сознания он был искренен: не изменив его соответствующим образом, он просто не смог бы выжить в той среде, к которой принадлежал.

Позже, в период «перестройки», чтобы оправдать ту «шоковую хирургию», которой подвергался народ, часто утверждали, что сознание всего народа претерпело именно такое изменение: стало «рабским» (правда, другие уверяли, что таким оно было всегда). Уж не говоря о том, что обвинение исходило, как правило, от тех, кто раньше сам именно такую психику выработал (из того же слоя, что, например, К. Симонов), поэтому оно чисто фактически неверно. Тогда нужно было несравненно большее мужество для того, чтобы не перестать дружить с семьей арестованного, чем сейчас для поступка, считающегося самым смелым. А ведь так

вело себя подавляющее большинство. И позже я не раз сталкивался с тем, что жители Запада вели себя как самые запуганные люди сталинских времен, причем под угрозой неприятностей, несопоставимых с тогдашними трагедиями. Жизнь в стране продолжалась на основе гораздо более древних традиций. В ней оставалось место и любви, и самопожертвованию, и энтузиазму творчества, и патриотизму. Но ощущение постоянно находящейся рядом опасности стало одним из ее элементов.

Странную трансформацию претерпела оценка событий 37-го года! Впервые открыто о них стало возможно говорить у нас после речи Хрущева на XX съезде. Он именно и формулировал «преступления культа личности Сталина» как «репрессии против ответственных партийных и советских работников». Тогда было даже постановление воздвигнуть памятник именно этим «жертвам» (в эмиграции Троцкий, конечно, гораздо раньше писал, что Сталин уничтожает «ленинскую гвардию»). После этого появился и самиздат на эту тему, и с такой же ориентацией: например, воспоминания Е. Гинзбург. Тогда многих шокировала эта точка зрения: считать достойными внимания только испытания, выпавшие на долю узкого и весьма сомнительного круга. Как будто все другие просто не существовали! Их логика была: «Все шло так хорошо, мы действовали так успешно, готовы были и дальше послушно действовать — за что же?»

В ряде произведений постепенно вырабатывалась более взвешенная и справедливая точка зрения на нашу историю: что жертвы среди «руководящих работников партии и правительства» — это было далеко не самое страшное. Было рассказано о несравненно больших жертвах в эпоху Гражданской войны и коллективизации. Хотя бы в романе М.Н. Алексеева «Драчуны», где описан голод 30-х годов, и в статье М.П. Лобанова

«Освобождение», донесшей эту тему до широкого круга читателей, в «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицына, в романах В.И. Белова «Кануны» и «Год великого перелома», в статьях В.А. Солоухина и В.В. Кожинова в «Нашем современнике» и т. д.

Но в последнее время стрелка как будто повернулась на 360 градусов и вернулась в прежнее положение. Опять стал популярен тот взгляд, что 37-й год в основном сводился к уничтожению «старых революционеров» — лишь с противоположной оценкой: «Так им и надо!» Это как бы было наказание им за то, что они творили во время революции. Или суровое напоминание нынешним врагам России. Я видел даже в одной газете статью «Да здравствует 1937 год!» (хотя заглавие, может быть, иронично?). Но в хрущевские времена и позже, когда главной трагедией сталинской эпохи провозглашали «избиение руководящих партийных кадров», как раз эти самые «кадры» или их потомки (физические или духовные), в то время это было хоть както понятно (хотя безжалостно, эгоистично). А сейчас авторы прямо противоположных — почвеннических, русских — взглядов предлагают считать расстрел Ягоды или Зиновьева событием, своим значением заслоняющим расстрел десятков тысяч «кулаков и уголовников» (то есть крестьян), вернувшихся из сибирской ссылки, расстрел десятков тысяч священников, расстрел Кондратьева, Чаянова, Флоренского, Клюева. Вот это представляется мне парадоксальным.

ВОЙНА

Война вломилась в общество строящегося коммунизма как нечто нежданное и чуждое. Это кажется странным: по всей стране пели песни о том, что будет, «если завтра война», эта тема играла основную мобилизующую роль в государственных средствах информа-

ции, расстрел Кондратьева, Чаянова, Флоренского обосновывался тем, что они готовили «интервенцию». Но дело в том, что ожидалась совсем не та война — это должна была быть «война классов», о которой писали Тухачевский и Бухарин, где нашим союзником будет пролетариат всех стран, а наши армии понесут знамена мировой революции. Вместо этого оказалась война не классов, а народов — Отечественная война.

То, что страна столкнется именно с такой перспективой, постепенно стало проникать в сознание партийных верхов после прихода Гитлера к власти в Германии — уж слишком громогласно он об этом заявлял. Поэтому предпринимались некоторые меры, чтобы учесть коренное изменение ситуации. Я помню, какое странное впечатление диссонанса производил тогда фильм «Александр Невский», героем которого был князь, а войско выступало с хоругвями. Но известно, что идеология — наиболее консервативная сторона человеческой жизни. Например, есть теория, что первым прирученным ездовым животным был, видимо, северный олень. Позже приручили лошадь, но, чтобы не порывать с традицией, некоторое время ей на голову привязывали рога оленя (такие скелеты найдены в захоронениях). Такое впечатление лошадиной головы с оленьими рогами производили и идеологические изменения, происходившие в предвоенные годы (подробнее об этом будет сказано позже).

Вот в этом состоянии «устаревшего» сознания, не соответствующего новой реальности, и застала война руководство СССР. В этом, по-видимому, и заключается одна из основных причин трагической ситуации, сложившейся в первые полтора года войны. Это видно хотя бы по воспоминаниям маршала Жукова. (Литература о войне огромна. Дальше я буду в основном ссылаться на воспоминания маршала Жукова — общепризнанного крупнейшего полководца этой войны.) К

войне готовились, но как-то не в полную силу. Не предпринимался ряд мер, необходимых в условиях очевидной подготовки Германии к скорому нападению. Концентрация 3,5 миллиона человек в приграничных районах никак не может быть секретом. Да и я сам помню, как радиостанции всего мира наперебой сообщали о немецких эшелонах, идущих к Польше.

Но руководство — в первую очередь Сталин и Молотов — какой-то частью сознания все же жило надеждой на то, что войны с Германией удастся избежать (или хоть оттянуть ее). Это подтверждают многие, часто цитировавшиеся свидетельства (например, воспоминания маршала Жукова), да это и понятно. Центром капиталистического мира для них были «англо-французские империалисты». От них, согласно марксистскому взгляду, и следовало в первую очередь ожидать главной опасности для социалистического государства. Надо сказать, что были и факты, подтверждавшие такой взгляд. Например, Мюнхенское соглашение. Во время советско-финской войны обсуждался вопрос об отправке англо-французского экспедиционного корпуса в Финляндию и о бомбардировках бакинских нефтепромыслов — вопрос отпал сам собой в результате поражения Финляндии и заключения мирного договора.

С другой стороны, имеется ряд свидетельств о разработке планов вторжения советских войск в Иран и Афганистан. В феврале 1941 года в несколько раз были увеличены штаты редакций газет Среднеазиатского военного округа, выходивших на языках фарси, урду, афганском, английском, и созданы редакции газет на языке пенджаби. Были массово изданы плакаты, изображавшие дехканина, благодарно обнимающего солдата Красной армии, — в точности аналогичные плакатам, изданным в 1939 году при вступлении советских войск в Западную Украину и Белоруссию, на маневрах Среднеазиатского военного округа отрабатывалось ос-

вобождение народов близлежащих стран (40) (документы имеются в Центральном архиве Министерства обороны в Подольске). В одной работе (28) сообщается интересный факт: до начала войны советской промышленностью массово выпускался истребитель «МиГ-3» — перехватчик, предназначенный для действий на высоте 7 — 9 тысяч метров, в то время как высота полета основной массы немецких бомбардировщиков была ниже 5700 метров (и это было хорошо известно). Естественной целью для такого самолета были «летающие крепости» и «либерайторы», поставляемые Соединенными Штатами Англии. Создается впечатление, что руководство страны не могло решить: к какой войне готовиться?

Трагически звучит рассказ Жукова о том, что, когда они с наркомом обороны Тимошенко утром 22 июня вошли в кабинет Сталина и доложили о начале военных действий, тот спросил: «Не провокация ли это немецких генералов?» «Немцы бомбят наши города на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. Какая же это провокация?» — удивился Тимошенко. «Гитлер, наверное, не знает об этом», — настаивал Сталин. Трагична здесь полная неадекватность реакции, обернувшаяся миллионными жертвами. Сталин отказался даже разрешить войскам вести ответный огонь, пока Молотов не подтвердил, что германский посол сообщил об объявлении войны.

По тогдашним временам поразительно было молчание Сталина в течение 10 дней после начала войны. Надо представить себе жизнь тех лет, когда каждое важное действие или исходило от Сталина, или скреплялось его решением (по крайней мере, так внушалось, и многие этому верили). Все время говорилось о готовности к войне, о ней пели песни — и вот она началась. В сводках назывались все новые города, все дальше в глубь страны. Появилось «минское направление» — все

понимали это так, что немцами уже взят Минск. А Сталин все молчит — это было загадочным.

И речь Сталина 3 июля производит нецельное, иногда совсем странное впечатление. Например, он пугал слушателей тем, что «враг <...> ставит своей целью восстановление царизма», — а для большинства народа такая угроза была весьма абстрактной (молодые знали только по слухам, а для старших «до войны» означало время, о котором вспоминали со вздохом, как сейчас — «до перестройки»). В речи Сталин называет «великого Ленина», предлагает «сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина», хотя каждый, кто учился в школе, знал, что в предшествующую войну с немцами Ленин (и вся партия) был за поражение «своего» отечества.

Хрущев, с его явно прорывающейся ненавистью к Сталину, рисует его в первые дни войны перепуганным, растерявшимся. Жуков говорит, что Сталин был растерян лишь в первый день войны, а вообще был «не трусливого десятка». Мне кажется, что личное поведение одного человека, хотя бы и обладающего абсолютной властью, не столь существенно для такого события, как начавшаяся война. Гораздо важнее то, что весь правящий слой оказался в ситуации, которая не вмещалась в их идеологию (а идеология-то и была фундаментом всей их деятельности). Им всем — и Сталину в первую очередь — приходилось приспосабливаться к новой ситуации, причем приспосабливаться очень быстро, когда существование страны, а тем самым и их власть не раз висели на волоске.

В войне так причудливо все сплелось, что победа стала условием выживания и России, и русского народа, и коммунистической партии и, в каком-то смысле, самого Сталина. *В этой точке* их фундаментальные интересы совпали.

В войне более приемлемыми, более обоснованными оказались многие черты того стиля жизни, который

был создан в 1930-е годы, да и личности самого Сталина. Это и всегда были методы «военного типа»: мобилизации, штурма и т. д. Теперь они (хотя бы отчасти) оказались оправданными логикой войны, когда вопрос шел о существовании страны. Нашли применение типичные черты сложившегося режима и стиля сталинского руководства: военно-диктаторского. Ведь в любой стране во время войны увеличивается вес подобных мер — хотя и не до такой степени, как это было у нас.

На время войны Сталин даже переступил через себя: он терпел рядом с собой ярких, талантливых людей, молчаливо признавая их превосходство в их сфере деятельности. Например, Жукова, да и целую группу полководцев, доказавших свое военное мастерство. Это видно, например, по мемуарам маршала Жукова. Так, до войны Сталин не информировал его (начальника Генерального штаба!) о поступающих разведывательных данных. На просьбу о получении этой информации Сталин ответил Жукову: «То, что вам следует знать, вам будет сообщено». А уже во время войны Сталин обращался к Жукову и его заместителю Ватутину совсем по-другому, например: «Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке?» — и потом тотчас же утверждал их предложения. В экономике такое же положение занимал, видимо, талантливейший организатор-экономист Н.А. Вознесенский. (После войны Сталин услал Жукова в дальний военный округ, а Вознесенского расстрелял.)

Война потребовала громадных жертв. Они были вызваны несколькими причинами. Во-первых, к началу войны германская армия имела уже большой опыт боев (правда, только с несравненно слабейшим противником). Поэтому остановить немцев можно было, только идя на бóльшие жертвы, чем те, на которые они были способны. Во-вторых, особое отношение немецких властей к жителям нашей страны как к существам низ-

шего сорта — «унтерменшам» — было причиной колоссальной смертности в лагерях военнопленных и среди населения оккупированной территории. И наконец, потому, что воевали, конечно, так же, как действовали до того: не жалея людей. Жуков рассказывает, что Сталин обрывал военных, указывавших на то, что иногда людьми жертвуют без всякой пользы: «Нечего хныкать, на то и война». Да как иначе и могла руководить войной партия, недавно подавившая Крестьянскую войну, совершившая коллективизацию и раскулачивание, сама только что прошедшая чистки и репрессии?

И все же упреки в слишком больших потерях кажутся мне наименее обоснованными из всех, которые можно сделать тогдашнему руководству (или лично Сталину). Очень трудно определить границу «разумных» жертв. Вот французы попробовали другой крайний путь: они настолько боялись потерь, что практически не воевали и войну проиграли без единого сражения. А главное, за жалобами на «чрезмерные потери» чувствуется некоторый подтекст. Для военного историка критический разбор какой-то операции имеет один смысл, для публициста — другой. Какой? Это часто явно высказывается: «просто завалили трупами», «никакой победы не было». То есть это попытка дегероизации победы, превращения ее даже в постыдный эпизод нашей истории. Еще Достоевский заметил этот прием тогдашнего «малого народа»: «Кто застыдится своего прошлого — тот уже наш».

А ведь мечта вбить народу в голову, что «никакой победы не было», казалась реально достижимой, почти достигнутой. Но сейчас видно, что не получилось, легче уничтожить народ весь целиком, чем вытравить эту память. Недавно по телевизору выступал один из тех активистов, которые в свое время наградили нас «перестройкой». Теперь он посвятил себя трудам на ниве образования, в меру сил стараясь и там совершить «пере-

стройку». Он с неподдельной горечью жаловался на то, как въелись «стереотипы»: поступающие в институт будущие историки не хотят на вступительном экзамене рассказывать, что Советский Союз был «поджигателем войны», а у преподавателей не поднимается рука ставить им за это заслуженную двойку. Но это уже зубр, из реликтовых. А вся их братия почувствовала, сообразила, что этого народу не навязать. И забубнили о «Великой победе», стали «склонять головы» и открывать монументы.

Как обычно, такой пропагандистский прием рассыпается, если попытаться его логически осознать. Почему, собственно, даже очень большие потери делают победу менее героической? Ведь, например, в римской истории больше всего на Великую Отечественную войну была похожа Вторая Пуническая война. Она тоже началась с ряда разгромных поражений, враг стоял у ворот Рима, война продолжалась 17 лет, население Римского государства сократилось в два раза! И тем не менее она всегда считалась самым героическим эпизодом римской истории, никто из римских историков иначе ее не оценивал.

Точно так же память о Великой Отечественной войне останется героическим преданием нашего народа, доколе он будет существовать.

Война имеет непосредственное отношение к теме этой работы. Когда обсуждается «великий перелом» — раскрестьянивание и гибель русской деревни, — то русские, как правило, душой на стороне деревни; условно говоря, они спрашивают себя: «Как пережил бы эти события Есенин?» Единственный (хоть как-то понятный) аргумент на противоположной чаше весов связан с войной. Он заключается в том, что, мол, как бы ни был жесток и пагубен для будущего переворот 1930-х годов, без него не удалось бы выиграть войну; что иным путем нельзя было создать промышленность,

при помощи которой была выиграна война. Собственно, это аргумент самого Сталина: коллективизация была необходима для индустриализации (при этом подразумевается, что индустриализация могла осуществляться только тем путем, которым тогда пошла). К этому иногда добавляют, что в 1930-е годы было достигнуто морально-политическое единство советского народа. Вот эти аргументы важно обсудить.

Могла ли индустриализация быть осуществлена без уничтожения традиционного индивидуального трудового крестьянского хозяйства — основы русской деревни? На этот вопрос ответ частично был дан жизнью. Индустриализация не только могла быть осуществлена, но уже осуществлялась в середине 1920-х годов с большой скоростью (29). Уже в 1927 году объем промышленной продукции превысил довоенный на 23,7%, в том числе по тяжелой индустрии — на 33,6%. В 1926 — 1927 годах начинается строительство 16 крупных электростанций, в том числе Днепрогэса. В 1926-м закладываются 7 новых угольных шахт, в 1927-м — 16. Строятся Керченский металлургический завод, несколько медеплавильных заводов, Риддеровский (будущий Лениногорский) полиметаллический комбинат, Мариупольский трубный завод, Ростовский завод сельскохозяйственных машин и т. д. Были заложены Сталинградский тракторный завод и Кузнецкий металлургический.

Все это делалось на основе экспорта хлеба, который давала деревня, несмотря на постоянное вторжение в ее жизнь власти, находившейся под воздействием идеологических догм. Ведь возникало парадоксальное положение, на которое указывал, например, Кондратьев. Власть многократно заявляла, что ее опора в деревне — беднота. Какая же власть будет стремиться сокращать свою социальную опору? Конечно, сознательная политика «обеднения» деревни не могла проводиться, но

возникала «ориентация на бедноту», которая препятствовала быстрому развитию сельского хозяйства. В результате в 1925 — 1929 годах производство зерна колебалось около уровня, немного более высокого, чем довоенный. Во всяком случае, утверждения о том, что «мужичок регульнул власть», являлись пугалом, отражая настроения тех «99 из 100 коммунистов», о которых говорил Сталин на XIV съезде, которых надо было сдерживать, чтобы они «вмиг» не «раздели кулака». Это пугало применял Каменев на XIV съезде в связи с тем, что в 1925 году хлебозаготовки дали на 200 миллионов пудов меньше, чем планировалось. Это действительно снизило темп индустриализации, однако гораздо больший урожай 1926 года позволил восстановить прежний темп. Но в 1928 году аналогичные трудности с хлебозаготовками послужили поводом для введения «чрезвычайных мер» — пролога коллективизации.

Первый пятилетний план (на 1928/29 — 1932/33 годы) был принят в качестве закона V съездом Советов в мае 1929 года. Он не содержал идеи «сплошной коллективизации» (предполагалось, что к концу периода в колхозы добровольно объединятся 18 — 20% крестьян, это была «дань» идеологии). Продукция промышленности должна была вырасти в 2,8 раза, производство средств производства — в 3,3 раза, сельского хозяйства — в 1,5 раза, национальный доход — более чем вдвое. Был разработан отправной (минимальный) план и оптимальный, отличавшийся от отправного примерно на 20%. Согласно оптимальному плану, производство чугуна предполагалось довести до 10 млн тонн, электроэнергии — до 22 млрд кВт/ч. Производительность труда в промышленности предполагалось поднять в 2,1 раза, реальную зарплату — в 1,7 раза, доходы крестьян — в 1,6 раза. Накопления, необходимые для этого очень быстрого развития экономики, предполагалось получить на основе подъема сельского хозяйст-

ва. Посевные площади должны были увеличиться на 22%, урожайность — на 35% (29-31).

Это был очень быстрый рост экономики. Реально ли было этот план выполнить? В очень взвешенно написанном современном учебнике для студентов-историков говорится: «При оценке первого пятилетнего плана историки единодушно отмечают взвешенность его заданий, которые, несмотря на их масштабность, были вполне реальны для выполнения» (31). Другое дело, что при этом ведущую роль играли бы экономисты типа Кондратьева и Чаянова, громадный массив выросших еще до революции экономистов и те коммунисты, которые были готовы учиться экономике, вникать в тонкости экономики и рынка. Но не у дел оставалась бы масса коммунистов, еще живших идеологией эпохи «военного коммунизма», жизненная установка которых сводилась к тому, чтобы «раздеть кулака».

Возникает и другой вопрос: достаточны ли были темпы развития экономики, установленные первым пятилетним планом, чтобы к началу войны обеспечить хотя бы тот уровень промышленности (в частности, военной), который мы реально имели? Дело в том, что вскоре после принятия первого пятилетнего плана его задания стали пересматриваться — в сторону резкого увеличения. (Наиболее известное действие — лозунг «Пятилетку — в четыре года», выдвинутый Сталиным в декабре 1929 года.) Поэтому может сложиться впечатление, что экономика развивалась значительно быстрее, чем предполагалось в первом пятилетнем плане. В том же учебнике (31) читаем: «Запланированные задания «первой пятилетки», по существу, были сорваны, и реальные результаты далеко отставали не только от контрольных цифр завышенного, но и первоначального «оптимального» плана». Например, было решено в 2 раза увеличить задание по выпуску цветных и черных металлов, автомобилей, сельскохозяйственных машин

и т. д. (29). Запланированные мощности Кузнецка и Магнитогорска повышались в 4 раза. Эти планы оказались нереальными. Более того, попытки их осуществления нарушили баланс частей экономики. Скорость роста индустрии упала с 23,7% в 1928 — 1929 годах до 5% в 1933 году. Были прекращены ассигнования на 613 из 1659 основных строящихся объектов тяжелой промышленности. Вместо предусмотренных пятилетним планом 60 доменных печей в строй вошли 32, из 57 прокатных станов, пуск которых был запланирован, в эксплуатацию ввели 13, из 70 мартеновских печей, которые предполагалось пустить, было пущено 38. Не были осуществлены не только гигантские планы, объявленные в порядке корректировки пятилетки, но и первоначальные задания первого пятилетнего плана. К концу пятилетки продукция выросла не в 2,8 раза, как планировалось сначала, а в 2,3 раза.

Задания второй пятилетки были уже скромнее: они предполагали увеличение продукции на 16,5% в год (вместо 30%, запланированных в первой пятилетке, реальность — около 20%). По скорости роста легкая промышленность должна была опережать тяжелую. Развитие шло очень неравномерно. В 1933 году производство выросло лишь на 5%, 1934 — 1936 годы дали около 20% в год, 1937 — 1938-е — 11 — 12%.

В 1939 году был принят третий пятилетний план (1938 — 1942 годы). Работа по нему шла тоже очень неровно. Так, в справке, представленной М. Сабуровым в Госплан в апреле 1941 года, говорится, что срыв в течение первых двух лет пятилетки выполнения плана черной металлургией и топливной промышленностью стал причиной «невыполнения плана по машиностроению, в значительной мере по капитальному строительству и производству металлических изделий широкого потребления» (31).

В качестве конкретного примера (29): по оптималь-

ному варианту первого пятилетнего плана предполагалось довести выплавку чугуна до 10 млн тонн. В январе 1930 года было решено повысить эту цифру до 17 млн тонн. В результате в 1932 году было выплавлено лишь 6,2 млн тонн, то есть не было выполнено не только задание оптимального варианта (10 млн тонн), но и минимального (8 млн тонн). А заказанная цифра в 17 млн тонн не была достигнута и к войне. В 1937 году выплавка чугуна увеличилась на 0,6%, в 1938-м — на 1%, а в 1939-м — уменьшилась на 0,1%.

Это отнюдь не значит, что в стране ничего не строилось. Жизнь всегда сильнее любых внешних вторжений в нее. Так жило крестьянство при крепостном праве, обороняло страну, заселяло все новые области. В этом объяснение и той загадки, что сейчас наша страна существует, несмотря на весь разгром. С самого начала XX века в России ощущался громадный прилив энергии во всех областях жизни — от крестьянской кооперации до классического балета. Для его реализации не была нужна военизированно-лагерная организация жизни. Он даже помог пережить ее калечащее воздействие. Так и в 1930-е годы: строилось много и пафос строительства захватывал участвовавших в нем людей. Но ниоткуда не следует, что большего нельзя было достигнуть, развивая экономику в направлении, намеченном первым пятилетним планом, не ломая хребет крестьянству, опираясь на кооперацию и стратегию, предложенную Чаяновым. Раскрестьянивание было необходимо — но не для индустриализации, а чтобы следовать идеологии «военного коммунизма», «Коммунистического манифеста» и всего марксизма-ленинизма, для воспитанной в этом духе части партии, уверовавшей, что «насилие есть повивальная бабка всякого старого общества, когда оно беременно новым». Конечно, для создания оборонно-промышленного потенциала нужна перестройка экономики, но ведь смог-

ла же Германия с 1932 по 1940 год увеличить свой военно-промышленный потенциал в 22 раза (как об этом пишет маршал Жуков), не уничтожая своего крестьянства.

В духовном отношении политика 1930-х годов привела народ к войне глубоко расколотым. Из кого состояла армия, вступившая в бой в 1941 году? Во-первых, из крестьян, прошедших насильственную коллективизацию, аресты, высылку в Сибирь, голод и опять аресты, возвратившихся с севера «кулаков и уголовников». Во-вторых, из рабочих, то есть в основном из тех же крестьян, не выдержавших обрушившихся на них гонений и завербовавшихся по набору или просто бежавших из деревни на новостройки. Надо очень сильно абстрагироваться от действительности, чтобы представить себе, что у этих людей не было тогда иных чувств, кроме порыва отдать жизнь за партию и товарища Сталина. Более правдоподобно, что народное сознание находилось под мучительным воздействием диаметрально противоположных сил.

В беседе с писателем Ф. Чуевым уже отставной Молотов сказал: «Мы обязаны 1937 году тем, что у нас во время войны не было пятой колонны». Дело, конечно, не в 1937 годе (опять он выпячивается на незаслуженное место), а во всей политике 1930-х годов. Увы, она принесла плоды гораздо худшие, чем «пятая колонна». Трудно не связать с ней необычайно большое количество сдавшихся в плен в первые месяцы войны. О них можно судить по общим цифрам советских военнопленных: 4059 тысяч — по советским данным, 5200 — 5750 тысяч — по немецким (32); основная их масса относится на первый период войны (июль 1941-го — ноябрь 1942-го). В книге (33), использующей немецкие источники, приводится цифра в 3,8 миллиона военнопленных до конца 1941 года. В советских официальных данных говорится о 939 тысячах военнослужащих, чис-

лившихся пропавшими без вести и вторично мобилизованных на освобожденных территориях. Очевидно, это солдаты, разошедшиеся во время отступления по деревням, работавшие там во время оккупации и не обнаруженные немцами. (Что касается «пятой колонны», то очень трудно представить себе Гитлера, сотрудничающего с Пятаковым или Бухариным. Парадоксально, но он высказывал мысль, что после победы над Советским Союзом доверит управление им Сталину, так как тот «знает, как обращаться с русскими».)

Но болезненнее всего в нашей исторической памяти останется, наверное, то, что около 1 миллиона граждан СССР участвовало в войне на стороне врага. Такого не было ни в войну 1914 года, ни в Отечественную войну 1812 года! Ведь в 1812 году крепостные крестьяне могли бы воспользоваться вторжением Наполеона, чтобы поднять вторую пугачевщину. А они вместо этого ловили отступавших французских солдат! Очень глубок должен был быть раскол в народе России, чтобы появилось такое нетипичное для русских явление, как «власовское движение» (применяя этот термин условно, как название всех соединений советских подданных, участвовавших в войне на стороне немцев). Но основная масса народа не пошла по власовско-ленинскому пути — встала на защиту своей страны независимо от отношения к тогдашнему режиму. (При всем различии ситуаций позиция Ленина в Первую мировую и позиция Власова в Великую Отечественную войну основывались на общем принципе: отношение к общественному строю важнее отношения к стране.) Такова была и позиция крепостных крестьян в 1812 году. В этом, мне кажется, и состоит великий подвиг народа.

Если сравнивать дальше положительное и отрицательное влияние изменений в жизни, происшедших в 1930-е годы, на ход войны, то нельзя обойти сложившийся общий стиль руководства. Диктаторские прие-

мы, приказы чуть ли не под угрозой расстрела («положить партбилет» — практически было равнозначно аресту). Все это стало стилем сначала в довоенной жизни, а потом — стилем ведения военных операций и персонально стилем Сталина. В воспоминаниях маршала Жукова не раз рассказывается, как и он, и другие военачальники ставили свою подпись под планами операций, бесперспективность которых они ясно понимали, — ибо таков был приказ Верховного главнокомандующего. Об этом много печальных историй рассказывает маршал Жуков — как в воспоминаниях, так и в докладе, подготовленном (но не произнесенном) для пленума ЦК в мае 1956 года (34). Например, как Сталин под угрозами расстрела послал его отбивать деревню Дедово, оторвав от командования фронтом под Москвой в самый опасный момент. «Был ли Сталин творцом вообще каких-либо операций?» — спрашивает Жуков. И отвечает: «К сожалению, был», перечисляя ряд неудачных операций, каждая из которых стоила десятков тысяч жизней. И ведь дело здесь не в Сталине, а в общем стиле руководства, который культивировался. Лично Сталин умел учиться и начиная с середины войны ограничивал свое вмешательство в области военного руководства, где были явно лучшие специалисты. Но ниже его шел целый слой военачальников, часто сознательно, а иногда подсознательно ему подражавших.

Сильно дезорганизовали армию аресты офицеров, когда из армии выбыло более 36 тысяч человек, арестованных или исключенных из партии за «связь с заговорщиками». Жуков пишет: «Накануне войны в Красной армии почти не осталось командиров полков и дивизий с академическим образованием».

Часто возражают, что арестованы были военные, имевшие лишь опыт Гражданской войны да жестокого подавления крестьянских восстаний, — вроде Тухачевского и Якира. Но ведь других-то военных не было! И

Жуков служил в Красной армии под началом Тухачевского при подавлении антоновского восстания, а Шапошников был тогда у Тухачевского за начальника штаба. Дело было в том, кого кем заменять. После расстрела группы руководящих военных в 1938 году для руководства армией был создан Главный военный совет Красной армии. Вот его состав: Блюхер, Буденный, Ворошилов, Мехлис, Сталин, Шапошников, Щаденко. Из них Блюхер был в том же году расстрелян, а всех остальных, кроме Шапошникова, Сталин вынужден был к середине войны отстранить от руководства военными операциями просто из инстинкта самосохранения, чтобы не проиграть войну. Именно этим своим политическим сподвижникам (некоторых он знал еще с Гражданской войны) Сталин больше доверял. А ведь Кулик, например, был перед войной ответственен за вооружение армии и воспрепятствовал вооружению ее автоматами, считая их «оружием полицейских». Люди типа Кулика и Мехлиса — это были злые гении армии: они пытались заменить полководческую бесталанность щедростью пролития солдатской крови.

Учитывая все сказанное, трудно согласиться, что уничтожение крестьянства и последующая политика 1930-х годов были необходимы для победы в войне. Наоборот, победа была достигнута вопреки им. Ведь если бы коллективизация была проведена лишь как мера подготовки к войне, то, когда война была выиграна, ее можно было бы отменить. Этого тогда в народе и ждали: «После конца войны колхозы распустят» — это явно была мечта народа.

А вместо этого после окончания войны был издан ряд постановлений, ужесточающих колхозный строй, — например, введена уголовная ответственность за невыработанные трудодни — как на барщине.

Война-то, конечно, была выиграна — война с экономически более сильным и в военном отношении бо-

лее опытным противником, — в этом нет сомнения. Вопрос в том, кто ее выиграл. Предположим, что экономика планировалась бы более рационально и к войне достигла бы более высокого уровня; нашим авиаконструкторам не мешали бы создавать новые самолеты и к войне наши самолеты превосходили бы немецкие, армия была бы широко вооружена «катюшами»; к началу войны авиация была бы своевременно поднята в воздух, войска мобилизованы, немцам нанесли бы сокрушительный удар и к зиме наши войска были бы в Берлине. Тогда, хотя бы отчасти, это была бы победа «коммунистической партии и лично товарища Сталина», как тогда писали.

Но события развивались по-другому. Война все-таки была выиграна, но это была победа народа, его жертвенности и героизма. И именно все те сложные и трагические условия, в которых победа добывалась, освещают масштабы народного подвига.

«НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ»

Война, конечно, многое изменила в стране. И не только война, но и период, когда она надвигалась. Я имею в виду появление в политике некоторых «державных» элементов, иногда заимствованных из державного опыта дореволюционной истории. Эти изменения породили точку зрения, согласно которой советская власть перестала быть марксистско-коммунистической, она «переродилась», как французская революция переродилась в империю Наполеона. А иногда даже говорят о «контрреволюции», о «реставрации» дореволюционной России. Большевизм, согласно этой точке зрения, превратился в национал-большевизм, то есть коммунистическая идея слилась с национальной. Здесь возникает важнейший вопрос для понимания нашей истории последних десятилетий.

Прежде всего отметим то, что само собой очевидно. Любая, самая революционная партия, захватив власть, как-то изменится, вынуждена будет использовать некоторые «державные» механизмы. Она не станет сама себя свергать и будет защищаться. Когда Ленин сказал от имени большевиков: «Мы отвоевали Россию <...>. Мы должны теперь Россией управлять», — из этого уже вытекало, что они будут стремиться не дать завоевать ее кому-либо другому. Более того, они получили в руки одно из самых мощных орудий, тысячелетиями создававшееся человечеством, — государство. Как было не использовать его для достижения своих целей? Прежде всего — армию. После недолгих колебаний идея добровольческой Красной гвардии, партизанская война были отвергнуты и верх взял трезвый здравый смысл. Армия в Советской России была создана в общем на тех же основах, что и в других странах. Мы видели, что возникла даже идеология превращения армии в орудие мировой революции. Три года понадобилось для того, чтобы принять такое же решение по поводу другого важнейшего элемента жизни — денег. Есть много аналогичных примеров.

Тогда же, как реакция на эти явления, возникла и концепция «перерождения коммунистической власти». Возникла она в эмиграции — это было течение «сменовеховцев». Сталин на XIV съезде так сформулировал их взгляды: «Коммунистическая партия должна переродиться, а новая буржуазия должна консолидироваться, причем незаметно для нас МЫ, большевики, оказывается, должны подойти к порогу демократической республики, должны потом перешагнуть этот порог и с помощью какого-нибудь цезаря, который выдвинется не то из военных, не то из гражданских чинов, мы должны очутиться в положении обычной буржуазной республики». Это несколько утрированное изложение. Сменовеховцы верили, что советская власть перестает

быть разрушительно-революционной, решает национальные задачи, восстановила единую и неделимую Россию. Эта идеология допускалась в СССР, существовал даже журнал такого направления — «Новая Россия»: видимо, считалось, что она ослабляет сопротивление некоторых кругов большевистскому режиму. Но сменовеховство, как всякая эмигрантская концепция, основывалось больше на желаниях, чем на знании жизни. Движение оказалось под влиянием организации «Трест», созданной ОГПУ.

В «перерождении» большевистскую партию обвинял и Троцкий, а после высылки из СССР — в «термидорианстве» и «контрреволюции». Это же утверждали и многие другие. Жизнь показала, что все они серьезно ошибались. Партия осталась достаточно революционной, чтобы совершить «вторую революцию» — коллективизацию, гораздо более радикальную, чем первая. Тривиальная схема: раз пришли к власти, значит, перестали быть революционерами — оказалась неверной. Государство стало как раз главным орудием для осуществления второй революции. Такую же вторую революцию («культурную революцию») пережил в свое время Китай.

Но начиная с 1930-х годов вопрос приобрел несколько иной оттенок. С приходом Гитлера к власти в Германии слишком очевидным стал национальный аспект мировой политики. Выше я привел соображения, аргументирующие тот взгляд, что эта ситуация слишком противоречила идеологии правящего слоя и поэтому хоть им и учитывалась, но лишь частично, с каким-то двойственным отношением. Были осуществлены действительно некоторые меры, тогда казавшиеся очень необычными.

До того политика партии имела явно антирусский характер. В документах, переданных XII съезду, Ленин настаивал, что русские должны «возмещать» неравен-

ство, которое якобы раньше существовало. Сталин, выступая как признанный знаток национального вопроса, на X, XII, XIV, XVI съездах заявлял, что в области национальных отношений главная опасность — «русский великодержавный шовинизм» (хотя что это значило — в те годы?). С точки зрения стратегии партии такая позиция объяснима. Ленин не раз сравнивал установление большевистской власти в России с завоеванием. Что же теперь представляет наибольшую опасность? Ясно, что сопротивление основного из завоеванных народов — русского. И политически логично опираться на антирусские тенденции, возбуждая их в других народах.

Например, в 1918 году было опубликовано подписанное Лениным и Сталиным обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Мыслимо ли было тогда такое обращение «к трудящимся православным»? В обращении к мусульманам говорилось, что их «мечети и молельни разрушались, верования и обычаи попирались царями и угнетателями России», хотя, например, исламское духовенство получало до революции материальную поддержку от русского правительства.

Я цитировал выше высокую оценку наркомнацем борьбы чеченцев и ингушей с «реакционным казачеством». В обращении Ленина «Товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики» несколько раз повторяется призыв «не копировать нашу практику», «больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к местной буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянам». Аналогичное постановление ЦК, подписанное Сталиным в связи с коллективизацией, было приведено выше. Та же идеология господствовала в исторических исследованиях и в преподавании русской истории. Это была концепция «проклятого прошлого». Руководящим ис-

ториком России был Покровский. Он был так влиятелен, что его имя было присвоено Московскому университету (я сам поступил в «университет им. Покровского», но кончил «университет им. Ломоносова»). Книги его были полны какой-то иррациональной злобы против России, даже вступавшей в противоречие с марксистскими взглядами. Например, для него Петр I был не личностью, а выразителем интересов «торгового капитала». Но он же, захлебываясь, утверждал, что Петр был и сифилитиком, и гомосексуалистом. Какие же интересы торгового капитала он таким странным образом отстаивал? Конечно, подобное же направление имела и официальная литература.

Начиная с середины 1930-х годов эта тенденция стала приглушаться указаниями сверху. Наоборот, были предприняты некоторые действия, имеющие целью стимулировать русские национальные чувства или подчеркнуть преемственность с исторической Россией. Собственно, действий таких было немного, и я попробую их перечислить. При этом я упоминаю об изменениях, происшедших в жизни до войны, во время войны и после нее (может быть, какие-то я забыл, но это — основная их часть):

— указание прекратить очернение русской истории, осуждение «школы Покровского»;

— фильмы и книги исторического содержания о героических периодах русской истории;

— твердая «реабилитация» классической русской литературы — например, торжества по поводу 100-летия со дня смерти Пушкина;

— слово «родина» стало вполне безопасно произносить, оно приобрело положительный смысл;

— ослабление гонений на Православную церковь, разрешение ей в 1943 г. (в ограниченных размерах) восстановить свою деятельность;

— восстановление прежних воинских званий, мун-

диров, погон. Восстановление похожей на дореволюционную школьной формы, раздельное, как до революции, обучение мальчиков и девочек;

— речи Сталина во время войны, где употреблялось слово «родина» (правда, обычно с прилагательным «социалистическая»), «наши великие предки — Суворов и Кутузов, Дмитрий Донской и Александр Невский»;

— тост Сталина «за здоровье русского народа»;

— выговор Демьяну Бедному за поставленную по его тексту оперетку «Богатыри», где он издевался над богатырями и князем Владимиром.

Этот список не включает каких-либо действий, связанных с основными факторами жизни, в основном эти изменения касались внешности в чистом виде (форма военных или школьников), иногда изменений языка официальных речей и статей (введение новых слов: «родина», «генерал», «патриот»). Иногда они притормаживали, смягчали ставшие вредными идеологические тенденции (например, в преподавании русской истории и литературы). Несомненно, все они несли «идеологическую нагрузку», были некоторыми «знаками». Вопрос заключается в том, свидетельствуют ли они о принципиальном изменении советского общества или касаются только некоторых внешних его сторон.

Самым принципиальным было изменение отношения к Православной церкви, особенно если сопоставить его с иррациональной ненавистью, которая до того определяла политику власти в этой области (например, была объявлена «безбожная пятилетка» 1932 — 1937 годов и предполагалось, что к 1937 году «имя Бога не будет произноситься в нашей стране», а в реальности с 1935 по 1938 год число действующих православных храмов сократилось с 25 000 до 1277). Новые меры были предприняты лишь начиная с 1943 года и диктовались условиями войны. На оккупированной немцами территории были сняты ограничения с церковной жиз-

ни (Гитлер считал желательным распространение среди русских «любых суеверий»). Там было открыто около 10 тысяч храмов, ряд монастырей, крестились в большом числе взрослые, которых не крестили при рождении. При наступлении наших войск такая картина могла вызвать нежелательные настроения. Кроме того, в результате беспрерывных гонений Церковь была совершенно обескровлена и ни тени опасности для власти не представляла. Некоторое смягчение политики в отношении Церкви способствовало росту симпатий к СССР на Западе, представительная деятельность Церкви за рубежом была целиком поставлена на службу официальной политике.

Впрочем, и позже были аресты священников, хотя и в меньших размерах. После открытия нескольких тысяч храмов, нескольких семинарий и духовных академий число их постепенно стали сокращать. Согласно докладу, представленному Сталину Советом по делам Русской православной церкви, к 1 октября 1949 года «изъято 1150 молитвенных зданий» (на бывшей оккупированной немцами территории). В 1948 году министр МГБ Абакумов подал Сталину докладную записку, в которой сообщается, что «церковники и сектанты значительно активизировали работу по охвату населения религиозным и враждебным влиянием». «В результате работы органов МГБ по выявлению и аресту антисоветского элемента среди церковников и сектантов за время с 1 января 1947 года по 1 июня 1948 год по Советскому Союзу за активную подрывную деятельность арестовано 1968 человек, из них православных церковников — 679 человек» (25).

Изменение отношения к русской истории и литературе было декларировано, но провести его в жизнь было труднее. Слой людей, писавших учебники и осуществлявших их издание, остался прежним, и их психология осталась той же. И до, и после войны учились

по учебникам, где русская история состояла лишь из восстаний, вызванных бесчеловечным угнетением масс. Уже после войны я попытался представить себе впечатления ребенка, впервые знакомящегося с литературой в школе, а не дома. Первое стихотворение Пушкина, которое он узнает, — «Узник», Лермонтова — «Прощай, немытая Россия...», первое произведение Толстого — «После бала». То есть из первых (значит, самых сильных) впечатлений складывается облик России: тюрьма, страна рабов, порка солдат. Конечно, учитель не был обязан точно следовать учебнику, и многие преподавали историю и литературу иначе. Это и была половинчатость, характерная для той эпохи.

Самым ранним в этой цепи действий было письмо Сталина Демьяну Бедному (еще в 1930 году). Он упрекает Демьяна за то, что тот изображает прошлое России как «сосуд мерзости и запустения», в то время как «революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира». Письмо интересно тем, что очень точно следует духу статьи Ленина «О национальной гордости великороссов», которая и цитируется. Предметом же «гордости» оказываются лишь люди и течения, способствовавшие разрушению российской государственности, — от Радищева до террористов 1870-х годов.

Мне не раз приходилось встречать как доказательство радикального изменения взглядов самого Сталина указание на то, что он много раз смотрел во МХАТе пьесу Булгакова «Дни Турбиных», где на сцене белые офицеры в золотых погонах изображаются вполне человечными. Тогда (до войны) эта пьеса была популярна (вероятно, по этой самой причине), и я ее видел. Я помню свое тогдашнее впечатление — тяжелое, горькое. С одной стороны, Турбины вызывали симпатию, несомненно, были людьми, любившими Россию, воевавшими за «единую неделимую». А с другой — они были

так раздавлены совершившимся ее крушением, что готовы были прибиться к любой власти — хоть к гетману, хоть к большевикам. Я подумал тогда, что старому большевику вроде Сталина могло быть приятно видеть раздавленными и поверженными своих противников времен Гражданской войны. И вот оказывается, в письме к писателю Билль-Белоцерковскому Сталин выразил именно это отношение: «Если даже такие люди, как Турбины, вынуждены сложить оружие и покориться воле народа, признав свое дело окончательно проигранным, — значит, большевики непобедимы». То есть привлекала не традиция русской армии, погоны и мундиры, а то, что было показано поражение белых!

Достаточно, не поддаваясь воздействию пропаганды (а она, как будет показано ниже, обрушивалась на нас со всех сторон), реально вспомнить, о каких действиях шла речь, чтобы убедиться, что производились второстепенные, почти косметические изменения, никак не затрагивавшие основы уже сложившегося тогда коммунистического строя. Это были скорее символические уступки русскому национальному чувству, необходимые, чтобы использовать его в войне (а после войны — в расчете на будущую войну).

Нет оснований представлять тогдашнюю политику как попытку какого-то руководящего слоя (или лично Сталина) хитро обмануть русских. Подъем жертвенного русского патриотизма постепенно становился силой, определяющей ход войны. Он оказывал давление на руководство, и оно, очень дозированно и осторожно, в чем-то ему уступало. То, как эта осторожная линия уступок определялась, видно по речам Сталина во время войны. Первая речь, по радио 3 июля 1941 года, выдержана строго в духе коммунистических стандартов, почти эпохи Гражданской войны. Враг «ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма». В духе строгого интернационализма

упоминается угроза культуре и государственности народов, которых перечисляется двенадцать, и дальше еще стоит: «...и других».

Уже 6 ноября 1941 года появляется новый мотив: «Эти люди имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского» (впервые особо выделены русские). На параде 7 ноября 1941 года: «Пусть вдохновляет нас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского и Дмитрия Донского» — имена уж совсем не из коммунистического ряда (князья, Александр Невский — святой Православной церкви). Однако потом: «Под знаменем Ленина — вперед, к победе». Все время сохраняются и прежние лозунги. Апелляция к «великому Ленину» — в приказах от 23.02.1942, 1.05.1942, 23.02.1943, 1.05.1943, 23.02.1945, к «большевистской партии» — 7.11.1942, 23.02.1943, 1.05.1943, 7.11.1943, 23.02.1944, 1.05.1944, 7.11.1944, 23.02.1945, 1.05.1945.

Наиболее ярким было выступление Сталина в связи с концом войны, 9 мая 1945 года: сжатое, лишенное штампов партийного языка. Говорится: «наша Родина» (без обычной прибавки «социалистическая»), «неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны». Наконец, 24 мая 1945 года на приеме в Кремле Сталин провозгласил тост «за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа». Там русский народ был назван «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза».

Собственно, это очень естественно, когда во время войны (или вообще в трудный момент) правительство апеллирует к патриотическим чувствам народа. Мы это видим и в наши дни: такие жесты, как праздник «Виват, Россия!» или открытие какого-нибудь монумента, очень дешево стоят: в буквальном смысле — стоят

очень малых денег. А дать могут много. И такая мысль не была чужда большевистской традиции. К русскому патриотизму не раз апеллировали еще в трудные моменты Гражданской войны. Много фактов подобного рода приведено в книге М. Агурского (35). Например, в 1920 году во время польского наступления Стеклов (Нахамкес) писал в «Известиях»: «Народ, на который напали, начинает защищаться. Когда посягают на его святая святых, он начинает чувствовать, что в нем просыпается национальное сознание». Радек (Собельзон) считал одной из величайших заслуг Троцкого (Бронштейна), что «он сумел людям, пришедшим к нам из вражеского лагеря, внушить убеждение, что советское правительство борется за благо русского народа». Во времена советско-польской войны было опубликовано «обращение Брусилова», призывавшее бывших царских военных поддержать большевистскую власть ради блага России. Луначарский писал: «Сейчас сменовеховцы убедились, что советская конституция не противоречит «великодержавности». Троцкий в 1921 году: «Сменовеховцы пришли к выводу, что никто не может защитить единство русского народа и его независимость от внешнего насилия в данных исторических условиях, кроме советской власти»; «Особенно важно питать этими идеями военных». Виден несерьезный, внешний характер этих пропагандистских приемов. И люди-то как на подбор не русские (я нарочно указал их настоящие фамилии), и говорят откровенно, что лишь стараются «внушить убеждение», будто борются «за благо русского народа». Развиваясь, эта традиция немного отшлифовала свой язык.

Как только война кончилась, даже и это, очень осторожное, попущение национальных русских чувств стало тормозиться. В 1945 году был основан влиятельный журнал «Вопросы истории», и передовая статья в его первом номере предостерегала против «искажений

в наших исторических исследованиях», и в частности: «наклонности к великодержавному шовинизму», «положительной оценки политики царизма», «идеализации представителей правящих классов», «буржуазных взглядов на рост и распространение русского государства», «отказа от классового анализа исторических явлений». В другой статье в том же журнале продолжается список «искажений»: «Академик Тарле повторил ошибочное положение об оборонительном и справедливом характере Крымской войны»; «попытка оправдать войны Екатерины II тем, что Россия якобы стремилась к своим естественным границам... требования пересмотреть вопрос о жандармской роли России и о царской России как тюрьме народов... Понадобилось прямое вмешательство Центрального Комитета нашей партии, созыв им специального совещания историков, чтобы дать отпор этим ревизионистским идеям».

Единственная попытка хоть как-то претворить в жизнь декларации военного времени — хотя бы знаменитый сталинский тост и другие символические действия, — попытка, предпринятая целиком в рамках коммунистических структур и идеологии, закончилась арестами и расстрелами. Я имею в виду известное «ленинградское дело» 1949 года. Речь и шла-то всего о таких робких планах, как, например, план создать Российскую коммунистическую партию со своим ЦК в Ленинграде и перевести Совет министров РСФСР в Ленинград. Но этим планам предшествовали некоторые действия ленинградских властей — такие, как возвращение многим улицам и площадям их старых названий (а иначе так и оставался бы Невский проспект проспектом 25 Октября, Литейный — проспектом имени Володарского, а Владимирский — имени Нахимсона). Результатом было постановление Политбюро об «антипартийных действиях Кузнецова, Родионова и Попкова». (Вся эта драматическая история ярко изложена в

работе С.С. Куняева. См.: «Наш современник». 1995, № 10.)

Аресты и расстрелы по «ленинградскому делу» параллельны таким же репрессиям по делу Еврейского антифашистского комитета. Последнее часто приводится как несомненное доказательство и самое яркое проявление сталинского антисемитизма. С тем же основанием «ленинградское дело» можно было бы считать примером сталинской русофобии. На самом деле в обоих случаях национальные чувства, использованные во время войны, должны были быть заторможены, когда война окончилась.

Весь этот сдвиг идеологии был не органическим изменением, а тактической мерой коммунистического строя, вынужденной Великой Отечественной войной. Такой же, как в свое время нэп, — это был «идеологический нэп». Действительно, я сам помню, как сначала резали слух эти слова: «офицер», «генерал», «Родина», как удивляли погоны и мундиры. Но, вероятно, не меньше в свое время при нэпе резали слух «акционерные общества», «тресты», «концессии». Ведь тогда была волна самоубийств среди коммунистов на почве «отхода от идеалов революции». На самом деле «идеологический нэп» оказался гораздо менее радикальным, чем «экономический нэп», — он всерьез не затронул ни одну из существенных сторон строя.

Концепция, что «со Сталина СССР стал возвращаться к националистической политике дореволюционной России», — по существу, западного происхождения. Ее, правда, высказывал раньше Троцкий (оказавшись тоже на Западе), но он был явно слишком пристрастен. Стандартной она стала в работах западных советологов. Это была идейная основа их понимания советской истории.

Я помню, что в 1970-е годы западные корреспонденты в Москве были этой идеей, как сейчас говорят,

«зомбированы». Их главный вопрос обычно был: «Согласны ли вы, что Советский Союз есть повторение дореволюционной России в другом облике?» И никакие попытки пробиться к фактическому обсуждению вопроса не помогали. Я обычно предлагал: «Давайте выясним, какую сторону жизни вы имеете в виду: государственное устройство, экономику деревни, экономику промышленности, положение религии, прессу и печать?» В ответ пожимали плечами и говорили: «Да, внешне, конечно, общего мало. Но (с надеждой) по существу?» И дальше сдвинуться было нельзя. Видимо, в самой простоте этой идеи («внешне все другое, а по существу — то же самое») есть нечто привлекательное и сопротивляющееся фактам. (Ну а кроме того, раскулачивание и Беломорканал как-то списываются на русскую национальную традицию — и это тоже привлекательно.)

ЗАЧЕМ НАМ СЕЙЧАС ОБ ЭТОМ ДУМАТЬ?

В нашем катастрофическом положении — когда реальным является гибель народа — стоит ли тратить силы на размышления об истории, о том, что все равно уже в прошлом? Мне кажется это необходимым, причем по нескольким причинам. Одна из них заключается в том, что из образов прошлого, из исторического материала создаются идеологические концепции, являющиеся орудиями современной идеологической борьбы и влияющие на наше будущее. Например, если внушить, что «русская душа — вечная раба», что Россия ничего не внесла в мировую цивилизацию, что у нее не было ни истории, ни литературы, что русские вечно угнетали другие народы, — одним словом, концепцию «проклятого прошлого» или «империи зла», то откуда возьмутся силы для защиты такой страны? Наоборот, ее разрушение покажется благим делом для

всего человечества. Другой пример — течение, стремящееся стереть из народной памяти победу в Великой Отечественной войне и, если удастся, превратить ее в поражение.

Вот пример, более близкий к теме этой работы. В последнее время заметен резкий взлет интереса к личности Сталина. О нем вышло много книг, напечатана масса статей, на демонстрациях видно много его портретов. Например, стала выходить серия «Русские судьбы», запланированная в тридцати томах. И первый том — это политическая биография Сталина, а том о Пушкине — где-то заметно позже. Причем этот новый прилив интереса к Сталину носит особую окраску. Сталин воспринимается не как коммунист, продолжатель идей Маркса и Ленина. Например, я не видел ни на одной демонстрации портрета Маркса, зато много портретов Сталина. В этом течении мысли Сталин воспринимается как русский патриот, продолжатель русской державной традиции. Мы имеем дело уже с некоторым явлением современности, отражающим какие-то современные социальные явления.

Из того, что изложено выше, казалось бы, видно, что восприятие Сталина как государственного деятеля русского патриотического направления никак не согласуется с фактами. Даже «национал-большевизмом» проводившуюся им политику нельзя назвать. Сталин мыслил и действовал строго в рамках марксистского коммунистического мировоззрения, усвоенного им в молодости. Совершенно оправдан был лозунг: «Сталин — это Ленин сегодня». Положение, что Сталин резко отошел от дореволюционного и непосредственно послереволюционного курса Ленина, столь же не обосновано фактически, как и многочисленные попытки доказать, что Ленин «извратил» или «исказил» Маркса, был скорее последователем Нечаева или Ткачева. Этот последний вопрос выходит за рамки настоящей рабо-

ты, но можно привести множество аргументов, показывающих, что Ленин воспринял именно центральное ядро идеологии Маркса и сделал его своим орудием, при помощи которого «перевернул мир».

Как для Ленина не было более убедительного аргумента, чем цитата из Маркса, так и Сталин постоянно повторял, что он «верный ученик великого Ленина», — и до войны, и во время войны, и после. Конечно, он руководствовался идеями Ленина в меняющихся условиях (как и Ленин — идеями Маркса). После войны широко был распространен слух, что следующая война будет лет через десять — пятнадцать. Джилас в своих воспоминаниях утверждает, что слышал это от самого Сталина. Я слышал это от многих, имевших связи в высоких сферах (физиков-атомщиков, ракетчиков). Видимо, этот слух шел сверху. В случае успеха такая война вряд ли могла принести мировое господство, но обеспечивала бы господство над Европой. Так как тогда казалось, что Китай прочно включен в единый «социалистический лагерь», то вырисовывалась возможность создания единого коммунистического общества в размерах Евразии — наибольшее реально мыслимое приближение к идеалу мировой революции. На большее не мог рассчитывать и Ленин в период самых радужных революционных надежд 1919 — 1920 годов. Вероятно, это была мечта Сталина последних лет его жизни.

Да ведь Сталин оставил исчерпывающее свидетельство своей идеологии — последнее свое произведение, можно сказать, завещание: «Экономические проблемы социализма в СССР», написанное в год его смерти. Книга ясно характеризует идеологию и тип мышления Сталина. В ней — длиннейшие цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина (одна цитата из Маркса длиной в две страницы). И не упоминается ни один другой экономист, хотя бы столь тогда знаменитый Кейнс (одно ис-

ключение — возражение давно забытому А. Богданову). Такое впечатление, что автор вообще не держал в руках работ экономистов, кроме «классиков». Зато марксизм молчаливо принимается как абсолютная истина: «мы, марксисты, исходим из известного марксистского положения...», «немарксистский — следовательно, глубоко ошибочный» и т. д.

Последовательно придерживаясь этих принципов, Сталин указывает на противоречие, существующее в современном ему социалистическом обществе СССР: это наличие денег и товарного производства. Он предвидел переход к «прямому продуктообмену». Какая странная картина! Выросла сложнейшая экономика, сам Сталин ежегодно утверждал бюджет, а в то же время планировал старое марксистское «отмирание денег». То есть он никогда не забывал идеологию своей молодости и «военного коммунизма». Даже колхозы, с его точки зрения, нарушали чистоту принципов социализма, «так как труд в колхозах, как и семена, — свой собственный». «Когда вместо двух основных производственных секторов — государственного и колхозного — появится один всеобъемлющий производственный сектор с правом распоряжаться всей потребительской продукцией страны, товарное обращение с его «денежным хозяйством» исчезнет как ненужный элемент народного хозяйства». Совершенно так, как писали в 1920 году: «Наши дети, выросши, будут знакомы с деньгами уже только по воспоминаниям, а наши внуки узнают о них только по цветным картинкам в учебниках истории».

Этой марксистской идеологии Сталин и придерживался всю жизнь, лишь приспосабливаясь к новым фактам жизни (например, к войне). Был ли случай, когда Сталин поступил исходя из интересов русского народа, если его не заставляли это делать другие обстоятельства? Я таких случаев привести не могу. Но зато часто он поступался интересами русских. Например, во

время войны в немецкой армии каждый солдат периодически получал отпуск — как откровенно признавал Гитлер, чтобы немецкий народ не сокращался. Сталин не мог не знать мер, принимаемых противоположной стороной, в других случаях их перенимал — но не в этом. (В начале войны это еще можно было объяснить отчаянным положением, но с 1943 года было ясно, что война выиграна, Сталин сам это говорил Жукову.) А в результате русские перенесли такой демографический удар, что в начале 1980-х годов в школах РСФСР училось приблизительно столько же детей, как и до войны. А в республиках Средней Азии — в 3 — 4 раза больше. И понятно: убиты во время войны были 1 русский из 16 и, например, 1 узбек из 36. Русские составляли около половины населения и 66% среди убитых (32). Но со своей точки зрения Сталин был прав: после войны при коммунистическом строе стало жить гораздо большее число людей, чем до нее.

Примеров подобного рода много. Так, в 1936 году в связи с принятием новой конституции СССР и уже при полном всевластии Сталина была создана Казахская ССР, которой передали многие коренные русские земли и несколько миллионов русских жителей. Теперь их там жестоко притесняют. В 1945 году для поддержки коммунистического правительства Польши ей была передана большая территория в районе Белостока — Хелма, которую населяли два миллиона белорусов и украинцев (37). Теперь они подвергаются там свирепому ополячиванию и окатоличиванию. Сталин передал Порт-Артур Китаю и т. д.

Оценить роль государственного деятеля во время его жизни или вскоре после смерти — очень трудно. Здесь слишком влияют личные чувства (иногда субъективно совершенно оправданные). Объективной оценке роли Сталина очень помешал распространившийся было взгляд на него как на «мясника», «кровавого де-

била». Конечно, Сталин был выдающимся политиком — об этом говорит хотя бы то, как он победил всех своих конкурентов в партии, а во время и после войны, на новом для него дипломатическом поприще — западных политиков, даже таких выдающихся, как Рузвельт и Черчилль. Он умел ставить далекие цели, планировать их достижение и с колоссальными упорством и волей добивался успеха. Он хорошо знал людей (по крайней мере, некоторые их стороны), умел учиться (экономике, руководству войной). Он обладал колоссальной памятью и трудоспособностью. Черчилль писал, что среди современных ему политиков такой работоспособностью обладали только трое: он сам, Сталин и Гитлер.

Но вот и Гитлер был, конечно, выдающимся политиком (что признавал и Сталин). Главное для нас, не политиков, а обычных людей, — какие цели ставит себе политический деятель. Сталин же был политиком выдающимся, но не нашим, не русским (я здесь совсем не имею в виду его национальность). Целью его жизни было создание все большего социалистического государства на основах все более социалистических. Для этого он, вероятно, сделал больше, чем кто-либо другой. А русский народ использовался при этом как средство.

Откуда же возник образ Сталина — русского патриотического вождя, столь мало согласующийся с его действиями? Из всех публикаций чувствуется, что он обращен не к прошлому, а к будущему. Это образ того вождя, о явлении которого мечтают. Пишут: «Новый Сталин нужен России», «Сталин грядет»...

Драматизм ситуации заключается не в том, что был создан образ Сталина, не соответствующий истории: какой-то искусственно созданный образ мог бы играть мобилизующую роль. Гораздо важнее, что появление такого деятеля, которого ждут и рисуют в образе Ста-

лина, сейчас совершенно невозможно. Сталин мог проявить себя, только опираясь на партию того времени, поняв лучше других ее стимулы и возможности. Это были сотни тысяч отчаянных, волевых, диктаторски настроенных людей, готовых на жертвы и объединенных общим мировоззрением. Это были те, про кого Сталин говорил, что у 99 из 100 одна программа: «Бить кулака!»

Вот их дух (речь Рыкова на XV съезде): «Товарищи! Товарищ Каменев окончил свою речь тем, что он не отделяет себя от тех оппозиционеров, которые сидят теперь в тюрьме. Я должен начать свою речь с того, что не отделяю себя от тех революционеров, которые некоторых оппозиционеров за их антипартийные и антисоветские действия посадили в тюрьму». (Бурные продолжительные аплодисменты. Крики «ура!». Делегаты встают.) Ободренный Рыков накаляет тон: «...по «обстановке», которую оппозиция пыталась создать, сидят очень мало. Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем [не] придется в ближайшее время несколько увеличить». Это, в свою очередь, приводит зал в еще больший восторг: бурные и продолжительные аплодисменты, крики «ура!», делегаты стоя приветствуют Рыкова, поют «Интернационал». Нам уже этих людей не понять: уж песни-то зачем петь по поводу того, что кого-то собираются посадить в тюрьму? Теперь такого слоя нет. Есть безжалостные и отчаянные люди — уголовники. Но их как слой в принципе объединить невозможно — они никогда не вылезут из своих «разборок». А без такого слоя никакой новый Сталин невозможен — он и был лишь продуктом их коллективной воли.

Часто обсуждают вопрос: был ли Сталин жесток, любил ли своих детей? Сталин, видимо, не присутствовал при казнях и пытках, как, например, Петр I. Но если верен рассказ о том, что Паукер, чтобы потешить

Сталина, изображал перед ним, как Зиновьева вели на расстрел, то это свидетельствует об очень своеобразной психике. Да разве от этого что-то зависит? Гитлер был вегетарианцем, не пил алкоголя и любил свою собаку — многое ли это меняет? (Впрочем, не могу удержаться от одного замечания по этому, хотя и второстепенному, вопросу. Тонкое наблюдение принадлежит В.В. Кожинову: что русские иначе оценивают свою историю, чем Запад. Мы чувствительнее к совершенным у нас жестокостям. Например, русские в основном относятся к своей революции как к страшному, братоубийственному кровопролитию, а французы празднуют юбилей своей, устраивают парады и приемы. Иван Грозный был современником Генриха VIII, казнившего не меньше людей. Но в английской истории Генрих VIII остался «колоритной личностью», а в русской Иван Грозный — злодеем. Однако мы ведь русскими так до сих пор и остались. Может быть, в английской истории Сталин сохранился бы как «колоритная личность», а в русской памяти, думаю, останется злодеем.)

Весь новейший всплеск симпатий к Сталину имеет еще один печальный аспект. Это ожидание сурового, даже жестокого вождя, который нас спасет от надвигающейся гибели. При этом наши собственные усилия становятся излишними, ненужными. Одна статья так описывает роль Сталина: «Он «выдирал» русский народ «из гнилого, омерзительного бытия, как выдергивают из болота тонущего — за волосы. Тот, кого спасают, кричит, захлебывается, проклинает спасителя». Тем самым нам внушается психология пассивности, устранения от простых собственных решений — от того, что сейчас нужнее всего. (Сам собой при этом возникает и взгляд на русскую историю как на «омерзительное бытие».) Глубокий характер этого явления подтверждается тем, что мечты о появлении такого вождя необязательно связываются с коммунистическими симпатия-

ми. А ведь кандидатов на роль вождя-спасителя, «сильных личностей» (оплачиваемых банкирами) — широкий выбор. Сейчас их время.

Кризис, переживаемый нашим народом, не может не порождать болезненных духовных явлений. Таковы, например, в нашем глубоком падении мечтания о том, что наша экономика сама собой «оздоровится», что нам помогут западные инвестиции или Международный валютный фонд... В том же ряду и мечты о вожде, который нас спасет одной своей волей и мудростью, без наших усилий. Это единая тенденция: в момент смертельной опасности вместо того, чтобы собрать последние силы для борьбы с ней, отдаться успокаивающей, расслабляющей мечте. Конечно, в каждом движении вождь нужен, но он порождается самим движением. Возникнет активный, жертвенный, борющийся за Россию слой, тогда-то и появится его вождь. Но не в обратном порядке!..

И по другой, даже более важной, причине обращение к истории актуально и злободневно. Ведь по-прежнему и коммунистическая, и русская национальная идея действуют в нашей жизни. Лозунги коммунизма сейчас привлекательны, как давно не были, благодаря тому падению всей жизни, которое совершилось после разрушения коммунистического строя, то есть стараниями не столько современных коммунистов, сколько их противников. Все то, что было достигнуто: бесплатное образование, бесплатная медицина, дешевые квартиры и лекарства, издания Пушкина миллионными тиражами (и по доступным всем ценам), а под конец даже и Достоевского — все это представляется сейчас каким-то сказочным идеалом. И кажется естественным связывать это с осуществлением или, по крайней мере, с влиянием коммунистических принципов.

«После этого «не значит» вследствие этого», — говорит латинская пословица. Но, может быть, здесь мы

имеем исключение — наш развал жизни является именно следствием того, что распался коммунистический строй, а не того, какие силы и как это осуществили? В такой мысли укрепляют и представители правящего сейчас слоя — средства информации, политики и оплачивающие их банкиры, постоянно заявляя, что именно коммунисты являются их главными противниками. Не приемлющие совершившегося распада жизни, естественно, отшатываются от его «архитекторов» к тем, кто представляется их противоположностью. И логика эта не связана лишь с озлобленными стариками, не умеющими «играть по новым правилам», как стараются представить это средства информации. Она будет действовать и дальше, захватывая новые поколения. Поэтому то, как будут сочетаться симпатии к коммунизму с национальным русским сознанием, — вопрос не только настоящего, но и нашего будущего.

Этот вопрос представляется мне следующим образом. Человеческое общество существует лишь благодаря тому, что оно создало язык. Но язык состоит не только из отдельных слов: иногда целые идеологические системы, научные теории, художественные произведения играют роль «слов» — имеют целью передать одно определенное чувство, одну мысль. И когда люди голосуют за коммунистическую партию, ходят на коммунистические демонстрации, употребляют термины или символы из эпохи коммунистического строя — это тоже язык, который следует понять. То есть надо понять, что они этим хотят выразить.

Мне кажется, что для большинства из 30 миллионов, голосующих за коммунистов или участвующих в коммунистических демонстрациях, это наиболее привычный для них способ выразить свою верность стране, народу, исторической традиции России и неприятие происшедшего развала.

Для них красный флаг совсем не символ мировой

революции, а знамя, под которым их отцы или они сами воевали. Ленин для них символизирует не идею диктатуры пролетариата — а государство, в котором они прожили всю жизнь. Сталин — не коллективизацию, а выигранную войну. То есть это как раз большая часть тех, кто отказывается принять то «главное, на чем стоит режим» (как это приведено в начале данной работы в формулировке С.Г. Кара-Мурзы): «Жить малыми радостями, когда народ умирает».

Но тогда возникает вопрос: почему же этот большой слой, группирующийся вокруг организованной партии, имеет такое слабое влияние на реальную жизнь? Неужели противники настолько умнее? Мне кажется, ответ в том, что, кроме того понимания нынешнего «коммунистического языка», которое было выше приведено, существует еще и другое — и это «разночтение» лишает силы все движение. О каком-то не выговоренном разногласии свидетельствует хотя бы такая деталь: в программе КПРФ утверждается, что партия основывается на «идеологии марксизма-ленинизма», — а портретов Маркса на коммунистических демонстрациях нет, как ветром сдуло. Не думаю, что большинство демонстрантов знает о странной, нутряной ненависти Маркса к русским (например: «...не в суровом героизме норманнской эпохи, а в кровавой трясине монгольского рабства зародилась Москва, и современная Россия является не чем иным, как преобразованной Московией»), — видимо, просто ощущается какая-то несовместимость.

В чем «идея» организации современных коммунистов — КПРФ? Что они хотят «загнать страну в концлагерь» — это неумная «пугалка». «Концлагерем» страна не была и при Брежневе. А современную КПРФ можно скорее обвинить в том, что она слишком комфортно чувствует себя в нынешней демократии, переходит на роль второй партии режима. (Сколько было

их голосами утверждено премьеров и бюджетов, приведших к теперешнему обнищанию!) Уж в прошлое-то они стремятся не больше Гайдара. Вполне вызывает доверие как искреннее выражение своей позиции формулировка Г. А. Зюганова на уже упоминавшемся «круглом столе» («Наш современник». 1997, № 11): «КПСС погубили три фактора: монополия на собственность, монополия на власть, монополия на истину».

Но не случайно здесь отсутствует еще один, как мне кажется, самый важный фактор: ненациональность, то есть, конкретно, «нерусскость» (в делах, а не на словах). Это погубило КПСС, губит и нынешнюю КПРФ и все примыкающее к ней движение. С течением времени партия, конечно, менялась. Особенно во время войны в нее вступали люди, привлекаемые совсем не традиционной марксистско-ленинской идеологией. Но сохранился — особенно в руководящем слое — как «генетическая память» исконный коммунистический «интернационализм». То есть интерес участвовать в какой-то мировой игре, где русские — только средство. Это передалось и верхушке современной КПРФ.

Типичным примером того, как коммунистические, уже послесталинские вожди откровенно пренебрегли интересами русского народа, была передача Украине Крыма в 1954 году. Это же сказалось и в экономической политике: вся страна (кроме богатого нефтью Азербайджана) дотировалась за счет РСФСР. В тяжелейшие годы войны были созданы Академии наук Казахстана, Узбекистана, Армении, Азербайджана, Татарский, Киргизский, Карело-Финский филиалы Академии наук СССР. В российских институтах готовилась национальная интеллигенция теперешних стран СНГ или республик Российской Федерации, которая сейчас часто с такой враждебностью относится к России. В РСФСР около 15% мест в крупнейших вузах отдавалось поступавшим вне конкурса учащимся других рес-

публик. В 1973 году на 100 научных работников имелось аспирантов: среди русских — 9,7 человека, белорусов — 13,4, туркмен — 26,2, киргизов — 23,8. Русские и белорусы имели самый низкий процент лиц, обладающих ученой степенью. Таков же был и уровень жизни: в 1950-е годы доходы колхозников Узбекистана были в 9 раз выше, чем в РСФСР.

В идеологии постановление XXIV съезда КПСС (1971 год) декларировало: «Полное торжество социализма во всем мире неизбежно, и за это торжество мы будем бороться, не жалея сил» (чьих?). Тогда же «Правда» писала: «Да, Ленин родился в России, но российскую революцию он никогда не представлял себе иначе как составную часть и фактор мировой революции». Дух интернационализма был жив! Да и в речах тогдашних вождей ясной была полная отрешенность от исторической России, о «нашей стране» они говорили, только подразумевая: после 1917 года. Последнее такое заявление я помню от Горбачева. Еще будучи вторым человеком в партии (первым был Черненко), он поехал с визитом в Англию и на каком-то банкете напомнил, что «дипломатические отношения между нашими странами имеют долгую историю — они установились в 1924 году». Ну просто не мог он всерьез считать, что до революции у России и Англии не было дипломатических отношений! Очевидно, такова была сила идеологической традиции. (Впрочем, он-то легко выучивал новые слова и уже через несколько лет лепетал о «тысячелетней традиции» нашей страны.)

Было очевидно, что всякое соприкосновение с русской исторической традицией, попытка восстановления исторической памяти — болезненна для режима и вызывает ответный удар, обвинения в «патриархальщине», «антисоветизме», «идеализации старины», «отступлении от классовых критериев». Такие удары в свое время обрушились на В.В. Кожинова (за статью, где

упоминалось «Слово о Законе и Благодати» Иллариона Киевского), Ю.И. Селезнева (за книгу о Достоевском), Ю.М. Лощица (за книгу о Гончарове), М.П. Лобанова (за книгу об Островском), В.П. Астафьева и многих других. Удар начинался со статьи в «Коммунисте» или «Литературной газете» и реализовывался в запрете на публикацию, часто на многие годы.

С начала 1970-х годов тяга к национальным корням, к русской традиции стала пробивать себе дорогу и в официальных публикациях. Появился целый слой писателей, литературоведов, публицистов, пытавшихся осуществить эту тенденцию, не уходя в «подполье» или эмиграцию. После нападок на более низком уровне решительный удар со стороны партийного руководства был нанесен тогдашним руководителем Агитпропа А.Н. Яковлевым в статье «Против антиисторизма» («Литературная газета». 15.11.72). Автора беспокоило то, что, хотя Ленин уже предупреждал по поводу «патриархальщины», появились какие-то «проповедники теории «истоков», причем они ищут эти истоки «именно в деревне»... Если говорить точнее, то речь идет даже не о старой деревне, а о «справном мужике»... И с вершин Агитпропа напоминается: «...то, что его жизнь, его уклад порушили вместе с милыми его сердцу святынями в революционные годы, так это не от злого умысла или невежества, а сознательно». «А «справного мужика» надо было порушить. Такая уж она неуемная сила, революция». Но ведь статья на самом деле ставит принципиальный вопрос! Она предлагает всем критикуемым авторам открыто ответить на главный вопрос: надо ли было «порушить справного мужика»? Конечно, тогда это был скользкий прием: открыто заявить о своем сочувствии раскулаченным мужикам оппонентам Яковлева было слишком опасно.

Но вопрос не потерял актуальности и до сих пор (и, может быть, долго не потеряет). Теперь-то каждый мо-

жет на него ответить. Если признать, что раскрестьянивание было необходимо — хотя бы, предположим, чтобы выиграть войну или построить мощную державу, создать паритет в гонке вооружений, — то прав оказывается Яковлев: «справный мужик» и должен был быть «порушен». Тогда надо извиниться перед ним за то, что его статья во всех русских кругах 27 лет считалась эталоном антипатриотизма. Или надо признать, что путь, предполагающий уничтожение сословия, которое составляет 4/5 населения, недопустим, его нельзя и обсуждать (как не обсуждаем мы, например, экономических преимуществ умерщвления всех стариков старше 60 лет), а необходимо сосредоточить все силы на поиске другого пути. Ведь если признать, что «исторически целесообразно» было уничтожить русское крестьянство, то почему не может оказаться, что «целесообразно» уничтожить и весь русский народ? (Разумеется, речь идет об уничтожении крестьянства *как сословия* земледельцев, свободно распоряжающихся своим трудом. Физически было уничтожено лишь несколько миллионов их. Но ведь так и Гитлер планировал поступить с русским народом.)

Было и другое направление русской литературы и публицистики, игнорировавшее партийную цензуру. За это расплачивались жестче: в лагерь пошли В.Н. Осипов, Л.И. Бородин... И так до самого конца: в записке, поданной Андроповым в ЦК КПСС в 1981 году, говорилось: «В последнее время в Москве и ряде других городов страны появилась новая тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интеллигенции, именующей себя «руситами». Под лозунгом защиты русских национальных традиций они, по существу, занимаются активной антисоветской деятельностью. Указанная деятельность имеет место в иной, более важной среде, нежели потерпевшие разгром и дискредитировавшие себя в глазах общественного мнения

так называемые «правозащитники». Изучение обстановки среди «русистов» показывает, что круг их сторонников расширяется и, несмотря на неоднородность, обретает организационную форму. В связи с изложенным представляется необходимым пресечь указанные враждебные проявления...» (37)

Вот это равнодушие к судьбе русских, холодную настороженность к попыткам отстоять их интересы и унаследовала современная коммунистическая элита. Конечно, не на словах — сейчас уже все поняли, что патриотические слова прибавляют голоса на выборах, поэтому на словах все патриоты. Но как на деле? Вспомним начало войны в Чечне. Пресса коммунистической ориентации, сама КПРФ заняла в точности ленинско-власовскую позицию: «Мы ненавидим этот режим и будем бороться против войны, которую он ведет». А ведь в тот момент в Чечне уже три года шла чудовищная этническая чистка: сгон русского населения, грабежи, изнасилования, массовые убийства. Военные действия могли бы ее остановить, да хоть освободить русских рабов! Но какова была реакция прокоммунистической прессы? Одна газета напечатала статью самого Дудаева, другая — карикатуру, где неуклюжий, громадный русский солдат наступает на маленького чеченца и тащит за собой царя. Съезд КПРФ потребовал «немедленного прекращения военных действий». И сейчас все обвинения в адрес Ельцина — не в допущенном сгоне практически всего русского населения (полмиллиона!), не в том, что оказались напрасными все принесенные жертвы, — а в «войне». Надо было «не воевать»! (Правда, через некоторое время это пораженческое настроение сошло на нет: слишком зазорно было разделять позицию течения, возглавляемого Ковалевым.)

Дума — а решают коммунистические голоса — объявляет недействительными Беловежские соглашения.

Но всем ясно, что это ее решение есть просто декларация. А вот ратификация договора России с Украиной, легализующего границы, созданные этими соглашениями, — всецело в компетенции Думы. Тут она голосует «за». И решение опять зависит от коммунистических голосов, приходится даже С.Н. Бабурина, зам. председателя Думы, курирующего отношения со странами СНГ, заменить членом фракции КПРФ: Бабурин слишком громко возражал против договора. Уверяют, что это делается ради «дружбы с Украиной». Но голоса народа мы не слышим, а хочет ли теперешнее правительство Украины с нами «дружить»? Оно ничем этого не проявило. Сейчас их президент участвует в праздновании 50-летия НАТО, они проводят совместные маневры с НАТО. Да и договор снимает последние препятствия к вступлению Украины в НАТО (у нее теперь нет территориальных споров с другими государствами). Может быть, речь идет о «дружбе» компартий РФ и Украины? А ради этого окончательно отдаются Крым и Севастополь, рушится вся оборона России на Юге. Да наконец, в Крыму живут два миллиона русских, отчаянно борющихся за свое единство с Россией. Кто дал право распоряжаться их судьбами, будто это чьи-то крепостные? Эта вторая «передача Крыма» куда вредоноснее, чем первая, хрущевская: тогда «передача» была в пределах одного государства, а сейчас — другой, очень мало дружественной стране. И, кроме того, речь идет не только о жителях Крыма, но и о 12 миллионах русских, живущих на Украине: в Донбассе, Причерноморье... Их судьбу договор ничем не облегчает. Если уж такой акт, предающий русские интересы, стал возможен, то чего же ждать в будущем?

Поговорим и о будущем. Антирусские силы клеймят любое проявление русских национальных чувств «фашизмом» либо «антисемитизмом». И постоянно требуют принятия закона против «фашизма» — «анти-

семитизма», который, вне всякого сомнения, будут использовать как оружие против отстаивания любых русских интересов. Естественно было бы, предвидя это, внести (а если удастся, то и принять) закон «против русофобии» или «против оскорбления русского народа». Но тут левая часть Думы молчит. И понятно: ее верхний слой уже вошел в мировую элиту, ездит в Страсбург заседать в Совете Европы — а там на это посмотрят неодобрительно. Картина яростного противоборства, когда одни требуют запрета противной партии, а другие грозятся «вывести народ на улицу», выгодна обеим сторонам, но надо признать, что партии или движения, принципиально противостоящих установившемуся режиму, сейчас нет.

В современной коммунистической прессе можно встретить восторги по поводу вступления России в Совет Европы и речь лидера КПРФ о том, что это событие «пойдет нашей стране на пользу, поднимет ее авторитет в мире». И описание сотрудничества Ленина с таким гуманным бизнесменом — Хаммером. Или статью, где обсуждается возможность избрать президентом России Басаева: «Тебя, Шамиль, готового за свой народ на все», так как-де у нас во власти есть субъекты и похуже (повторяя старую пораженческую большевистскую позицию!). Или празднование 100-летия замечательного революционного поэта Багрицкого. Ведь самое его страшное стихотворение «Февраль» никак не сводится к тому, что еврей-революционер изнасиловал русскую: это его гордое понимание смысла революции (см. об этом в статьях К. Г. Мяло; 38). Или статьи против владыки Иоанна Санкт-Петербургского с оправданием гонений на священников и верующих. Когда после этого в коммунистической газете встречаешь заявление, что коммунист сейчас — это, собственно говоря, синоним патриота, то остается только развести руками.

Конечно, в наше время любая оппозиция, даже ды-

шащая марксистским духом, все равно чем-то полезна. Она что-то затормозила, процесс распада шел чуть-чуть медленнее. Но не ей под силу титаническая задача поднять Россию на ноги.

Как мне кажется, произойдет одно из двух: либо «язык» коммунистических понятий и символов будет заменен и осознан как требование социальной справедливости, стремление возродить великую страну, а марксистская «нерусскость» — как тенденция слоя, чуждого основной части народа (ничем не лучшего в этом смысле, чем «новые русские»), — это и был бы конец эпохи революции и Гражданской войны, тогда можно будет сказать, что «Россия переварила коммунизм» (по выражению В. Г. Распутина); либо русские надолго останутся расколотыми, большая их часть останется в стороне от борьбы за Россию.

Конечно, надежду сулит только первый выход. Россия находится в худшем положении, чем просто страна, потерпевшая поражение. Штамп «мессианства», гордыни избранничества, который любят клеить России, начисто выдуман. Но Россия всю свою историю опиралась на чувство, что она «сама по себе», не является ничьей копией, идет своим путем. То, что такие страны существуют (на единственность Россия никогда не претендовала), — надежда для мира. У человечества всегда должно быть несколько запасных вариантов. Истребительная и непонятная народу война 1914 года, революция, Гражданская война, коллективизация, раскулачивание, раскрестьянивание — не дали реализоваться тому собственному пути, который вырабатывался Россией. Сейчас происходит лишь юридическое оформление этой потери независимости.

Но путь Запада — тупиковый, это сейчас многие видят. Он основан на принципиальном отрицании того, что человек — часть Природы. Он строит жизнь на принципах техники, отличных и даже враждебных

основным принципам Природы. Природа гибнет, и рано или поздно дело дойдет и до человека — ее неотделимой части. Человечество должно создать образ жизни в единстве с космосом, а не в противостоянии ему. Органически близкая к космосу часть человечества — это крестьянство. Поэтому, вероятно, будущее зависит от способности людей восстановить тип жизни, в котором крестьянство играло бы достойную роль: «аграрно-индустриальный», как говорил Кондратьев. Россия имеет колоссальный и уникальный опыт именно в этом направлении. Существовавшие некогда возможности были упущены — до революции, в 1920-е годы. Теперь мы должны решать ту же задачу в неизмеримо более сложных условиях. Но зато у нас есть опыт и целый океан выработанных идей. Конечно, в буквальном смысле концепцию Чаянова не применить: страна совершенно другая, чем та, где 4/5 населения были крестьяне. Но такие колоссальные концепции, как и рукописи, «не горят» — они дают парадигму своего индивидуального жизненного пути. Ведь мы — тот же самый народ, который выработал этот совершенно своеобразный, уникальный путь развития, пригодный для большой части человечества. В нас течет та же самая кровь (или, более по-ученому, у нас те же гены), сохранились культурные, духовные традиции. Из моря идей, созданных в России от Менделеева до Чаянова, мы можем черпать и сейчас. Почему же нам не удастся в теперешних условиях разработать план этого «третьего пути», которого все сейчас ждут? А сейчас, непосредственно, дело даже не за ним, но за первыми мерами, которые позволили бы народу хоть подняться на ноги.

А они более-менее ясны всем. Кто сомневается в том, что необходимо прекратить воровство в общенациональном масштабе и судить главных воров; что нужно остановить выкачку последних ценностей из разграбленной страны; что нужно всеми оставшимися

силами противостоять хищнику, пытающемуся поработить весь мир? Нужна власть, которая на деле показала бы, что она народу — не враг, что ее главный интерес не снабжение Запада дешевым газом и нефтью, не тщательная охрана американского посольства в Москве, не заседания в Совете Европы, не квартиры в Москве и особняки под Москвой, — а обеспечение народу хоть самого скромного прожиточного уровня и надежды на устойчивую жизнь. И для этого сейчас никаких открытий не нужно. Нужны самая обычная честность и (это, вероятно, нужнее всего) политическая воля. Она же дается широкой народной поддержкой, доверием. Мы видим это на примере президента Лукашенко, который твердо держится вопреки всем политическим расчетам: против него и правительства Запада, и Международный валютный фонд, и СМИ всего мира... А чтобы была народная поддержка, нужен народ, ощущающий себя единым организмом.

Тут моя работа возвращается к своему началу (точнее, к главе «Нация»). «Национальная идея» одна только и может стать главной движущей силой жизни. Рискну выговорить и самое крамольное слово: речь идет о русской национальной идее. Все народы России, только сплотившись вокруг русского народа, имеют шанс выжить, иначе — кто разделит судьбу банановых (теперь скорее кокаиновых) республик Латинской Америки, кто отойдет к Турции (на положении курдов), кто — к Китаю (на положении Тибета) — и уж без всяких парламентов, без интеллигенции, обучающейся в институтах Москвы. Сила национального единения и есть тот единственный ресурс, способный дать энергию для рывка, который положит конец нашему «смутному времени». Да, сейчас нет политической силы, способной реализовать русскую национальную идею, есть только попытки на ней спекулировать. Но так и каждый человек решает стоящую перед ним задачу — мно-

гими попытками, отбрасывая негодные варианты. У нас ушло мучительно много времени на эти поиски — но ведь и задача-то грандиозная: в ней скрестились противоречия, которыми уже веками болеет человечество.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
2. Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. IV.
3. *Тухачевский М. Н.* Война классов. М., 1921.
4. *Кондратьев Н. Д.* Избранные сочинения. М., 1993.
5. *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. М., 1993. Т. 1.
6. Документы свидетельствуют (Сборник документов). М., 1989.
7. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД (Сборник документов). М., 1998. Т. 1.
8. *Филипп Миронов* (Сборник документов). М., 1997.
9. Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1919 — 1921 гг. (Сборник документов). Тамбов, 1994.
10. *Осипова Т. В.* Крестьянский фронт в Гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
11. *Козлов А. И.* Расказачивание // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
12. *Уэллс Г.* Россия во мгле. М., 1959.
13. *Преображенский Е. А.* Новая экономика. Опыт теоретического анализа советского хозяйства. М.,1926.
14. *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
15. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание (Сборник документов). М., 1999. Т. 1.
16. *Ивницкий Н. А.* Голод 1932 — 1933 гг.: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
17. *Redfield R.* Peasant society and culture. Chicago,1956.
18. Великий незнакомец (Сборник статей). М., 1992.
19. *Бухарин Н. И.* Вопросы теории и практики социализма. М., 1989.
20. *Чаянов А. В.* Крестьянское хозяйство. М., 1989.
21. *Чаянов А. В.* Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.,1991.

22. *Чаянов А. В.* Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. М., 1920. Ч.1.

23. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925 — 1936 гг. М., 1995.

24. *Выцлан М. А.* Последние единоличники. Источниковая база, историография // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

25. *Иеромонах Дамаскин.* Гонения на Русскую православную церковь в советский период // Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской православной церкви XX столетия. Т. 3 (в печати).

26. Трагические судьбы. М.: Наука, 1995.

27. *Глушко В. П.* Из истории начального этапа развития ракетно-космической техники в СССР// Начало. 1992, № 18.

28. *Белоконь В. А.* // Начало. 1992, № 17.

29. *Данилов В. П.* Феномен первых пятилеток// Горизонт. 1988, № 5.

30. Пятилетний план народно-хозяйственного развития СССР. Т. 1—4.

31. Новейшая история отечества. XX век. М., 1998. Т. 2.

32. Гриф секретности снят. М., 1993.

33. *Hoffann J.* Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg,1984.

34. Источник. 1995. № 2.

35. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

36. Karpinski J.Poland since 1944. Boulder — Oxford, 1995.

37. Источник. 1994. № 6.

38. Дневник писателя. Январь. Февраль. Март — апрель. М., 1996.

39. *Карпович Б. Н.* Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия (1917 — 1920). М., 1920.

40. *Репко С. И.* Война и пропаганда. М.: Новости, 1999.

Опубликовано в журнале «Москва»,
1999, № 10, 11.

СОЦИАЛИЗМ ИЛИ КАПИТАЛИЗМ?

Сейчас мне кажется гораздо более очевидным тот вывод, который я формулировал два года назад: противопоставление капитализма и социализма как альтернативных путей развития России — нежизненно, абстрактно. Это не противоположности, а две формы единой технологической цивилизации. И неслучайно пятиконечная звезда использовалась как символ коммунизма и одновременно начертана на государственном флаге США. Обе формы связаны с массовым уничтожением и ограблением деревни, колоссальной концентрацией людей в городах, вытеснением человека техникой во все большем числе областей жизни и губительным экологическим кризисом. Оба понятия очень расплывчаты и имеют много сильно различающихся вариантов: коммунистический советский социализм, немецкий национал-социализм, камбоджийский, югославский социализм... С другой стороны — капитализм США, Южной Африки, Латинской Америки... А Швецию — вообще куда отнести?

Концепция капитализма и социализма как двух «общественных формаций», из которых вторая уничтожает и сменяет первую, — марксистская догма, не выдержавшая сравнения с действительностью, подобно всем таким догмам. По «Коммунистическому манифесту», капитализм создает необходимые предпосылки социализма, «производит своих собственных могильщиков» — пролетариат. Тот совершает революцию и

«при помощи деспотического вмешательства в право собственности» устанавливает социалистический строй. В нашей стране, по крайней мере, все было наоборот. Социализм истреблял те жизненные силы, которые способствовали сохранению традиционного уклада жизни, мешали полному ее подчинению капиталистическому духу: крестьянское хозяйство и деревенскую жизнь, религию, чувство русского патриотизма. Социализм породил и «своих собственных могильщиков» — криминализированную партийную номенклатуру, она совершила революцию и теперь «при помощи деспотического вмешательства в право собственности» строит новую формацию, полностью подчиненную духу капитализма.

Конечно, во множестве вариантов социалистических государств, существующих сейчас или существовавших ранее, есть нечто общее, некая «квинтэссенция социализма». Именно она проявлялась некогда в мечтах о всемирной пролетарской революции, идее диктатуры пролетариата. Тогда это была мощная движущая сила жизни. Но у нас-то сейчас об этом уже все позабыли. Пытаясь примерить концепции капитализма и социализма к нашей реальности, мы видим, что они не помогают ориентироваться в жизни. Например, сейчас в пору обсуждать введение карточек на многие продукты. Но какая это была бы мера: капиталистическая или социалистическая? Ведь во время войны карточки были и в СССР, и в Англии! Реальное, глубинное разделение нашего общества проходит по совершенно другой линии: по отношению к России, ее индивидуальному лицу, исторической традиции. Являются ли они первичными ценностями, за которые прежде всего надо бороться, или могут быть объектом экономических и политических экспериментов, даже с риском летального исхода? А здесь противопоставление капитализма социализму никак не помогает: Россию одина-

ково приносили в жертву как интересам мировой революции, так и интересам «мирового экономического сообщества».

Но вот парадокс! Это, казалось бы, схоластическое противопоставление капитализма социализму вызывает колоссальный накал страстей.

Так, один автор пишет: «Все сторонники капитализма в России <...> предатели и враги простого русского советского человека» («Правда», 22.12.1993). Итак, в патриотическом движении появились уже свои «враги народа» и разыскивающий их НКВД. Другой же автор по поводу публикаций первого говорит: «Все это, в сущности, одна шайка, грызущаяся внутри себя за власть, но всегда готовая объединиться против того, кто посягнет на их общую основу — советчину». И добавляет: «Ни в одной своей статье, ни единым словом не одобрил я Совдепию» («Наша страна», 23 октября и 20 ноября 1993 г.). Хотя, например, весь мир, кроме автора, «одобрял Совдепию» за превосходную систему образования.

Видимо, проблема выбора между социализмом и капитализмом, нежизненная и надуманная в области реальной политики, вызывает очень реальные и острые переживания в области идеологии.

Как мне кажется, причина этого болезненного раскола в том, что термины вроде «капитализм», «социализм», «социалистический выбор и свобода» не определены хоть сколько-нибудь четко, не очерчен круг выражаемых ими понятий и эмоций. Это знаки, символы — целый язык, воспринятый неосознанно. Часто легче пересмотреть серьезную идеологическую концепцию, чем отучиться от такого «языка». А «язык» стал уже не соответствовать описываемым им сущностям. Мы сталкиваемся почти с недоразумением, но имеющим глубокие исторические корни и очень болезненным.

Я буду говорить здесь о тех, для кого основной бо-

лью сейчас является вопрос о судьбе России — быть ей или не быть? Это те, кто в общественной жизни составляет «патриотическое движение». И попытаюсь реконструировать, что же выражают входящие в него «коммунисты» и «антикоммунисты» своими лозунгами.

Для «коммуниста» слова «социалистический выбор» сегодня отнюдь не означают диктатуру пролетариата, «нарастание классовой борьбы» или стремление к мировой революции. Он выражает ими идею социальной справедливости, минимальной социальной защищенности для всех, провозглашение справедливости хотя бы как идеала, который если и не достигается в жизни, то хоть не попирается слишком нагло. Если он несет на демонстрации портрет Ленина, то из этого не следует, что он Ленина хоть когда-то читал и с ним согласен. Это символ. Ленин для него — основатель государства, в котором он прожил всю свою жизнь, вне которого не мыслил своего существования и из которого оказался вышвырнутым. Поэтому любые нападки на Ленина ранят его. Многое, что творилось под властью Ленина, претит его душе, но, защищая свой символ, он старается свалить это на Троцкого и «троцкизм». Красный флаг напоминает ему не баррикады революции, а жертвы войны. А еще все эти символы выражают его протест против улюлюканья и гоготанья средств массовой информации, пытающихся изобразить всю ту жизнь, которую прожил он (а может быть, и его родители), как скотское состояние, лишенное человеческих признаков. (Да еще когда проповедники этих концепций — сплошь штатные пропагандисты той эпохи.)

Для «антикоммуниста» же социалистическая терминология ассоциируется с предательством в Первой мировой войне (ставка на поражение своего правительства, деньги от немцев), с уничтожением свободного русского крестьянства — ядра русской нации, предательством своих военнопленных во Второй мировой войне («У

нас нет военнопленных, есть только предатели»), лагерями за колоски с уже убранного поля, запустением русской деревни, с 1970 годов — талонами на продукты, автобусами из подмосковных городов за продуктами в Москву, быстрым ростом детской смертности и алкоголизма, цензурой и постоянным притеснением Церкви.

У «коммуниста» мне хотелось бы узнать, что он конкретно понимает под социализмом? Включает ли это понятие единую, обязательную идеологию? Монополию государства как единого предпринимателя-собственника? Связывается ли «коммунизм» с «марксизмом»? (Интересно, что портретов Маркса не видно даже на коммунистических митингах.) Например, программа крупнейшей коммунистической партии — КПРФ — содержит ссылку на «марксистско-ленинскую идеологию». Надо ли это понимать как принятие основных принципов марксизма? Каково отношение к основоположному документу марксизма «Коммунистическому манифесту» и одному из основных его заявлений: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»? Как это согласовать с тезисом о многоукладной экономике? Каково отношение к учению Маркса о диктатуре пролетариата (которое в известном письме к Ведемейеру он называл своим основным вкладом в теорию)? А если отбросить указанные элементы, то что останется от марксизма, кроме «гнилого реформизма», вызывавшего у Маркса столько презрения и злобы?

Для всех, кто готов сотрудничать с людьми коммунистических взглядов и с коммунистическими движениями, важно уяснить себе их отношение к ленинской тактике в вопросе такого сотрудничества. Например, к тезису «Независимость профсоюзов — контрреволюционная проделка» и к призыву «пойти на всякие уловки, хитрости, нелегальные приемы (?), умолчания, сокрытия правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы». Или:

«Участие в буржуазно-демократическом парламенте не только не вредит революционному пролетариату, а облегчает возможности доказать остальным классам, почему такие парламенты заслуживают разгона, облегчают успех их разгона». Как пример очень успешного применения этих принципов Ленин приводит «разгон Учредилки 5/1 1918». Ответить на эти и многие подобные вопросы необходимо самим сторонникам социалистических и коммунистических взглядов — это сделает их жизненную позицию более цельной и последовательной. И задавать их следует не сверху вниз, посмеиваясь над противоречивостью их убеждений, а обращаясь к ним (имея в виду тех, кто принадлежит к патриотическому направлению) как к союзникам, которым хотелось бы помочь и чьи взгляды необходимо понимать, чтобы с ними сотрудничать.

В свою очередь, обращаясь к «антикоммунисту», я хотел бы спросить у него: какую цену он считает не слишком высокой за победу над коммунизмом? В конце концов, и Гитлер был последовательный антикоммунист — его победа привела бы к самому радикальному искоренению коммунизма. Антикоммунистом был и начальник штаба США генерал Тейлор, который, выйдя в отставку, заявил (в США крупным военным запрещено делать политические заявления, пока они находятся на действительной службе), что следует подвергнуть атомной бомбардировке районы, особенно густо заселенные русскими, тогда остальная страна развалится сама собой. После Второй мировой войны на Западе существовало течение яростной антикоммунистической эмиграции, обращавшееся к правительству США с призывом: «Атомкой по Москве!» Но ведь то, что сейчас грозит России, по своим последствиям сопоставимо с планами Гитлера или генерала Тейлора. Когда на одну чашу весов положено уничтожение России, а на другую — полное и окончательное искорене-

ние коммунизма, что для него («антикоммуниста») перевесит? Глядя с более высокой точки зрения: является ли коммунизм единственным проявлением зла на земле? И даже: является ли он сейчас самым крайним его проявлением?

Люди разных взглядов в любом случае могут сотрудничать в патриотическом движении: боролись же вместе католики, коммунисты и голлисты во французском движении Сопротивления. Но мне кажется, что ответы на вопросы, подобные сформулированным выше, очень очистили бы и прояснили атмосферу внутри патриотического движения. Это создало бы предпосылку для дружественного сотрудничества в основной стоящей перед нами задаче: спасти Россию от катастрофы, в которую она катится, и найти то сочетание элементов хозяйственной жизни, которое создаст уклад, соответствующий ее национальному духу и историческим традициям, обеспечит ее стабильное существование. Я уверен, что этот уклад будет включать широкую (хотя и не безграничную) свободу частной инициативы, уравновешенную политикой социальной справедливости, обеспеченной сильным государством.

Напечатано в газете «Литературная Россия», 1994, № 24.

БЫЛА ЛИ «ПЕРЕСТРОЙКА» АКЦИЕЙ ЦРУ?

ГДЕ ИСКАТЬ ПРИЧИНУ КАТАСТРОФЫ?

Падение России, распад Советского Союза и катастрофа, все сильнее сотрясающая страны-осколки, — экономическая, социальная, духовная, — за последние 10 лет мы были свидетелями драмы, равную которой трудно найти в истории. И нет оснований думать, что мы уже докатились до дна, — скорее всего, нас и наших детей ждут еще новые и новые испытания. Понять причины и смысл того, что произошло с нашей страной, — это будет, вероятно, надолго центральным вопросом русской мысли. Более того, без осмысления произошедшей катастрофы мы, я думаю, не сможем отыскать и выхода из нее.

Трудность этого вопроса соизмерима с его важностью. Уже сейчас на него предложено много ответов, высказано множество соображений. Мне кажется, что такая степень понимания, которая будет способна дать точку опоры для мировоззрения будущих поколений, может быть достигнута прежде всего в результате каждодневного опыта всего народа и лишь в результате многочисленных исследований и трудов: политических, социологических, экономических, художественных, как охватывающих весь этот исторический переворот, так и рассматривающих отдельные его аспекты. Настоящая работа посвящена обсуждению одного частного вопроса — впрочем, такого, ответ на который определяет подход к рассмотрению проблемы в целом.

Речь идет об обсуждении концепции, схематичную формулировку которой я взял в качестве заглавия рабо-

ты. Более подробно — это точка зрения, согласно которой акт разрушения России, часто называемый «перестройкой», был результатом тайного действия сил, внешних по отношению к нашей стране: разведок, иностранных правительственных структур, «миллиардов ЦРУ», может быть, даже Трехсторонней комиссии и т. д. А осуществлялось это действие по программам, разработанным «советологическими центрами» согласно стратегии «психологической войны», их засланными или завербованными «агентами влияния».

Здесь необходимо одно уточнение. То, что влияние разведок, агентов иностранных правительств, «советологических центров» и т. д. имело место, — вряд ли может вызвать сомнение. Конечно, ЦРУ, например, заранее разрабатывало планы на *случай* возникновения в СССР того или иного кризиса (как и КГБ, безусловно, имело планы на случай возникновения в США расовых беспорядков, глубокого экономического кризиса и т. д.). Странно было бы, если бы западные разведки и правительства не пытались влиять на течение событий в нашей стране. Не раз убедительно указывались и конкретные лица, в которых можно увидеть западных «агентов влияния». Речь идет о том, были ли подобные внешние воздействия *основной причиной* произошедшего кризиса или они являлись *второстепенными* факторами, способствовавшими его углублению.

Идея о целенаправленном внешнем влиянии, об агентах, внедрявшихся в партийный аппарат, десятилетиями продвигавшихся вплоть до самых его верхов, а потом внезапно его разрушивших, очень соблазнительна. Она согласуется с катастрофическим, внезапным (в исторических масштабах) характером произошедшего переворота. Именно так проявился бы тщательно подготовленный заговор. Но ведь и лавина в горах обрушивается внезапно — а разве это результат заговора? С другой стороны, можно представить себе и существование заговора — в каком-то смысле этого слова, — но

чисто внутреннего характера. Мне кажется, что предположение, будто какая-то интрига Запада явилась основной причиной российской катастрофы, противоречит слишком многим фактам и самой логике истории. Далее излагаются аргументы, подтверждающие эту точку зрения.

НЕСООТВЕТСТВИЕ МАСШТАБОВ

Первый аргумент носит общий характер — он опирается не на конкретные факты, но апеллирует к логике исторического процесса. А именно: как мне кажется, существует разительное несоответствие в масштабах рассматриваемого явления и предлагаемого его объяснения. Разразившийся в нашей стране кризис разрушил тысячу лет создававшуюся державу Россию — СССР и грозит существованию того осколка, который теперь называется Россией. В любом случае его последствия будут сказываться еще столетия. Он кардинально изменил ситуацию во всем мире. По всем признакам это крупнейшее всемирно-историческое событие, объяснить которое запланированными внешними воздействиями несоизмеримо мелко. Сторонники материалистического мировоззрения стремятся объяснить решающие повороты истории развитием производства, столкновением интересов сословий или классов. Другие историки видят причины духовного характера: религия, национальное самосознание народа. Но так или иначе, радикальные изменения в ходе истории объясняются действием фундаментальных исторических сил. А «агенты влияния» ЦРУ или госдепартамента такими силами не являются, хотя могут быть их инструментами.

НАШИ «АГЕНТЫ ВЛИЯНИЯ» НА ЗАПАДЕ

Второй аргумент, наоборот, апеллирует к большому фактическому материалу (и поэтому его изложение

займет гораздо больше места). Речь идет об очень простом логическом заключении: если мы считаем, что «агенты влияния» и другие внешние воздействия способны вызвать крушение великой державы — СССР и всего коммунистического мира, то надо признать, что такую же эффективность это оружие имело и в руках Советского Союза. Если же вспомнить известные по этому поводу факты, то будет ясно, что воздействие Советского Союза на западный мир было несравненно сильнее, чем обратное влияние, с Запада на Восток, — так что если бы судьба борьбы социалистического и капиталистического лагеря определялась «агентами влияния» (даже в самом широком смысле) и техникой «психологической войны», то сейчас в развалинах должен был бы лежать не социалистический, а капиталистический мир. Некоторые из этих фактов стали известны сравнительно недавно благодаря распаду структур, охранявших государственные тайны в СССР. Но большая часть была хорошо известна и раньше, только драматические события последнего десятилетия вытеснили их из памяти.

Я просил бы читателя на время отвлечься от своих политических симпатий и антипатий, не исходить из того, действовали ли определенные личности и течения на пользу нашей страны или во вред ей. Мы пытаемся оценить эффективность некоторого особого оружия: «агентов влияния», «психологической войны» и т. д. Мы как бы присутствуем на всемирном полигоне, где это оружие испытывается. А эффективность оружия не зависит от того, какой стороной конфликта оно используется.

Я сознательно напомнил здесь лишь одну сторону ситуации, так как другая — агрессивное давление США и Запада на остальной мир — сейчас все время перед глазами и ее-то нет опасности забыть. США — страна, содержащая самую большую армию за своей границей

(более полумиллиона), осуществившая с 1946 по 1975 год 215 военных вторжений, — конечно, использовали все свои возможности для борьбы с СССР и коммунистическим лагерем. Цель дальнейшего — напомнить, что этому давлению долго противостояло не меньшее и часто более успешное давление. Фактов, иллюстрирующих такую мысль, существует очень много — я приведу лишь несколько самых ярких.

В Англии в 1930-е годы среди молодежи были широко распространены левые настроения: враждебность к существовавшему в стране строю и симпатии к СССР. Особенно широко эти настроения были представлены среди студентов элитарных университетов: Оксфордского и Кембриджского. Члены коммунистических ячеек и «попутчики», сочувствующие коммунизму, легко входили в контакт с советской разведкой. Так, в 1930-е годы в Кембридже были завербованы Гарольд Рассел, Ким Филби, Дэвид Мак-Лейн, Гэй Берджес, Энтони Блент, Джон Кэйркросс. Впоследствии они заняли высокие посты в МИД, разведке и других правительственных органах. Они не только передавали ценную информацию НКВД, но и обрабатывали информацию, которая поступала в английские правительственные органы.

Так, во время войны правительство информировалось о том, что в Югославии борьбу с немцами ведут только партизаны Тито, в результате чего только им оказывалась помощь (Черчилль сказал: «Мне все равно, кому помогать, лишь бы они убивали немцев»). Мак-Лейн дослужился до поста первого секретаря английского посольства в США и имел доступ к секретной информации — не только английской, но и американской. В книге генерала НКВД Судоплатова (подробнее о нем будет сказано позже) сообщается, что именно от Мак-Лейна в 1941 году была получена первая информация об английском атомном проекте: это был доку-

мент на 60 страницах. Он же информировал позже советскую сторону о незначительном количестве атомных бомб, изготовленных в США к концу 1940-х годов, и о неспособности США начать тогда атомную войну. В 1952 году, опасаясь разоблачений перебежавшего на Запад сотрудника НКВД, Берджес и Мак-Лейн бежали в СССР. Другие члены той же группы сохраняли свое положение гораздо дольше. Так, Блент до 1972 года играл видную роль в организации охраны королевской семьи. В 1979 году он был разоблачен, но отделался тем, что был лишен рыцарского звания и уехал во Францию.

В США группа влиятельных советских агентов действовала в окружении президента Рузвельта, также начиная с 1930-х годов. Наиболее известны среди них Алджер Хисс и Декстер Уайт. Хисс играл ведущую роль в планировании экономики в начале президентства Рузвельта. В частности, им разработан «Акт об упорядочении земледелия», оказавший большое влияние на экономику США. Потом он перешел в госдепартамент и занял там высокое положение.

Ко времени конференции в Ялте он стал основным советником Рузвельта по внешнеполитическим вопросам. Через его руки шли все документы госдепартамента, направлявшиеся Рузвельту. Он неоднократно присутствовал при переговорах Рузвельта со Сталиным. Госсекретарь Стеттиниус пишет в своих дневниках, что Хисс «всегда был за спиной президента». Хисс играл ведущую роль в создании ООН: в частности, он председательствовал на конференции в Сан-Франциско по разработке устава этой организации. Согласно заявлению сенатской комиссии, «занимая обе должности — председателя оргкомитета и высшего лица в госдепартаменте по делам ООН, он имел широкие возможности формирования секретариата ООН». В книге Судоплатова цитируется справка, составленная в НКВД о Хис-

се: «в высшей степени симпатизирующий СССР». Нет, однако, указаний, что Хисс являлся платным агентом.

Декстер Уайт был заместителем министра финансов при министре Моргентау, из ближайшего окружения Рузвельта. Он был также руководителем действий министерства финансов, связанных с внешней политикой. Уайт играл решающую роль в создании Международного валютного фонда и был его директором. Имя Уайта упоминается в связи с одним из важнейших эпизодов Второй мировой войны: нападением Японии и вступлением США в войну. Неоднократно высказывалось предположение, что нападение было спровоцировано Рузвельтом и его советниками, систематически подготовлявшими вступление США в войну против Германии. Решающую роль играла нота США от 26 ноября 1941 года, ультимативно требовавшая вывода японских войск из Китая и выхода Японии из союза с Германией и Италией. Она явно не оставляла Японии другого выхода, кроме войны. Более того, высказывалось предположение, что Рузвельт догадывался о том, куда Япония нанесет удар, и, желая сделать конфликт необратимым, сознательно ослабил оборонную готовность базы в Перл-Харборе. Например, содержание ноты и ответ Японии не были сообщены командованию базы. Автором ультиматума от 26 ноября 1941 года, как выяснилось позже, был Уайт. Недавно в «Правде» появились статьи писателя В. Карпова, автора произведений о Второй мировой войне, где опять упоминается об этом. В одной из них говорится о советском агенте генерал-лейтенанте В. Павлове: «Я располагаю американскими документами... Был такой г-н Вайт (то есть Уайт! — *И. Ш.*), с которым наш разведчик Павлов работал. Он представил Рузвельту проект той ноты, фактически написанной по «конспекту», одобренному Сталиным. Комиссия (по антиамериканской деятельности) несколько раз допрашивала Вайта, и он

после одного из допросов умер, несчастный! Он много доброго для нас сделал». Действительно, нападение Японии на США не дало ей возможности начать войну против СССР.

В заявлении комиссии Конгресса США говорится: «Алджер Хисс, Декстер Уайт и их сообщники из коммунистического подполья в правительстве обладали властью оказывать решающее влияние на американскую государственную политику и политику международных организаций во время Второй мировой войны и в годы непосредственно после ее окончания. Они обладали властью оказывать решающее влияние на создание и деятельность Организации Объединенных Наций и подчиненных ей учреждений. Их власть не была ограничена официальными должностями. Она заключалась прежде всего в доступе к руководящим правительственным деятелям, а также в их возможностях представлять или скрывать информацию, на которой должны были основываться решения их начальников».

Хисс и Уайт были разоблачены американской коммунисткой Элизабет Бентли, служившей связной НКВД, а также работавшим на ГРУ Уиттекером Чемберсом. Хисса не могли осудить за шпионаж, так как истек срок давности, но он был осужден на 5 лет за лжесвидетельство, так как сначала отрицал обвинения. Он отсидел 3 года и 8 месяцев. Уайт также отрицал обвинения, но когда ему были предъявлены фотокопии его донесений, сделанные Чемберсом, сознался. После этого был отпущен домой и на другой день найден мертвым.

Судоплатов пишет, что Хисс и Уайт были источниками информации и входили в ячейку Натана Григория Сильвер-мастера, выходца из России. Кличка Хисса была Марс. В ту же ячейку входил и Лаухлин Кэри, советник Рузвельта по иностранным делам во время войны. В 1949 году он покинул США. Данные о Хиссе

были позже подтверждены на основании досье венгерского агента Ноэля Фильда, работавшего с тем же офицером ГРУ, что и Хисс. Как пишет Судоплатов, по данным офицеров ГРУ, Рузвельт создал для наиболее деликатных целей свою собственную разведывательную сеть, которой руководили Хисс, Гопкинс и Гарриман. Он считает, что против Хисса были еще более веские улики, но они были скрыты по соглашению с ФБР, чтобы не компрометировать Рузвельта и Трумэна.

Одновременно с Хиссом, Уайтом и Кэри были разоблачены как советские агенты Натан Витт, секретарь Национального совета по трудовым соглашениям, Ли Прессман, юрисконсульт Конгресса производственных профсоюзов, Джон Абот, специальный помощник Генерального прокурора. Вообще, тогда в правительственном аппарате и печати влиянием пользовались люди «левых взглядов», с симпатией относившиеся к коммунизму и коммунистическим движениям — таким, как движения Кастро на Кубе или Мао в Китае, а с антипатией — к противостоящим им коррумпированным реакционным режимам.

Часто невозможно было определить, являлись ли они советскими «агентами влияния», орудиями «психологической войны» или просто «левыми». Так, полугосударственная организация — Институт тихоокеанских отношений — практически определяла американскую политику в Китае в течение пятнадцати лет. Это влияние значительно способствовало поражению Чан Кайши. Например, в правительственные круги передавалась информация, изображавшая китайских коммунистов как демократов и «сторонников земельной реформы». В результате Чан Кайши было предложено ввести в состав правительства коммунистов. Когда он отказался, полностью были прекращены поставки из США. Разработанная институтом финансовая политика вызвала колоссальную инфляцию в Китае и массо-

вое недовольство населения режимом Чан Кайши. Эта политика проводилась министерством финансов под руководством Уайта и представителя этого министерства в Китае, Соломона Адлера, также разоблаченного позже как коммунистического агента.

Точно так же от руководства госдепартамента и от общественности долго утаивалась информация о том, что Кастро является коммунистом и получает поддержку от Советского Союза. Такую информацию, в частности, тщательно заглушал начальник отдела Карибского района в госдепартаменте Вильям Виганд. Хотя Виганд был дипломатом в Боготе в 1948 году, когда Кастро возглавил восстание в Колумбии и через захваченную радиостанцию передавал обращения, начинавшиеся словами: «Говорит Фидель Кастро, говорит коммунистическая революция». Когда Кастро возглавил восстание на Кубе, Виганд провел эмбарго на поставки оружия тогдашнему правителю Батисте. Пресса называла Кастро «новым Авраамом Линкольном» («Нью-Йорк таймс»), по телевидению его интервьюировали: «Ведь вы не коммунист, Фидель? Вы ведь верующий католик, не правда ли?» Ведущий резюмировал: «Народ Соединенных Штатов глубоко уважает вас и ваших людей, потому что видит в них возрождение духа Джорджа Вашингтона».

Мировое коммунистическое движение было несравненно большей силой, чем засланные или закупленные «агенты влияния», техникой «психологической войны» оно владело несравненно лучше, чем Запад. Особенно в эпоху Сталина и Хрущева, когда оно еще твердо направлялось Москвой и не возникали разные вольности и уклонения типа «еврокоммунистов». Постоянно внушалась идея, что коммунисты должны ставить интересы Советского Союза выше интересов «своей» (как некогда писал Ленин, в кавычках) страны. Все время повторялись лозунги: «Советский Союз — родина трудящихся (или коммунистов) всего мира». Когда

было создано НАТО, в противовес была проведена удивительная акция. В одной стране за другой на трибуну парламента выходил представитель коммунистической фракции и произносил фразу (во всех случаях в точности одну и ту же): «Коммунисты не будут, никогда не будут воевать против Советского Союза». Именно это стереотипное воспроизведение с нелепым повторением («не будут, никогда не будут») придавало всей акции характер «запланированности», выполнения директивы. И можно представить себе, каким аргументом иногда была подобная декларация, повторяющаяся в десятках стран, когда в некоторых странах (Франция, Италия) коммунисты составляли крупнейшую партию.

ПРИМЕР: УТЕЧКА АТОМНЫХ СЕКРЕТОВ США

Один частный сюжет особенно ярко характеризует переплетение всех этих сил: прокоммунистических настроений интеллигенции, «агентов влияния» и действий советской разведки. Это американский «Атомный проект» (создание атомной бомбы) и то, как информация о нем поступала советской стороне. Рассказать об этом сейчас особенно интересно, так как появилась новая и сенсационная информация — книга генерала НКВД П. Судоплатова (написанная совместно с сыном А. Судоплатовым) «Особые задания». Книга вышла на английском языке, скоро выходит русское издание. На эту книгу мы уже ссылались. Судоплатов является компетентным свидетелем, так как именно он курировал в НКВД получение информации об «Атомном проекте» — для этого был создан особый «Отдел С.» (по его фамилии) под его руководством.

Связи советской разведки с западными атомщиками начались еще до войны. Судоплатов[1] рассказывает,

[1] *Павел Судоплатов.* Разведка и Кремль. М., 1996.

что еще в 1930-е годы, работая в Италии, агент НКВД Григорий Хейфец обратил внимание на физиков Э. Ферми и Б. Понтекорво как на убежденных антифашистов и возможный источник информации.

Когда они эмигрировали в США, Хейфец связался через них с Оппенгеймером. В 1941 году Хейфец передал полученную от Оппенгеймера информацию о том, что ряд выдающихся физиков, включая Эйнштейна, участвуют в некоем тайном проекте и добились для него крупных ассигнований от правительства. Более тесную связь с Оппенгеймером установила агент НКВД Елизавета Зарубина. Хейфец познакомил ее с женой Оппенгеймера Екатериной, симпатизировавшей коммунистическим идеям и Советскому Союзу. Они вдвоем уговорили Оппенгеймера впредь воздерживаться от высказываний, отражающих коммунистические и вообще левые симпатии, а вместо этого делиться информацией с группой немецких антифашистов. Под их влиянием он привлек к работе в Лос-Аламосе Фукса, согласившегося работать с советской разведкой. В эту группу был включен и один из крупнейших физиков Сциллард. Характерной является позиция одного из курьеров, использовавшихся этой группой, — Мориса Коэна, завербованного НКВД, еще когда он добровольцем участвовал в гражданской войне в Испании. Коэн, в свою очередь, привлек к работе свою жену Лону. Первая ее реакция была — это предательство! Но муж убедил ее, что они борются за всеобщий мир и справедливость, а это в принципе не может быть предательством. В результате Лона стала очень эффективным курьером — впоследствии именно она передала чертежи атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму.

Судоплатов говорит, что с такими людьми, как Оппенгеймер, Ферми и Сциллард, нельзя было обращаться как с обычными агентами. Вместо денег или шантажа Хейфец использовал атмосферу общих интересов и

идеализма. НКВД тщательно старалось обращаться с Оппенгеймером и другими как с друзьями, а не рядовыми агентами, играло на идее сохранения мира через равновесие сил. Использовались и другие аргументы. Судоплатов пишет: «В 1943 г. всемирно знаменитый актер московского Еврейского театра Соломон Михоэлс вместе с известным еврейским поэтом Итиком Феффером совершил поездку по США как представитель Еврейского антифашистского комитета. Перед их отъездом Берия проинструктировал Михоэлса и Феффера подчеркивать большой вклад евреев в культуру и науку Советского Союза. Их цель была собрать деньги и убедить американское общественное мнение в том, что антисемитизм в СССР уничтожен в результате политики Сталина. Хейфец постарался, чтобы мысли, распространяемые ими, дошли до Оппенгеймера. Хейфец утверждал, что Оппенгеймер, сын еврейского эмигранта из Германии, был глубоко взволнован информацией о том, что положение евреев в Советском Союзе было прочным».

Оппенгеймер и Ферми имели клички *Звезда* и *Издатель*, иногда — для обоих — *Звезда*. Так, телеграмма из Нью-Йорка, передававшая дату первого атомного взрыва, шла как информация от Карла (Фукс), Млада (Понтекорво) и Звезды (Оппенгеймер и Ферми). Оппенгеймер, Ферми и Сциллард помогали НКВД внедрять своих «кротов» в основные атомные центры — Теннесси, Лос-Аламос и Чикаго — как ассистентов в этих лабораториях. Первое сообщение об удачной цепной реакции было получено от Понтекорво. Через несколько часов после завершения эксперимента советский агент получил телеграмму с условным текстом: «Итальянский мореплаватель достиг Нового Света». К лету 1943 года НКВД получило 286 секретных документов. От одного только Оппенгеймера было получено 5 секретных документов, описывавших развитие «Атомного проекта». Полученные НКВД отчеты содержали

фотографии установок в Окридже и 12-страничный отчет, содержавший описание бомбы, «тот отчет стал основой нашей программы на ближайшие 3 — 4 года», — пишет Судоплатов. НКВД было информировано не только о технических деталях проекта, но и о личных отношениях и трениях между сотрудниками.

Совершенно особую роль играла информация, полученная от Фукса. «В 1944 году от Фукса мы знали график, объем и развитие Манхэттенского проекта. От него мы узнали принцип взрыва атомной бомбы и причину, почему именно этот метод был выбран. Он же сообщил сравнительный анализ действия реакторов с воздушным и водяным охлаждением. Планы завода по разделению изотопов урана, которые сильно сокращали объем необходимого уранового сырья». В 1946 году Фукс переехал в Англию и был там связан с советским агентом, с которым встречался 6 раз, обычно каждые 3 или 4 месяца, в Лондоне. Фукс сообщил точное количество произведенного в США урана U-235 и плутония. Отсюда следовало, что только к 1955 году запас бомб США и Англии будет достаточен для военного поражения СССР. Сталин мог быть уверен, что в 1940-е или в начале 1950-х годов Запад не пойдет на войну. Я помню выступление Хрущева, где он отдавал справедливость Сталину, что только благодаря его железной выдержке Советский Союз ни в чем не уступил Западу, когда тот обладал монополией на атомную бомбу. Теперь видно, что железная выдержка опиралась на прочное основание — донесения Фукса. Вообще, многое сейчас видится по-новому. Например, часто повторялся рассказ Трумэна, как он сообщил Сталину на Потсдамской конференции о создании нового сверхоружия — атомной бомбы и как на лице Сталина не дрогнул ни один мускул. Теперь мы знаем, что самообладание Сталина имело вескую основу: вероятно, о ряде этапов «Атомного проекта» он узнавал раньше

Трумэна (как вице-президент, тот не был допущен ко многим секретам).

Наконец, нельзя не упомянуть о роли, которую во всей этой истории играл патриарх атомной физики — великий Нильс Бор. По словам Судоплатова, Бор не был советским агентом, но влиял на политические взгляды Оппенгеймера. Он уговаривал Рузвельта и Черчилля поделиться с Советским Союзом информацией об «Атомном проекте» и создать единый атомный центр. На более близкий контакт он пошел в 1945 году. Тогда в США был опубликован так называемый «Отчет Смита», содержавший много информации о производстве атомной бомбы. Официальная цель отчета — информировать общественное мнение. Но он имел и другую цель — дезинформировать советских физиков. Там было столько неверных утверждений, что Оппенгеймер отказался подписать его. Чтобы отсеять эту дезинформацию, была организована встреча с Бором. Организовать ее помог прогрессивный датский писатель и давний друг Советского Союза Андерсен Нексе. С советской стороны был направлен сотрудник НКВД Лев Василевский и физик Терлецкий (я довольно хорошо знал Терлецкого, но и не подозревал о его тайной деятельности!). Согласно отчету Василевского, когда они встретились с Бором, тот очень волновался, у него дрожали руки. Он, видимо, почувствовал разницу между пропагандой идеи «партнерства с союзником» и встречей с агентом секретной службы. Поэтому на следующих встречах Василевский не присутствовал. Бор ответил на 22 вопроса Терлецкого. Отчет Терлецкого сейчас у нас опубликован.

Непосредственно созданием советской атомной бомбы руководил Курчатов. В письме Курчатова заместителю председателя Совета министров Первухину, приведенном у Судоплатова, говорится: «Материалы, с которыми мы познакомились, дают возможность получить важнейшую ориентировку для наших исследова-

ний и узнать о новых научных и технических подходах к проблеме». Под давлением Сталина и Берии, требовавших скорейшего создания бомбы, Курчатов пошел по пути копирования американского образца. Так, согласно Судоплатову, возникла бомба, взорванная в 1949 году. Но параллельно шла работа и над более самостоятельным вариантом, который осуществился в бомбе, взорванной в 1951 году.

«ЛЕВЫЕ»

После рассмотрения этого примера вернемся к общей картине влияния со стороны Советского Союза и коммунистического мира на Запад. Гораздо шире, чем коммунистическое движение, во всем мире существовало «левое» движение, крайне враждебно относившееся к капиталистическому строю, особенно к США, и с очень большой симпатией — к коммунизму и Советскому Союзу. К этому течению принадлежали многие из духовных и интеллектуальных вождей Запада. Так, престарелый Бернард Шоу, посетив в 1931 году Советский Союз, сказал: «Для меня, старого человека, составляет глубокое утешение, сходя в могилу, знать, что мировая цивилизация будет спасена... Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели». А когда его спросили о слухах по поводу голода, сопутствовавшего коллективизации, возразил: «Помилуйте, когда я приехал в Советский Союз, я съел самый сытный обед в моей жизни!» Шоу был одним из представителей очень влиятельного в Англии течения «фабианского социализма», к которому принадлежал ряд видных писателей, экономистов, министров и премьеров. Один из них, генеральный секретарь лейбористской партии Гарольд Ласки, писал, что критика Советского Союза может ослабить позиции социализма и лейбористской

партии. Еще ярче высказался французский философ П. Сартр, когда, уже после войны, на Запад стали проникать слухи о концлагерях в Советском Союзе, — он призывал игнорировать эти слухи, «так как они могут вызвать отчаяние французского пролетариата». Частным, но ярким примером того, как тесно западная левая интеллигенция была связана с коммунизмом, служит история убийства Троцкого в Мексике. Так, вилла, на которой жил Троцкий, была предоставлена ему знаменитым мексиканским художником Риверой (коммунистом). С другой стороны, в первом (неудавшемся) покушении участвовал не менее знаменитый художник Сикейрос, а после второго (удавшегося) убийцу пытался спасти Пабло Неруда, служивший тогда в чилийском посольстве.

В послевоенное время возникла целая сеть международных организаций левого направления, враждебных западному и дружественных по отношению к социалистическому лагерю. Тут был Всемирный конгресс сторонников мира, Всемирный совет мира, Всемирный совет церквей и многие другие. Их деятельность сейчас кажется (если ее вспомнить) даже прозрачнее, чем была тогда: мы видим, как действовали те механизмы, которые сейчас действуют в нашей стране, — только тогда они были направлены в обратную сторону.

Например, когда Советский Союз имел большое преимущество над Западом в численности армии и обычных вооружениях, а вся надежда Запада покоилась на преимуществе в атомном оружии, — Всемирный конгресс сторонников мира опубликовал «Стокгольмское воззвание», требовавшее абсолютного запрета атомного оружия. Его, как говорили, подписало по всему миру 500 млн человек, а в СССР — 115,5 млн («то есть все взрослое население», как говорится в Большой советской энциклопедии). Позже, когда был достигнут паритет в атомном оружии, требования его запрета утихли. (Так, в наши дни «демократы» и «пра-

возащитники» яростно требуют запрета применения авиации в Чечне — ее нет у Дудаева, но ею обладают федеральные войска.)

Всемирный совет церквей почти на каждой сессии поднимал голос то против американских зверств во Вьетнаме, то против апартеида в ЮАР (что вполне было достойно осуждения). Но странным образом он хранил строгое молчание по поводу темы, которая, казалось бы, должна быть ему ближе всего: жестокого гонения на Русскую православную церковь (входившую в этот Совет), осуществленного Хрущевым, когда за два года было закрыто более половины действовавших тогда храмов, были произведены аресты священников и епископов. (Так в наше время «наше» телевидение, как только началась военная операция в Чечне, держало зрителей в постоянном шоке: экран не покидали картины разрушенных зданий, горы трупов, плачущие дети. И в то же время, в течение трех лет правления Дудаева, занавес полного молчания был опущен на происходившую в Чечне трагедию, когда сотни тысяч русских были путем террора согнаны со своих земель, изгнаны из домов и бежали в Россию, многие тысячи были избиты, покалечены, изнасилованы, убиты. Жители казачьих станиц рассказывали, что посылали обращения, наполненные этими страшными фактами, и президенту, и в Думу, и на телевидение, и в газеты, но не получили ни от кого даже ответа!)

В послевоенные годы существовал обширный круг широко известных (или широко разрекламированных) односторонне ориентированных «левых». Это были известные философы, священники (даже настоятель Кентерберийского собора, то есть высший иерарх англиканской церкви), ученые, писатели, артисты, эстрадные певцы. Их приезды в Советский Союз сопровождались приемами и приветствиями (наших «демократов» встречают сейчас в США более скромно). Было создано несколько премий — Международная Сталин-

ская (потом — Ленинская) премия «За укрепление мира между народами», Международная премия мира, — которыми они награждались. (Точно так же, как сейчас можно получить премию в США, если настойчиво добиваться поражения России в Чечне и натравливать Запад на Россию.)

«НОВЫЕ ЛЕВЫЕ»

Критического состояния положение в США достигло в 1970-е годы, когда проявились мощные антиправительственные силы, особенно в связи с войной во Вьетнаме. Протесты против этой войны возникли с начала 1970-х годов, а вскоре стало ясно, что по тем или иным причинам силы, контролирующие средства информации, заинтересованы в том, чтобы США проиграли войну во Вьетнаме. Освещение этой войны носило утрированно односторонний характер, знакомый нам по освещению военных действий в Чечне нашими средствами информации. Сходство почти цитатное, например: «Даже испытывая симпатию к ребятам, летящим на американских самолетах, и к их семьям, приходится признать большее мужество северных вьетнамцев... избранный лидер западной демократической страны действует как обезумевший тиран... Посылая «В-52» против таких населенных районов, как Ханой или Хайфон, можно иметь лишь одну цель: террор. Это была реакция человека, охваченного сознанием своей недостаточности и неудачи, способного только бомбить, карать, разрушать».

Каждый день американцы видели на экранах своих телевизоров падающие бомбы, разрушения, невинные жертвы. Обозреватели интервьюировали отправляющихся во Вьетнам солдат, задавая им вопросы: «Вы понимаете, что может с вами случиться?», «Вы боитесь за свое будущее?», «Вы согласны, что дух вашего подразделения низкий?» Военные новости излагались в севе-

ро-вьетнамской редакции. Телекомпании передавали специально снятый северо-вьетнамский фильм и отказывались передавать фильм, приготовленный по заказу правительства США. Политики, корреспонденты, общественные деятели отправлялись в Северный Вьетнам, передачи велись прямо оттуда (как передачи из бункера Дудаева). При этом показывались разрушенные налетами школы и больницы, но не военные объекты.

Постепенно это настроение захватило и конгресс. После того как Киссинджер подписал Парижское перемирие с Северным Вьетнамом, означавшее американскую капитуляцию, постановления, которые принимал конгресс, стали носить гротесковый, издевательский характер. Конгресс санкционировал, например, поставки оружия в Южный Вьетнам и Камбоджу, которые были обещаны, но отказал в поставках боеприпасов к нему. Вскоре пал не только Южный Вьетнам, но и Камбоджа и Лаос.

Когда после окончания войны в США стали прибывать беженцы из Юго-Восточной Азии и освобожденные американские военнопленные из Вьетнама, они оказались очень нежелательными гостями для средств информации. Соответственно их и встречали. Если, интервьюируя преступника в тюрьме, ему из деликатности закрывали лицо, то у беженцев спрашивали их имена и место их жительства, совершенно не заботясь о том, как это отзовется на их оставшихся родственниках. Пленных допрашивали — раскаиваются ли они, вспоминая о жертвах, вызванных их бомбами, и смущенно свертывали передачу, когда они пытались рассказать о притеснениях и пытках, перенесенных в плену. В результате вокруг них была создана такая атмосфера, что, как многие из них потом писали, они оказались изолированными в собственной стране и иногда даже в собственной семье.

Идейной основой всей кампании против вьетнамской войны служила концепция борьбы с «американ-

ской империалистической идеологией», которая должна была быть искоренена. Я помню, что очень часто слышал тогда эти слова от своих американских коллег, которые почти все были «левыми». И после этого для меня очень знакомо звучали призывы к «борьбе с имперским мышлением», раздавшиеся с началом «перестройки» в нашей стране. Примечательно, что теперь, когда США уже несомненно ведут чисто имперскую политику, причем в очень грубой форме, слов об опасности «американской империалистической идеологии» в Америке не слышно — во всяком случае, из «левых» кругов и средств информации.

Отношение левых радикалов и средств информации к войне во Вьетнаме было лишь одним из проявлений глубинных духовных изменений в американском (а также и во всем западном) обществе. В нем распространилась враждебность ко всему господствовавшему тогда образу жизни. Так, специалист по средствам массовой информации (занимавший при президенте Никсоне пост представителя по связи со средствами информации) Брюс Гершензон в книге «Боги антенны» описывает дух, господствовавший в американском кино в начале 1970-х годов: «Взгляните на созданные в то время фильмы, высмеивавшие правительство. Их было много. А фильмы, хвалившие его? Их не было или было очень мало. Взгляните на фильмы, осмеивавшие полицию. Их было много. А фильмы, ее хвалившие? Их не было или было очень мало. Взгляните на фильмы, осуждавшие американское общество в целом. Их было много, а фильмы, изображающие его с симпатией? Их не было или было очень мало. Взгляните на фильмы, критиковавшие американскую политику во Вьетнаме. Их был много. А фильмы, ее оправдывающие? Их не было или было очень мало. Соединенные Штаты были искаженно представлены на экране». Видимо, не было у них только фильма «Так жить нельзя». Но как этот стиль отличается от современного амери-

канского кино, полного героями войны во Вьетнаме и доблестными полицейскими!

Волна негативных чувств, поднятая вьетнамской войной, после прекращения военных действий вылилась в Уотергейтском деле. В обычной грязи американской политической жизни Никсон вряд ли переступил какую-то новую границу (во всяком случае, в цитированной выше книге Гершензон приводит ряд примеров аналогичных действий предшествовавших президентов). Но он имел репутацию «правого», например, в начале своей политической карьеры способствовал разоблачению Хисса, в то время как левые политические круги пытались заглушить возникший скандал. И он произнес крамольную фразу о «молчаливом большинстве», тем самым ставя под вопрос право средств массовой информации говорить «от имени народа». Вот как, например, торжествовало телевидение по поводу конца «дела Уотергейта»: «Речь идет о том, как избавиться от трупа. Президент как дохлая мышь на кухонном полу американского дома. Вопрос в том, кто возьмет ее за хвост и выбросит на помойку? Теперь не особенно важно, подаст ли он в отставку, тем самым отправив себя в гигиенический контейнер, или конгресс выкинет его при помощи мусорного совка. Но, исходя из срочных санитарных соображений, необходимо удалить этот разлагающийся политический труп из Белого дома. Действие должно быть быстрым и кратким. Цветов не присылать».

Согласно идеологии левого движения, зло современного западного общества заключалось не в господстве классовых интересов капиталистов, а в «структурах» и организациях, ловивших маленького человека в свои сети и превращавших его в механическое средство для достижения своих абсолютно бесчеловечных целей. Человек, вписывающийся в эту систему и пытающийся по ее правилам добиться своего маленького счастья, и представляет наибольшую опасность.

Такие люди включают газ в газовых камерах и сжигают напалмом деревни. Публицист, изучавший студенческие беспорядки той эпохи (о них будет сказано подробнее ниже), видит их основную причину во «всеохватывающей ненависти к людям, представляющим власти или администрацию: правительству, полиции или администрации университета». Тон задавало убеждение, что «американское общество и правительство прогнило до предела, когда улучшение его невозможно, так что разрушение университета равносильно тому, чтобы отломить сук у безнадежно сгнившего дерева». В такой распространенной газете, как «Интернэшнл геральд трибюн», можно было встретить заявление: «Жизнь не может быть хуже и бесполезнее, чем в Америке сейчас». Декан известного учебного заведения — Иэйльской драматической школы — заявил, что поддержит любые произведения искусства, цель которых — разрушение общества.

Общество, согласно взглядам «левых», было основано на «буржуазных гражданских правах», которые устанавливали режим «репрессивной терпимости», на самом же деле было «тоталитарным, основанным на манипулировании, репрессивным и антидемократичным». Как говорилось в одной декларации: «Наше сопротивление лишило ореола законности и святости институты, потерявшие благодаря этому авторитет и уважение. Поскольку в наших глазах они нелегитимны, они не могут быть основой права». Институты и действия западного общества, как правило, характеризовались как «фашизм». Один из лидеров движения «новых левых» Том Хайден в публичной дискуссии на вопрос об их целях ответил: «А у нас их нет. Сначала мы совершим революцию, а потом выясним, зачем она была нужна».

Этот общий подъем агрессивности специфически выразился в молодежных (главным образом студенческих) волнениях, прокатившихся по всему западному

миру, а в США — еще и в негритянских волнениях. Студенческие волнения проявлялись в основном в оккупации университетских зданий (это называлось «освобождением университета»), а также в бойкоте занятий (и особенно экзаменов). Летом 1970 года волнениями были охвачены почти все 2500 высших учебных заведений США. В ответ на захваты университетов власти использовали полицию, дубинки, газ, аресты.

Арестованы были тысячи студентов (только в одном колледже в штате Огайо — 500). В Вашингтоне накануне общенациональной демонстрации кроме полиции в боевую готовность было приведено 5600 солдат регулярных войск. Такая же волна студенческих выступлений прокатилась по Франции, Германии и другим западным странам. Демонстрации собирали десятки тысяч человек. В Париже 13 мая студенты захватили Сорбонну, объявив Парижский университет «автономным народным университетом, постоянно открытым для трудящихся», и удерживали ее больше месяца.

Студенческие волнения концентрировались вокруг двух основных лозунгов. Прежде всего — это протест против войны во Вьетнаме. В США студенты, получавшие военные повестки, демонстративно жгли их. Как сообщила газета «Нью-Йорк таймс», из американской армии дезертировало 73 тысячи человек. Я хорошо помню один типичный пример борьбы с вьетнамской войной, так как этот эпизод возглавлял мой коллега, хорошо известный математик из университета Беркли. Протестующие пытались остановить поезда, везущие солдат для отправки во Вьетнам. Для этого они легли на рельсы. Ситуация очень красочно описана в студенческой газете: «Поезд мчался на нас. Негодяи, они не хотели остановиться! Убийцы!» Студенты, однако, как и планировалось, в последний момент отбежали. Но на следующий день мой коллега вскочил на подножку и стоп-краном остановил поезд. Его осудили и приговорили к штрафу. Когда я его спросил, зачем он это сде-

лал, он ответил, что это был самый дешевый способ добиться освещения его позиции большинством газет. Но война во Вьетнаме рассматривалась лишь как один из признаков вырождения системы и как повод, мобилизующий на борьбу с ней. Один из наиболее влиятельных идеологов «новых левых», Герберт Маркузе, писал: «Если в этом смысле Вьетнам может рассматриваться не просто в качестве очередного события международной политической жизни, а скорее как событие, связанное с сущностью системы, то, быть может, он знаменует и поворотный пункт в развитии системы, возможно — начало конца».

Другим лозунгом студенческого движения в США было равноправие негров. В этом оно сливалось с непосредственно негритянским движением и его наиболее радикальными течениями типа «черных пантер» и «черной власти». Они требовали правительственных капиталовложений для поднятия жизненного уровня негров, освобождения негров от военной службы (так как армия США используется для угнетения цветных народов), вооружения негров для защиты от зверств полиции и даже «проведения под наблюдением ООН плебисцита в черной колонии США, в котором примут участие только граждане этой черной колонии и в ходе которого будет выяснена воля черного народа относительно своей национальной судьбы» («черные пантеры»). Идея сепаратистского «суверенитета», победившая в Советском Союзе, созрела на 20 лет раньше в США! Белое американское общество обвинялось в заговоре с целью истребления негров. Негритянский писатель и общественный деятель Джеймс Болдуин предупреждал: «Белая Америка, по-видимому, всерьез рассматривает вопрос о массовом уничтожении». Другой негритянский лидер Стокли Кармайкл говорил: «Многие из нас чувствуют — многие из нашего поколения чувствуют, — что они готовы начать геноцид против нас».

Степень агрессивного возбуждения, охватившего

студентов, характеризует следующий, почти анекдотический случай. Профессор, читавший лекцию об истоках итальянского фашизма, привел цитату: «Теперешнее состояние непереносимо, истеблишмент удушает все живое, спонтанная ненависть молодых сил нации должна подняться, чтобы сокрушить дряхлую систему и освободить основные силы обновления и революции». Не успел он закончить цитату, как шквал рукоплесканий поднялся в аудитории. И в нем потонули заключительные слова лектора, что цитата — из Муссолини!

Агрессивность вела к прямому насилию и подталкивалась в эту сторону лидерами. Один из них провозгласил: «Как бы мы этого ни хотели, мы недостаточно сильны, чтобы разрушить Соединенные Штаты. Но мы достаточно сильны, чтобы разрушить Колумбийский университет!» Негритянский лидер Ф. Фанон призывал к «революционному насилию» и «революционной жестокости». Немецкий лидер левых Р. Дучке выдвинул лозунг: «Партизанская борьба в джунглях больших городов!» Сартр заявил, что время культуры ушло, наступило время революции. Действительно, эти было время подъема левого терроризма: «группа Баадер-Майнхоф» в Западной Германии, «красные бригады» в Италии... И виднейшие представители западной интеллигенции поддерживали, подстрекали и оправдывали их. Например, Г. Белль писал по поводу «группы Баадер-Майнхоф», на совести которой было много убийств, что «к ее боевикам следует применять те же нормы, что и к противоположной воюющей стороне в войне».

РЕВОЛЮЦИЯ

Все левые движения вдохновлялись образом революции. Предполагалось, что грядет неслыханная по радикальности революция, которая разрушит весь фундамент прежней жизни. В отличие от всех прежних революций, она будет направлена не на одну сторону

жизни общества, а будет состоять из пяти революций: экономической, политической, национальной, сексуальной и «психоделической». Экономическая революция должна была разрушить капиталистическую систему и основанное на ней «общество потребления», политическая — «систему», превращающую человека в манипулируемый автомат. Национальная революция, предполагалось, освободит национальные меньшинства (прежде всего — цветных в США) от эксплуатации белого большинства и народы «третьего мира» — от эксплуатации Запада. Сексуальная революция должна была разрушить буржуазную, патриархальную, моногамную семью. И это была не чистая риторика. Создавалось впечатление, что на какое-то время западный мир помешался. Порнографическая литература и секс-клубы превратились в одну из самых доходных сфер бизнеса. Газеты пестрели объявлениями вроде такого: «Супружеская пара ищет другую пару для совместного проведения отпуска в групповом браке». Иногда к этому добавлялось слово «стерео» — означавшее, что в групповом браке будут участвовать и лица одного пола. Возникли целые коммуны, состоявшие в групповом браке, где не играл роли ни возраст, ни пол участников, — например, знаменитая «Коммуна № 2» в Западном Берлине. Наконец, «психоделическая революция» предполагала разрушение «буржуазной индивидуальности» посредством коллективного употребления наркотиков и рок-музыки, которая, как считалось, играет аналогичную роль. Новая «культура наркотиков» противопоставлялась старой культуре, в которой общение было связано с потреблением алкоголя. Ряд политических деятелей включали в свою программу требование свободной продажи некоторых наркотиков — особенно марихуаны. Один из вождей «новых левых», Джери Рубин, предлагал даже марихуану как проверку на «левизну». Профессор университета может и клеймить войну во Вьетнаме, и признать экзамены репрессивными дей-

ствиями, но предложи ему на вечеринке сигарету с «травкой» — и он испугается. Значит — не наш.

Движение «новых левых» опиралось на философию, разработанную яркими и очень популярными тогда мыслителями: Сартром, Адорно, Маркузе. Основой этой философии была концепция «тоталитарности» и «репрессивности» западного общества. Как говорил Маркузе, «тоталитаризм есть не только террористическая организация общества, но и не террористическая, экономико-технологическая организация, действующая через манипуляцию создаваемыми потребностями... система производства и распределения, вполне совместимая с «плюрализмом» партий, газет и т. д.». «Массовое производство благ не порождает свободу, оно создает лишь эффективный контроль». «Массовое производство и массовое распределение тотально подчиняет себе всего индивидуума». «Под властью репрессивного единства свобода может быть превращена в мощный инструмент контроля». Создается язык из терминов-штампов: «свобода», «равенство», «демократия», «мир», настойчиво внедряемый в сознание. «Эти ритуализированные концепции делаются иммунными по отношению к противоречиям, с которыми они сталкиваются». «Сама терпимость буржуазного общества является репрессивной терпимостью» — худший вариант тоталитаризма, опирающийся на внедрение репрессивных потребностей в самую структуру инстинктов человека. Человек настолько приспосабливается к этой репрессивности, что перестает ее ощущать, тем более — бороться против нее. Маркузе сравнивает граждан современного западного общества с прирученными домашними животными или подопытными кроликами.

В результате возникает существо, для которого Маркузе придумал термин «одномерный человек». Все «собственно человеческое» вытесняется из сознания и подчиняется целям производства. «Уничтожение «двумерной культуры» происходит не путем отрицания и

отбрасывания «культурных ценностей», но через их полное включение в установленный порядок, через их массовое воспроизводство и распределение». Как писал Ионеско, «концлагеря (немецкие. — *И. Ш.*) были не исключительным, чудовищным явлением. Это была лишь квинтэссенция и образ того адского общества, в котором мы живем». В результате, как говорил Адорно, подлинная борьба за будущее начинается лишь тогда, когда придет сознание, что так жить просто невозможно, а свет надежды может только охладить пыл и решимость бойца.

Это мироощущение формулировалось в концепции «Великого Отказа» — тотального отрицания всего существующего общества, признания того, что в нем нет ничего позитивного. Этот отказ основывался на «негативной диалектике» — восприятии жизни как «негативной тотальности», в чем Маркузе считает себя продолжателем Маркса и Гегеля. Выход может быть в психологии «перманентного вызова», «перманентного восстания» и бунта даже против «наиболее возвышенных проявлений традиционной культуры, против наиболее эффективных проявлений технического прогресса», воплощающих во всех случаях «социальную репрессивность».

Таким же духом было движимо и «левое искусство», и его идеологи. Адорно писал: «Сейчас музыка души превращается в музыку рынка». Музыка «тем лучше, чем глубже может запечатлеть силу общественных противоречий и необходимость их преодоления, чем яснее она выражает в антиномиях собственного формального языка бедственное состояние общества». Преодоление противоречий подразумевает «увековечение страдания» и «трансценденцию отчаяния». Он вообще признавал возможность существования лишь культуры, выражающей невозможность ее в теперешнем виде. Андре Бретон призывал развивать «антикультуру». Г.М. Энценсберг писал: «Культура — последний оплот буржуазии».

Когда Сорбонна была оккупирована студентами в мае 1968 года, надписи на стенах гласили: «Культура — извращение», «Долой искусство — мы не хотим жрать труп!», а Сартр более конкретно заявлял: «Что касается «Моны Лизы», то я дал бы ее сжечь и нисколько бы об этом не пожалел».

Перед нами признаки тотального кризиса, охватившего тогда Запад, затронувшего самые основы общества и грозившего его существованию. Налицо была идеология абсолютного неприятия сложившегося на Западе общественного уклада, ненависти и готовности к насилию и разрушению. Эта идеология опиралась на концепции, разработанные течением острых и широко мыслящих философов, во многих случаях очень тонко подметивших и проанализировавших коренные дефекты современного западного общества. Тогда не раз высказывалась мысль, что Запад повторяет русскую историю с опозданием на 100 лет: терроризм, полное отталкивание интеллигенции от власти, сочувствие террористам, всеобщее ожидание революции. Дословно повторяются те же самые идеи. Например, приведенное выше высказывание левого лидера Хайдена, что революция является самоцелью, надо сначала ее совершить, а потом решить, что делать дальше, повторяет неоднократно высказанную Бакуниным идею: «Так как нынешнее поколение само находится под влиянием этих гнуснейших условий жизни, которые оно теперь разрушает, созидание не должно быть его задачей, а задачей тех чистых сил, которые возникнут в дни обновления». Знаменательно, что среди надписей, оставленных на стенах Латинского квартала студентами за время его оккупации в мае 1968 года, встречалось гораздо больше цитат из Бакунина, чем из Маркса.

Внутренний кризис имел, конечно, и далекие геополитические последствия. Не только была проиграна вьетнамская война, но почти весь Индокитай: и Лаос, и Камбоджа попали под власть коммунистического ре-

жима. Многие африканские страны находились под влиянием Советского Союза или Китая — последней, по-видимому, была Ангола. Александрия стала базой советского военно-морского флота. Брюс Гершензон пишет: «Америка уступила свою позицию мировой державы» (именно это сейчас можно сказать о России). В Лос-Анджелесе в 1961 году сенатор Додд сказал: «Выступая в декабре в Париже, я утверждал, что если пройдет еще 15 таких лет, как последние 15 лет, то свободный мир (термин, обозначавший США и их союзников. — *И. Ш.*) не будет более существовать. В свете того, что произошло за прошедшие 8 месяцев, я должен пересмотреть этот срок. Нам больше не осталось 15 лет». Выступая перед комиссией конгресса, генерал Ведемайер, возглавлявший стратегическое планирование штаба США во Второй мировой войне, на вопрос председателя, сколько времени осталось у Америки, чтобы попытаться предотвратить «коммунистическое господство», ответил: «Сэр, по моему скромному убеждению, сейчас уже слишком поздно».

Для обсуждаемой нами темы особенно важно, что все элементы кризиса, переживаемого после войны западным миром: студенческие волнения, терроризм, приход к власти коммунистических правительств в Китае, Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, на Кубе и в Анголе, прокоммунистические настроения интеллигенции, — все это лица, пытавшиеся бороться с кризисом, как правило, объясняли «рукой Москвы», действиями «коммунистических агентов». Ключевыми словами, присутствовавшими почти во всех выступлениях, статьях и книгах представителей этого лагеря, были: «коммунистический заговор».

Каким образом Запад смог преодолеть этот кризис и выйти из него (хотя бы временно) в 1980-е годы — это вопрос, ответ на который очень существен для понимания хода истории в последние десятилетия. Но безусловным является глубокое ослабление и внутрен-

ний раскол Запада в течение 1950 — 1970-х годов. Мы обрисовали, и то лишь частично, мощное влияние Советского Союза и коммунистического мира через «идеологическую войну», при помощи «агентов влияния» и спецслужб. Если бы этот фактор играл в жизни решающую роль, то бесспорно, что западный мир к настоящему времени был бы разрушен.

СОПОСТАВЛЕНИЕ С СЕРБИЕЙ

Наконец, в качестве еще одного аргумента мы применим обычный прием рассмотрения другой, аналогичной ситуации — то, что в естественных науках называют «контрольным экспериментом». Для России таким «контрольным экспериментом» может служить Югославия, которая приблизительно в то же самое время пережила столь же жестокое потрясение. Югославия тоже распалась — но на этом аналогия заканчивается. Сербы не сдались, их правительство не заняло униженно-угодливую позицию по отношению к силам Запада, сербы в Боснии и Крайне борются за свое существование. И, как это ни странно, при вопиющем неравенстве сил, кажется, сербы начинают выигрывать, несмотря на временные отступления. Сам дух народа заметно отличается от того, что можно наблюдать у нас. При блокаде (санкциях ООН) и войне им не легче, чем нам, но общее ощущение гораздо увереннее. Как правило, они говорят: «Мы готовы воевать сколько угодно, мы завещаем эту войну нашим детям, но восстановим Великую Сербию».

А ведь то же самое оружие: «агенты влияния», «психологическая война», — да еще подкрепленное войсками НАТО, действует и в отношении Югославии. Ярким примером «агента влияния» был Милан Панич, американский гражданин, с ошибками говоривший по-сербски, приехавший в Югославию в 1992 году, получив на это специальное разрешение госдепартамента США.

Он был назначен премьер-министром; казалось бы, над страной был окончательно установлен контроль. Но через полгода, в декабре 1992 года, он попытался баллотироваться в президенты, полностью провалился и исчез с политической сцены. Значит, различие ситуации в Югославии и России определяется какими-то внутренними причинами, по-разному проявляющимися в наших странах.

Так почему же тогда распался Советский Союз, разрушена и продолжает разрушаться наша экономика, седьмая часть русского народа находится на положении неполноправных граждан других государств, а сепаратизм грозит целостности оставшейся России? На этот вопрос моя статья не претендовала предложить ответ. Я хотел только аргументировать вывод, что основная, определяющая причина лежит не в каких-то внешних воздействиях Запада, а во внутренних процессах, происходивших в стране. Мне кажется, что этот вывод — оптимистический (насколько может быть оптимистичным что-то в нынешнем состоянии катастрофы).

Неверно, что «Запад победил Советский Союз в «холодной войне». Победа предполагает большую силу духа и жертвенность, а Запад слаб так же, как и прежде. Военные силы 24 стран победили Ирак, уничтожив 150 000 иракцев. Но как нервно реагировало тогда американское общественное мнение! Жертвы американцев измерялись десятками. Но, как писали газеты, если бы их были сотни, то карьера президента Буша была бы кончена (впрочем, она закончилась и так). Даже Сомали изгнало американцев со своей территории! Кризис Запада не осознан и не изжит, а только загнан внутрь. Не даны сколько-нибудь вразумительные ответы на вопросы, поднятые критиками западного общества из числа философов течения «новых левых».

Теперешнее полное изменение соотношения сил в мире — это не следствие усиления Запада, не действия каких-то неподконтрольных нам сил, а результат внут-

ренних событий, произошедших в нашей стране, то есть в конце концов результат определенных действий (или бездействия, когда нужно было действовать) определенных лиц в нашем обществе или в нашей истории. А значит, такими же действиями положение может быть изменено. Мы еще имеем шанс — а если не мы, то наши потомки.

ЛИТЕРАТУРА

John A.Stormer. None Dare Call if Treason. Liberty Bell Press, 1964.

Bruce Hershenson. The Gods of Antenna. Arlington House Publishers, 1976.

Gerberding Smith. The Radical Left. Houghton Mifflin Company, 1970.

Баталов Э. Я. Философия бунта. М.: Политиздат, 1973.

Бела Кепеци. Идеология «новых левых». Левое студенческое движение в странах капитала. М.: Прогресс, 1977.

Pavel Sudoplatov and *Anatoli Sudoplatov.* Special Tasks. Little Brown and Co, 1994.

Допрос Нильса Бора // Вопросы истории естествознания и техники. 1994, № 4, с. 117 — 122.

Паризе Г. Беседа// Иностранная литература. 1969, № 9.

Опубликовано в журнале
«Наш современник», 1995, № 7.

КАК УМИРАЮТ НАРОДЫ

МЫ ВЫМИРАЕМ?

Состояние русского народа в последние годы трудно характеризовать иначе как *катастрофа*. Его численность сокращается приблизительно на миллион человек в год — вот уже в течение трех лет. Если так будет продолжаться, то к середине XXI века русских будет около 50 миллионов человек.

И как раз за это время, вероятно, подавляющая часть земель России станет гораздо более ценной: согласно анализу многих экологов, промышленная деятельность ведет к усиленному выделению в атмосферу таких газов, как метан и углекислый газ, создающих так называемый «парниковый эффект», и, как следствие, приведет к повышению температуры к 2030 году примерно на 2,5°C, а в северных районах — до 8°C. Это сделает многие южные земли засушливыми и неплодородными, другие будут затоплены океаном, уровень которого поднимется в результате таяния полярных льдов. Но как раз необъятные области нашего Севера станут плодородными, и условия жизни в них станут гораздо легче (1). Население Юга, где ухудшение климатических условий совпадает с центром самого быстрого роста населения, будет стремиться заселять плодородные и удобные для обитания земли России. Да уже и сейчас мы испытываем давление громадной человеческой массы Китая.

Резко сократившееся население не будет в состоянии ни освоить, ни защитить наши громадные земли от давления Востока и Юга. Какая у нас будет армия через

20 лет, предопределено уже сейчас, здесь ничего никакими мерами изменить нельзя — эти мальчики уже родились. Вот подсчеты одного демографа. Оптимальная численность армии, необходимой для России, — 1,5 млн человек и 500 тысяч человек войск МВД, что при двухгодичной службе по призыву требует призыва 700 тысяч человек. В 1993-м и 1994 годах родилось по 600 тысяч русских мальчиков, число которых ко времени их призыва из-за бытовых смертей сократится до 500 — 520 тысяч человек, а после медицинской выбраковки и вследствие уклонения от службы даст 100 — 150 тысяч русских призывников. Другие нации дадут не более 50 тысяч человек (2).

Падение рождаемости и вымирание сказались на русских гораздо сильнее, чем на других народах России. Показатель естественного прироста у русских в 4 раза ниже (3). Уже в 1989 году русские, составлявшие 82% жителей страны, дали примерно такой же абсолютный прирост, как и все остальные нации (4). Этот процесс приведет к резкому росту численности нерусских наций в республиках, входящих в Российскую Федерацию, и к еще большему усилению сепаратизма. А если не русские, то кто же сможет удержать Россию от распада?

Те же признаки катастрофического упадка мы видим и в других областях жизни. Производство упало в два раза, и российская продукция почти полностью исчезла с нашего рынка. Останавливаются уже не отдельные заводы — работа прекращается в целых городах. Зарплату выдают только перед президентскими выборами. Из родильных домов только 1/3 детей выписывают здоровыми.

Весь развал жизни — от страны в целом до отдельного производства — глубоко потряс дух народа. Бешено растут наркомания и алкоголизм. За 1993 год число умерших от отравления суррогатами алкоголя увеличи-

лось на 85%. Было совершено 40 тысяч убийств. 56 тысяч человек покончили жизнь самоубийством — это почти в 4 раза больше, чем число убитых за всю войну в Афганистане (5).

Так что же, нам, русским, приходит конец? Наши враги с восторгом кричат, что — да! да! так оно и есть, на иной выход нечего и надеяться! Было бы опасным самогипнозом с порога отбрасывать такую возможность. Закрывая глаза на опасность, мы заранее отказываемся с ней бороться. Как ни страшно об этом говорить, нам пора обдумать этот вопрос, не отдавая себя исключительно во власть эмоций.

Действительно, народ — это социологический организм, имеющий, как и биологические организмы, начало и конец. История полна примеров народов, сошедших с ее арены. Такова многоэтапная гибель античности: сначала упадок городов-государств материковой Греции, потом эллинистической цивилизации, наконец, гибель Римской империи. Еще один пример — гибель Византии. Некоторые народы существовали очень недолго, исчезая внезапно: вандалы, авары-обры («И есть притча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре»). Жизнь других очень длительна — например, у китайцев. История дает богатый материал для сопоставлений. Используя его, можно попытаться почувствовать, переживаем ли мы сейчас конец существования нашего народа или можно надеяться, что мы являемся современниками лишь очень глубокого кризиса?

КОНЕЦ АНТИЧНОСТИ — ПАРАЛЛЕЛИ

В истории упадка Римской империи проявляется ряд явлений, хорошо нам знакомых по нашей последней истории.

1. Появляется чувство, что империя своими разме-

рами и своими завоеваниями взвалила слишком тяжелый груз на составляющие ее народы. Тацит сообщает, что еще Август оставил завещание, в котором советовал не увеличивать более размеры империи (6). Долгое время его наследники следовали этому совету — исключением было длившееся более сорока лет завоевание Британии. Последний взлет завоевательной активности был при Траяне в Дакии и Месопотамии (начало II века; все даты относятся ко времени после Рождества Христова). Но его наследник Адриан отказался от всех завоеваний Траяна в Месопотамии и перешел к оборонительной политике. Войны становятся все дороже. Ростовцев говорит: «Войны Траяна были бедствием для империи»; «Адриан понял, что у империи нет ресурсов для завоеваний» (7). Появляются оборонительные сооружения: Траянов вал в Восточной Европе, «стена Антонина» в Шотландии.

2. Уменьшается роль «государствообразующей» нации — в Римской империи — римлян и вообще жителей Италии. Уже Веспасиан (I век) уменьшал число итальянских солдат в легионах, так как они вербовались из недовольной и возбужденной среды жителей итальянских городов. Он покровительствовал самому широкому предоставлению римского гражданства жителям городов западных провинций (8).

Большинство императоров первой половины II века, «золотого века Антонинов», происходили из провинций: Траян и Адриан — из Испании, Антонин Пий и Марк Аврелий — из Галлии.

Септимий Север (конец II — начало III века) упразднил преторианскую гвардию, вербовавшуюся из жителей Италии, и заменил ее солдатами, вербовавшимися из провинций — в основном с Дуная. Дион Кассий пишет: «Тем он совершенно погубил молодежь Италии, которая обратилась к разбою и профессии гладиаторов вместо военной службы»; «Он пополнил сто-

лицу толпой солдат, диких на вид, которых страшно было слушать» (видимо, большинство из них не говорило по-латыни) (9).

Во времена Северов (III век) армия уже в основном состояла из жителей провинции. «Самыми боеспособными были легионы, набранные в Германии, Фракии и Иллирии — лишь недавно присоединенных к империи». «В III в. растет число наемников из числа наименее цивилизованных частей империи; арабов, мавров, фракийцев, бриттов, германцев, сарматов. Новая римская армия не была *римской* армией. Она была армией римского императора и государства, но не народа в самом широком смысле. Она не была частью населения и не представляла его интересов» (10).

Жители Италии официально утратили свое привилегированное положение в 212 году, когда эдиктом императора Каракаллы звание римского гражданина было присвоено всем свободным жителям империи. Экономически Адриан (II век) еще пытался поддерживать Италию, но потом он отказался от надежды сохранить ее экономическое превосходство и посвятил свои усилия провинциям. Септимий Север (III век) порвал с политикой Антонинов и встал на путь полной варваризации империи (11).

3. Убыль населения. Ростовцев считает, что в эпоху Антонинов (II век) она касалась лишь Италии и, может быть, Греции, но Зеек (12) полагает, что уже тогда она охватила всю империю. Во всяком случае ясно, что процесс обезлюдения начался с «центральных» областей империи — Италии. Еще Август издавал рескрипты, которые должны были способствовать прочности браков и рождению детей. Эдуард Мейер пишет: «Нерон и Траян учредили продовольственную помощь многодетным семьям, которую, в противоположность нашему обеспечению старости, можно назвать обеспечением юности. Была создана программа обеспечения

и воспитания государством бедных детей путем ассигнования огромных капиталов, которые беспрестанно увеличивались в результате пожертвований». Но «несчастье бездетности и безбрачия остается неизменным» (13). (В то время применялся метод «планирования семьи», не менее эффективный, чем все, известные сейчас, — детоубийство.) По поводу III века Ростовцев пишет: «Теперь уже мало кто воспитывал детей — в любом сословии. Депопуляция стала центральным явлением империи. Можно было эвакуировать целую провинцию, как Дакия, и расселить ее население в других провинциях на Дунае. Это показывает, как мало было население в Дакии и на Дунае» (14).

Заметим, что еще Полибий, описывая упадок городов Греции, говорил: «В наше время бездетность и недостаток в людях сделались в Греции повсеместными, и благодаря этому города опустели и доходы уменьшились». «Люди не хотят воспитывать детей и обыкновенно воспитывают лишь одного или двух» (15). Комментируя это место, Эд. Мейер пишет: «Как и римские государственные люди, Полибий требует вмешательства власти». «Понятно, что все эти законы и премии за обилие детей оказались совершенно бессильными» (16).

4. Упадок деревни. Светоний писал, что еще во времена Августа бесплатные раздачи хлеба римскому пролетариату губили земледелие (17). В I веке Дион Хризостом рассказывает о местности, где 2/3 земли в запустении. Богач предлагает землю даром, даже с денежной помощью. За обработку большого участка обещают права гражданства (18). Зеек пишет: «Еще во времена Гракхов и даже Цезаря законы, пытавшиеся возвратить население из города в деревню, встречали много желающих ими воспользоваться. После аграрного закона Тиберия Гракха нашлось 77 тысяч бедняков, готовых переселиться из Рима в деревню. Но со временем это прекратилось: население Рима все более забывало свое сельское происхождение» (19).

При Антонинах (II век) упадок земледелия (особенно в Италии) пытались остановить власти. Нерва предлагал раздавать землю бедным гражданам. Траян заставлял сенаторов покупать землю на родине и помогал итальянским земледельцам — крупным и мелким, снабжая их дешевым кредитом (20).

5. Общий упадок экономики. Ростовцев видит в III веке «колоссальный упадок деловой активности». С этим связан гигантский рост цен. Так, цена на зерно в I и II веках была в основном постоянной. К концу II века она выросла в 2,5 раза, а к эпохе Диоклетиана (конец III века) — в 15 000 раз! Современной инфляции соответствует уменьшение ценности денег: постепенное исчезновение золотых монет и уменьшение доли серебра в «серебряных». К концу III века доля серебра в монетах уменьшилась до 5% (21). Цена динария с I до III века упала более чем в 30 раз (22).

6. Криминализация. Ростовцев пишет об эпохе Северов (начало III века): «Банды разбойников господствовали над империей. В Италии армия бандитов под командой Булла терроризировала страну многие годы». «Разбойники господствовали на земле и на море». «Господство пиратов, казалось, возродило давно забытые времена I в. до Р. Х.» (23).

7. Сепаратизм. Области империи, уже несколько веков, казалось бы, органически сросшиеся с ней, объявляют о своей независимости, и их только с трудом удается вновь подчинить центральной власти. Так, в III веке отделяется Галлия, провозглашая Галльскую империю. Отделяется Пальмира при правительнице Зенобии и даже завладевает Египтом. После победы над Пальмирой происходит восстание в Александрии во главе с Фирмом. Таких вождей сепаратистских движений было несколько десятков — источник III века даже называет десятилетие с 260 по 270 год «эпохой тридцати тиранов».

Но поразительным образом и императоры проводили политику, способствовавшую разделению страны. Так, Диоклетиан в конце III века разделил власть с другим правителем. Каждый из них принял титул Августа, а потом взял в помощь еще одного соправителя с титулом Цезаря. Империя была разделена на четыре части, в каждой из которых один из соправителей имел суверенную власть. Потом такое разделение власти над частями империи применялось неоднократно.

Известен конец всей этой цепи явлений. Империя стала неспособной оборонять себя: войск не хватало, и желания бороться за ее сохранение не было. Соседние племена хлынули через границы: франки, аллеманы, готы, персы. Рим перестал быть столицей уже при первом — Диоклетиановом — разделении империи на четыре части. Столицей той части империи, в которую входила Италия, был не Рим, а Милан. Позже, когда Константин Великий на время восстановил власть над большей частью империи, он перенес столицу в Византию (330 год). Временем окончательного разделения империи на Западную и Восточную считается 395 год. В 410 году готы взяли Рим. Временем падения Западной Римской империи считается 476 год. Ее захлестнули потоки вторгшихся соседних народов, и она распалась на ряд государств.

КОНТРАРГУМЕНТЫ

Из предшествующего изложения может сложиться впечатление, что существует некий предопределенный путь, которым идут народы, когда приближается конец их истории, и что русские сейчас точно повторяют все основные этапы этого пути, как по какому-то шаблону.

На самом деле положение, видимо, сложнее. Действительно, существуют черты, почти всегда сопровождающие гибель государства и конец истории создавших

его народов. Это сокращение населения; упадок деревни; общее разрушение экономики, в частности рост цен и обесценение денег; падение роли «государствообразующей» нации и ослабление патриотического чувства (или «имперских амбиций», как говорят наши враги); наконец, рост сепаратизма и распад государства. И мы их ясно видим в нашей современной жизни.

Но упадок античности сопровождался и другими, не менее существенными чертами, для современной России нехарактерными. Прежде всего это падение духа армии. Само существование Римской империи, видимо, не воспринималось населявшими ее народами как ценность, за которую стоит идти на жертвы. С вторгшимися варварскими народами старались вступить в компромисс, им выделяли для расселения земли в опустевшей империи или пытались от них откупиться. Но мы-то всего лишь 60 лет назад одержали победу в одной из самых жестоких войн, пережитых человечеством, — и победа эта потребовала высочайшей жертвенности и напряжения всех сил народа. Трудно представить себе, что за 60 лет глубинная психология народа могла радикально измениться.

Да и сейчас в Чечне армия воюет, шельмуемая и поносимая средствами массовой информации, которые, особенно в начале кампании, неприкрыто выступали как средства пропаганды в пользу противника. Армия дважды довела операции до победного конца — и дважды после этого была остановлена приказом с самого верха, чтобы противник мог пополнить свои ряды и снаряжение и спокойно расстреливать и взрывать наших солдат и генералов. Армия воевала в условиях до предела некомпетентного планирования кампании, при недоедании и невыплате жалованья. И в то же время, когда я был в прошлом году в Чечне в составе небольшой делегации, многие военные нам рассказывали, что если за солдатом приезжала его мать, то началь-

ство безоговорочно разрешало ему покинуть армию — но почти никто на это не соглашался. Имея позади себя, быть может, более опасных врагов, чем впереди, армия и могла-то воевать только из-за силы духа, неожиданно для всех в ней проявившегося.

Столь же принципиальным явлением, сопровождавшим конец античности, был глубокий духовный и интеллектуальный упадок. Например, Р.Ю. Виппер пишет, что императоры эпохи Антонинов (II век) были «окружены плеядой ученых, писателей, ораторов, которых используют на службе имперской администрации». Он перечисляет Плиния Младшего, Диона Хризостома, Арриана, Фронтона, Города Аттика, Аппиана, Апулея, Лукиана, Авла Геллия. Он называет их время «последним веком процветания античной культуры» и пишет, что «у них нет продолжения, за ними следует быстрый, неудержимый упадок» (24). Но в наше время никак нельзя увидеть признаков духовного упадка. Сейчас в России работает множество ярких и глубоких писателей, композиторов, скульпторов, исполнителей, перечислять которых нет необходимости — они всем известны. Современная духовная культура на редкость разнообразна: в музыке, например, есть яркие представители как «модернистского» направления, так и композиторы, опирающиеся на народную традицию и на литургическую музыку.

Все собранные выше признаки, обычно сопутствующие гибели народа, в других случаях сопровождают глубокий кризис, все же преодолимый. История иногда совершает резкие, непредсказуемые повороты. Народ, казалось бы, обреченный на исчезновение, вдруг подымается и входит в новый период плодотворной жизни. Например, во время 4-го Крестового похода западные крестоносцы в 1203 году взяли штурмом и до конца разграбили Византию. Вместо Византийской империи возникла так называемая Латинская империя, большая

часть земель в которой была поделена между крестоносцами (в основном — французами). Но в Малой Азии сохранилось небольшое государство — осколок Византийской империи, называвшееся Никейской империей. Оно было зажато между турками-сельджуками и латинянами, захватившими Византию. Да еще папский престол побуждал монголов к походу против него, дабы окончательно искоренить остатки православной «схизмы». И тем не менее греки-византийцы выдержали, Латинская империя просуществовала всего 40 лет, и в 1261 году была восстановлена Византийская империя под властью новой династии Палеологов. Византии было суждено еще два века плодотворной жизни. В частности, в этот период возникла глубокая богословская система св. Григория Паламы и движение исихастов на Афоне. Оно оказало решающее влияние на духовную жизнь России, собиравшейся с силами для освобождения от монгольского ига. Последователями исихастов были св. Сергий Радонежский, а позже — св. Нил Сорский. Именно из Византии двух последних веков ее существования Россия получила второй (после крещения при св. Владимире) духовный импульс, определивший ее судьбу на следующие века (25).

Да и то, что французы, вдохновленные Жанной Д'Арк, смогли победить в Столетней войне и очистить от англичан свою землю, было совершенно непредсказуемо. Точно так же трудно объясним выход России из Смуты XVII века, когда в Москве сидел польский царь, Смоленск был взят поляками, Новгород — шведами, а представители лучших родов России собрались у самозванца в Тушине. Наконец, как смотрели современники на будущее России после монгольского нашествия, показывает хотя бы появление такого произведения, как «Слово о погибели русской земли». Вряд ли тогда могли подумать, что ярчайшие периоды русской истории еще впереди.

Я помню, что много спорил о характере законов истории с покойным Львом Николаевичем Гумилевым, считавшим, что в ней действуют закономерности, подобные естественно-научным, и что поэтому возможно (хоть в масштабах столетий) предсказание будущего течения истории. Но он меня не убедил. Мне кажется, что и множество фактов, подобных приведенным выше, противоречит такому взгляду. А главное, история есть результат действий людей, каждый из которых обладает свободной волей, и вместе они способны, в принципе, повернуть свою жизнь вопреки всем расчетам и материальным силам. Собственно, это и утверждал св. Александр Невский словами: «Не в силе Бог, а в правде!»

Поэтому мне представляется, что указанные выше факты и параллели приводят к следующему выводу. Да, Россия находится в жесточайшем кризисе, может быть, самом жестоком в ее истории. Мы вымираем и отступаем. Мы уже занесли одну ногу над пропастью. Не видеть этого, закрывать глаза — значит наверняка в эту пропасть обрушиться. Наоборот, именно трезвое и ясное видение нависшей катастрофы может дать силы, чтобы найти из нее выход. И это даже в русском духе. Наш народ не раз собирал все свои силы именно тогда, когда гибель казалась неотвратимой, — когда была взята Москва или враг стоял на Волге.

РОССИЯ БЕЗ РУССКОЙ СИЛЫ

В чем же глубинная причина сегодняшнего кризиса России? Кажется, его общая схема ясна уже многим. Коммунистический режим вырастил хищную номенклатуру, с вожделением смотревшую на богатства страны, которыми она в каких-то пределах могла распоряжаться, но не могла превратить в свою частную собственность. В то же время выросла мощная криминальная

экономика. Объединившись, они совершили переворот, который отдал им в руки большую часть богатств страны.

Но ведь при этом был разрушен старый аппарат власти, и каждый из нас получил большую свободу действий. Почему же не сформировались силы, которые предотвратили бы развал? Конечно, переворот произошел в период, когда очень многие чувствовали, что страна переживает кризис — и экономический, и духовный. Широко распространилось чувство, что жизнь надо менять, — и на первых порах это способствовало перевороту. Но мы составляем неглупый и достаточно интеллигентный народ; почему же так долго можно было грабить и разваливать страну под видом реформ? Ведь весь этот «процесс» реформ-разграбления продолжается почти 10 лет — достаточно времени для его осознания. Мне кажется, что когда говорят, будто мы стали жертвой еще невиданного «информационного оружия», то это просто значит, что мы не отдаем себе отчет в том, что на самом деле произошло.

Чтобы это хоть немного прояснить, представим наше положение в виде очень грубой и приближенной схемы. В обществе действует нечто вроде «социальной механики»: одни силы уравновешивают другие; если некоторая сила ничем не уравновешивается, то она беспрепятственно движет страну в ту сторону, куда направлена. Одна сила сегодня очевидна — это интересы вновь образовавшегося слоя, захватившего в свои руки колоссальные богатства. Мне трудно привести другой пример из истории столь внезапного захвата таких ценностей. Этот слой обладает громадной мощью — деньгами, на которые приобрел и средства информации, и правительственный аппарат, и какие-то вооруженные силы. Недавним проявлением силы этого слоя было нашумевшее ультимативное «письмо финансистов». Тоном господина они требуют, чтобы разные партии,

сохраняя, если хотят, внешние различия, заявили, что едины в главном — неприкосновенности банкирской власти и финансов, на которых она основывается.

Другая сила, действующая в том же направлении, — это люди, ненавидящие Россию, которым отвратительна ее обширность, глубина ее истории, национальный характер русского народа и тип русской цивилизации. Не буду на этом останавливаться, так как давно и подробно писал на эту тему в своей работе «Русофобия».

Наконец, еще одна сила, действующая так же, как и две предшествующие, — это финансисты и политики Запада. Прежде всего на Запад потекли из России грандиозные богатства. Новые богачи, унаследовавшие хищно-грабительскую психологию криминальной экономики, готовы довольствоваться небольшой частью захваченного, лишь бы она была реализована быстро. Благодаря этому Запад может перекачивать из России за полцены, а то и за бесценок ее природные богатства — как раз в то время, когда истощаются запасы в третьем мире, откуда он их до сих пор брал. С другой стороны, Запад всегда ощущал Россию как своего исторического антагониста. Он готов был приветствовать Советский Союз, когда там уничтожалось крестьянство («отсталый, реакционный класс»), особенно когда Советский Союз воевал с Гитлером. Но все время оставалось чувство, что в глубине Советского Союза запрятана чуждая и непредсказуемая Россия. И вдруг СССР разрушается как по волшебству.

Но вот есть ли реальная сила, действующая в каком-то другом направлении? Ее не видно. Никакая оппозиционная партия такой силой не является. Даже если она приобретет большинство в парламенте, парламент можно разогнать, а то и расстрелять. Но сейчас нет нужды даже в таких драматических действиях. Что может сделать любая партия, приди она сегодня к власти? Мы видим, что в Москве продаются предметы,

почти исключительно привозимые из других стран: еда, лекарства. Телевизор забит рекламой, но продукция России там фактически не рекламируется — кроме банков. Сейчас Запад может вызвать катастрофу — по крайней мере в Москве, — не прибегая ни к интервенции, ни к бомбардировкам. Только совершенно экстраординарные меры способны дать России возможность вырваться из накинутой на нее петли. Вероятно, что-то вроде введения карточек, отказа платить долги, согласия затянуть туже пояс и пойти на еще большее ухудшение жизни в течение нескольких лет, чтобы потом добиться достойного существования. Но партии, готовой к этому, нет (включая и коммунистов): ведь к такому повороту всей жизни надо упорно готовить своих единомышленников, а сейчас об этом никто не смеет заговорить. Да еще теперешняя чудовищная преступность, не отграниченная четко от всей экономической и политической жизни. Лишь самые жесткие меры дадут шанс с нею справиться, но кто способен на них пойти?

Однако может ли хоть в принципе существовать сила, которая бы уравновесила те, которые движут Россию к полному развалу? Мне кажется, что может, и притом только одна. Ведь каждое государство связано с каким-то народом: либо (что бывает редко) оно только из этого народа состоит, либо этот народ составляет в нем большинство и исполняет «государствостроительную» функцию. Поэтому существование государства невозможно без существования этого народа. Народ же есть не просто совокупность людей, близких по крови: они должны быть объединены чувством общей судьбы, готовностью бороться за свое место под солнцем, за свою страну. Вот это и есть единственная сила, способная удержать страну на краю пропасти, спасти в момент, казалось бы, неизбежной гибели. В нашей стране это — сила русского национального самосознания. Да, именно она всегда и спасала страну: от Куликова поля

до Сталинграда. Ее-то сейчас в сколько-нибудь организованном виде нет: русское патриотическое движение до сих пор политической силой не стало. И в этом основная причина того, что мы не способны выбраться из катастрофы.

Казалось бы, наоборот, сейчас все патриоты. Но уже то, что этот облик принимают самые противоположные течения, внушает сомнение в их искренности. Как можно разобраться в этом маскараде патриотических масок? Способ самый простой: обратить внимание на конкретные, часто мучительные вопросы, стоящие перед русским народом.

Прежде всего с положением 25 миллионов русских, оказавшихся за пределами России. Более или менее внятно о них упоминают все. Но какое политическое течение формулирует конкретные требования? В первую очередь права русского народа на воссоединение. Так, Западная Германия не признала де-юре разделения страны, обязалась бороться за ее воссоединение — и добилась своего! Кроме того, следовало бы добиваться статуса русского как второго официального языка, автономии районов, где русские составляют большинство, второго гражданства, того, что имеют десятки наций в России. А в Прибалтике — элементарного равноправия (в Латвии для неграждан — в основном это русские — существует 68 запретов на профессию, они живут как евреи по нюрнбергским законам в первые годы гитлеровского режима). Кто требует, чтобы экономические отношения со странами, где живет много русских, учитывали их положение? Из сколько-нибудь влиятельных партий — ни одна. (За исключением разве Жириновского, — но его декларации уже мало кто, кажется, принимает всерьез.)

Или такой, казалось бы, специальный, но болезненный именно для русского патриотического сознания вопрос, как положение Севастополя. Севасто-

поль — это Черноморский флот, оборона всего русского Юга. Это, кроме того, чисто русский город, украинский язык там слышен только по радио. Но сверх всего этого он весь наполнен великими историческими воспоминаниями о Крымской войне, Великой Отечественной; там каждый камень пропитан русской кровью. Севастополь — одна из национальных святынь России. Такие святыни поддерживают и скрепляют народ, как знамя — армию. Их сдача символизирует капитуляцию. Да и чисто юридически Севастополь — город России: после войны он был выведен из состава Крымской области и сделан городом республиканского подчинения РСФСР, так что хрущевская передача Крыма Украине, сама по себе незаконная, на Севастополь не распространялась. Отношение современных политических течений? В 1993 году Верховный Совет принял постановление, подтверждающее российский статус Севастополя. Президент тогда сказал, что ему за это постановление стыдно. Украина подала жалобу в Совет Безопасности, и произошло почти беспрецедентное: представитель России присоединился к этой жалобе на свой Верховный Совет! Но и КПРФ не высказала четкого отношения к вопросу о российском статусе Севастополя. Ведь за Севастополем стоит Крым, а Коммунистическая партия Украины голосует за то, что Крым — неотъемлемая часть Украины. Не слыхали мы и того, какова точка зрения нашего президента на статус Севастополя и Крыма. Да и есть ли такая точка зрения?

Наконец, самый больной на сегодняшний момент вопрос — о Чечне. Кроме влияния на судьбу российской государственности, на дальнейший распад России, ситуация в Чечне имеет сугубо русский национальный аспект. Во время трехлетнего правления Дудаева русское население Чечни подверглось свирепому террору: убийствам, пыткам, избиениям, изнасилованиям, цель которых была — сгон этого населения с их

земли, захват домов и земель. Были убиты десятки тысяч русских, сотни тысяч превратились в нищих беженцев. Произошла крупнейшая в нашей стране после конца войны этническая чистка. И, несмотря на весь накал, с которым обсуждается положение в Чечне, именно этот вопрос, касающийся сотен тысяч русских, никого не волнует (исключение составляют лишь думская комиссия Говорухина и несколько общественных деятелей). В Чечне проводятся выборы — как будто не изгнана значительная часть русских избирателей. Собираются совещания по Чечне, в которых участвуют представители чеченских боевиков, старейшины тейпов, мусульманское духовенство, — но никогда представители изгнанных русских. Еще дальше вглубь идет вопрос о землях, веками раньше заселенных русскими и по хрущевскому произволу переданных Чечено-Ингушетии, — Наурском и Шелковском районах на левом берегу Терека. По какому праву эти казачьи земли остаются в Чечне, их поливают русской кровью и сгоняют с них коренное казачье население? Об этом хранит полное молчание весь спектр политиков — от президента до КПРФ. Президент уже не первый раз объявляет о конце военных действий в Чечне, хотя противоположная сторона их не думает прекращать. Но ненамного отличается и политика КПРФ, требующей «немедленно остановить военные действия» (26). Собственно, здесь проявилось полное единство — президент так и поступил, за что и расплачиваются русские солдаты, которых расстреливают каждый день, эшелоны с которыми пускают под откос. Требование немедленно остановить военные действия — чем же отличается оно от позиции Ковалева или Юшенкова?

Корреспондент из Грозного пишет мне: «Со времени моего детства и вплоть до предвоенных месяцев типичной была уличная сценка: на одного или группу русских мальчиков нападает ватага чеченят, бьют даже

не жестоко, а так, чтобы сильнее унизить, и все это под одобрительные молчаливые взгляды взрослых».

Другие рассказывают о массовых насилиях над русскими женщинами, русскими мальчиками. По рассказам, в Чечне множество русских рабов, рабов продают и дарят, при попытке к бегству — убивают. На стене в Грозном — надпись:

«Русские, не уходите, нам нужны рабы».

Но всего этого как бы нет для «партийной» России — от президента и всей партии власти, от Ковалева и Явлинского до КПРФ (особенно же для более ортодоксальных коммунистических партий).

Таким образом, если судить не по общим декларациям или символическим действиям, а по конкретным требованиям и обязательствам (тем более — делам), то не оказывается ни одного политически весомого движения, которое исходило бы из русских национальных интересов.

Русское патриотическое движение как политическая сила до сих пор не состоялось. Это не есть смертельный диагноз — может быть, народ очень медленно приходит в себя в новой ситуации развала и упадка и постепенно собирает свои силы. Но на данный момент положение таково, на него нельзя закрывать глаза, и, только учитывая этот тяжелый факт, можно постараться оценить перспективы на будущее.

ОПЯТЬ ВЫБОРЫ БЕЗ ВЫБОРА

Из нашей страны на Запад хлещет сейчас золотой поток — десятки миллиардов долларов в год. Изрядная часть этого богатства оседает в карманах новых богачей в России, основная часть — питает Запад. Тем создается сильнейшее поле интересов, порождающее те мощные социальные силы, о которых было сказано выше. Им же у нас никакая равномощная реальная сила не

противостоит. Ведь надо отдать себе отчет, что спор идет, ни много ни мало, о господстве над Россией — самой богатой и самой большой страной мира. Это такие богатства, за которые ведут мировые войны.

Чтобы представить себе масштаб явления, удобно рассмотреть какую-нибудь параллель. Например, во второй половине XVIII века во Франции и Англии бурно развивался капитализм, и они были конкурентами за ведущее место в мире в этом развитии (Франция была тогда «мировым банкиром», как позже — Англия, потом США). Успех зависел от владения обширными заморскими рынками (Индия, Северная Америка), и особенно землями, пригодными для захвата и заселения частью населения, не находящей себе приложения дома, — таким был громадный богатый материк Северной Америки. За это между Францией и Англией шла война с 1755 по 1763 год, закончившаяся победой Англии и установлением ее господства в Индии и Северной Америке. В результате последующее развитие капитализма в Англии происходило без общенационального кризиса, а во Франции оно привело к тяжелейшему потрясению — французской революции и ряду следующих кризисов, растянувшихся почти на целый век.

Не меньшего масштаба события разыгрываются сейчас в связи с Россией. Решается судьба России, а это в значительной мере определяет судьбу мира. Никак не меньшие ценности поставлены на карту, не меньшие силы приведены в действие.

Распространено почти поголовно убеждение, что мы можем решить вопрос нашего будущего путем голосования — выборами. Нереальность этой надежды кажется очевидной. Вопросы такого масштаба, что ради них ведут войны, организуют интервенции, совершают революции, не могут быть решены выборами. Слишком это легковесный путь для столь весомых проблем. Выборы эффективны, если от их исхода не слишком

сильно зависит баланс реальных интересов, да еще если в стране укоренилось многовековое доверие к системе выборов. Неужели истинные распорядители «рычагов власти» — и у нас, и особенно во всем мире, — те, кого И. Ильин называл «мировой закулисой», согласятся, чтобы судьбы мира сложились не по их желаниям лишь потому, что мы так или иначе проголосовали? Ведь даже если исключить все виды обмана при выборах — водопад лживых обещаний, нечестный подсчет голосов, — мы возвращаемся все к тому же: нет физической силы, которая могла бы заставить считаться с результатами голосования или гарантировать добросовестный подсчет голосов.

Партия власти может надеяться на самостоятельную победу, опираясь на средства информации и все те рычаги влияния, которые есть в руках власти. Но она может не понадеяться на победу и предложить сговориться своим противникам: видимо, именно этот вариант сквозит в «письме финансистов», его огласил недавно и Жириновский, всегда приходящий на помощь власти в трудный для нее момент. Наконец, может произойти множество инцидентов: захваты заложников, террористические акты, атомные катастрофы и т. д., которые потребуют введения чрезвычайного положения и сделают невозможными выборы на ближайшее время.

Но наша партия власти — лишь небольшая подчиненная часть «мировой закулисы», и вес их несоизмерим. Может быть, будет решено, что теперешняя партия власти слишком испортила свой облик и должна быть смещена — тогда ей придется уступить свое место, как ей это ни неприятно делать. На смену ей могут прийти коммунисты. Однако это будет допущено при одном обязательном условии: если будут даны железные гарантии того, что при смене власти положение в стране в принципе никак не изменится. Такой преце-

дент уже был: в Польше. Там был недавно сменен президент — не бывший член ЦК и секретарь обкома, а подлинный вождь антикоммунистического движения, сидевший в тюрьме при коммунистах. Вместо него был избран коммунист — а большинство в сейме и все экономические министерские портфели коммунисты получили еще года три тому назад. (Партия поменяла название, но это та же структура, тот же аппарат.) И при этой смене ничего не изменилось. Приватизация пошла даже круче. Экономика вся контролируется Западом. Колоссально высок уровень безработицы.

Похоже, что попытки предложить такие гарантии были и у нас. Например, руководители КПРФ присутствовали в Давосе, когда Россия получала 10-миллиардный займ от Международного валютного фонда, обставленный такими условиями (отмена пошлин на вывоз нефти), при которых мы теряем то, что получаем. Они присутствовали и при вступлении России в Европейский совет. Совершенно непонятно, зачем нам надо было вступать в эту организацию, созданную Западной Европой для себя, по своей мерке, не подогнанной под нас, где мы всегда будем на положении двоечника в классе, да еще будем платить за это удовольствие 22 млн долларов каждый год. Но верхушке партии, может быть, важно таким путем войти в мировую элиту, чтобы завоевать доверие «мировой закулисы». К этой же области относятся заявления руководителей КПРФ об их приверженности «многоукладной экономике» и выпады коммунистической печати против «великодержавного шовинизма» (примеры будут приведены ниже). Это и есть те два пункта, которые больше всего беспокоят Запад в связи с будущим России: что прервется «золотая река», текущая из России, и что оформится русское национальное самосознание (одно с другим тесно связано).

Но вполне вероятно, что все эти авансы покажутся

недостаточными: коммунисты не будут для «мировой закулисы» в достаточной степени «своими». Тогда тем или другим способом они к реальной власти допущены не будут (максимум — в коалиционное правительство, на проверку). Им будет предоставлен дальнейший срок для доказательства своей лояльности, главным образом, вероятно, в кадровом вопросе, чтобы они стали более верны своей «интернационалистской» традиции.

Мы приходим к печальному выводу, что сейчас выборы состоятся лишь в том случае, если заранее гарантирован нужный их результат — то есть реально выбора не будет. Мы столько раз видели выборы без выбора, с единственным кандидатом. Сейчас мы имеем опять выборы без выбора, но с множеством кандидатов, и их ожесточенная борьба увлекает зрителей и заставляет забыть, что речь-то идет о продолжении и усилении одной, определенной линии развития. Конечно, для непосредственных участников состязания, например для кандидатов в президенты, исход выборов далеко не безразличен — и это придает искренность и драматизм их борьбе. Но это далеко не редкий случай в истории, когда некоторые социальные силы стремятся претворить в жизнь вполне определенную программу и ищут вождя или группу лиц, которые наиболее эффективно это сделают. Отбор кандидата происходит в форме борьбы — якобы из-за идейных разногласий, на самом деле за право эту программу осуществлять, — борьбы часто со смертельным исходом для проигравших. Такими братьями-антагонистами полна история: от Помпея и Цезаря до Троцкого и Сталина. Да и Горбачев с Ельциным укладываются в эту линию.

Рано или поздно мы должны осознать, что эта система выборов, основанная на пропаганде партий и на партиях, строящихся сверху (а не снизу — от деятелей районов, областей), предполагающая прямое голосование, никак не учитывающее разнообразие нашего на-

рода, — это игра, в правилах которой наш выигрыш просто не предусмотрен. Ведь нечего греха таить — мы выбрали в президенты Ельцина и тем самым запустили губящую нас до сих пор систему «реформ». Пусть за Ельцина проголосовало меньше половины имевших право голосовать — но ведь другого, близкого к нему по числу голосов кандидата не было, так что, по сути, выбрали его мы. Так будет, боюсь, и с предстоящими выборами — они не дадут того результата, которого большинство народа от них ждет. Они — не путь для реализации воли народа. Поэтому я, в частности, считаю удобным время для этой статьи: написана до выборов, но будет опубликована после выборов. Чтобы она никаким боком в выборной пропаганде не участвовала: ни в предвыборной агитации, ни в послевыборных эмоциях.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Вернемся еще раз к сопоставлению нашей действительности с периодом упадка античной цивилизации. Вывод мы уже сделали. Нам реально угрожает тот же путь: дальнейшее вымирание, экономический упадок, распад страны и захват больших частей другими народами. Но такой исход не предопределен железно. Что с нами случится — зависит от нас, особенно от следующих поколений. Должны же они когда-то осознать, что в подавляющей части народа каждый стоит перед проблемой, которую ему одному решить нельзя. Можно пойти торговать в лавку, ездить «челноком» или работать в банке — но это выход для немногих, и выход неверный. Для большинства народа все слабеет вера, что в следующем поколении будет возможность создавать нормальные, многодетные семьи, дать детям образование, да даже гарантировать сытую жизнь. Это все яснее превращается в глобальную задачу, которую может ре-

шить только народ в целом, осознав себя единым народом и спасение страны — общенародной задачей. Как, очевидно, нельзя одному выиграть войну или одному отстоять от огня свой дом в охваченной пожаром деревне.

Все шире распространяется чувство, что жизнь движется в каком-то гибельном направлении. Сейчас те, кто эту тенденцию осознал и душой ее не приемлет, в основном объединяются, видимо, вокруг коммунистов: хотя и не входят в ту или иную коммунистическую партию, но ходят на созываемые ими демонстрации, составляют, как любят сейчас учено выражаться, их электорат. Это, как мне кажется, сейчас наиболее социально, государственно мыслящая, может быть, правильнее было бы сказать — чувствующая часть народа. Собственно коммунистами, в сколько-нибудь точном смысле этого термина, они не являются. Жизнь показала им, что народ в целом опускается все ниже, на самое дно бесправия и нищеты. Тут их учителями скорее были демократы, гайдаровские «реформы», чем коммунисты. Коммунистическими являются символы, термины и лозунги, которые их объединяют. Но они интерпретируют их совсем по-другому: не как символы коммунизма, то есть марксизма-ленинизма, мировой пролетарской революции или хотя бы государственной монополии в идеологической или экономической области. Они являются символами протеста против глумления и оплевывания страны, ее трагической истории, в частности, последней войны, — глумления, в котором главными улюлюкающими свистунами выступают как раз те, кто недавно лакейски служил строю, который они сейчас так бесстрашно и лихо разоблачают.

Как мне кажется, было бы несомненным благом для страны, если бы этот слой людей четко сформулировал свои цели и смог бы добиться их осуществления — на кого же и рассчитывать, как не на них или

тех, кто в будущем продолжит их тенденцию? А коммунистическая терминология отсеялась бы от реальных жизненных проблем в несколько лет, как уже отсеялся портрет Маркса.

Но беда в том, что в теперешней организационной форме — под руководством коммунистической партии — свои цели этот слой реализовать в принципе не в состоянии. Ведь для него речь идет не просто о смене верхушки власти, но о принципиальном изменении основного направления течения жизни. Такой переворот можно осуществить лишь при крайнем напряжении всех сил и объединенной воле народа. А это возможно лишь на основе ясной, в глубине своей последовательной идеологии. Например, народ Ирана в основной массе сопротивлялся политике модернизации, ориентации на США, которую проводил в 1970-е годы шах. В Тегеране начались демонстрации, их разгоняли и расстреливали, но они снова собирались. Всего при борьбе с демонстрациями было убито около 50 тысяч человек только в Тегеране, население которого 4 миллиона. По существу, это значит, что вышел на улицу весь народ. Такого народного подъема не может выдержать никакая власть — в 1979 году шах бежал, и власть перешла к аятолле Хомейни. Но весь этот всплеск народной энергии был возможен лишь на базе идеологии исламского фундаментализма. Как бы к этому фундаментализму ни относиться, он оказался рычагом, который сдвинул страну.

Но у нас-то, при попытке объединить народное патриотическое движение вокруг коммунистического ядра, возникает эклектичный, внутренне противоречивый набор тезисов, которые не складываются ни в какую идеологию. Например, ключевым тезисом, постоянно повторяющимся, является «духовность». Он развивается вплоть до того, что верующий может быть членом КПРФ. Но, с другой стороны, это марксист-

ская партия (27). А сила, обеспечившая такой всемирный успех марксизму в течение целого столетия, — цельность его идеологии. Это был единый взгляд на мир, претендовавший на объяснение всего сущего — от движения атомов до революций. В этом смысле претендовавший на то, чтобы занять место религии. И основные его концепции: материализм, диалектический материализм, материалистический взгляд на историю...

Где же здесь место для верующего? Как он впишется в учение, принципиальные положения которого — что религия «это опиум для народа», «род духовной сивухи», даже «труположество»? Да этот дух и сейчас прорывается в коммунистической прессе. Например, утверждается, что в годы советской власти... «священников арестовывали и сажали не за то, что они несли в народ слово божье, а за то, что они возбуждали верующих против советской власти и даже брались за оружие» (28). Как это легко пишется сейчас! За что же был расстрелян митрополит Вениамин и еще трое духовных деятелей в Петрограде в 1922 году — «возбуждали верующих» или «брались за оружие»? Из фактов, которые удалось восстановить: между 1918 и 1937 годом было совершено 223 ареста епископов, многих арестовывали неоднократно (например, епископ Афанасий (Сахаров) арестовывался 14 раз). Да вот в 1937 году был расстрелян удивительно разносторонний, глубокий мыслитель, священник Павел Флоренский. Почему бы автору не потрудиться объяснить нам, как он «возбуждал верующих» и «брался за оружие»?

Термин «патриотизм», кажется, чаще всего встречается в материалах КПРФ. Что значит это для марксиста? В основном программном документе марксизма — «Манифесте коммунистической партии» — читаем: «Далее, коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность. Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять того, чего у них нет»

(29). Или это — ревизия марксизма? Но Ленин очень часто цитируется как высший авторитет (в Программе КПРФ даже прокламируется цель — «добиваться... прекращения очернения памяти В.И. Ленина»). А Ленин писал: «За ревизию марксизма один ответ — в морду». Во время кровопролитной войны, где русские потеряли несколько миллионов человек, Ленин призывал работать на поражение своего правительства, говорил, что «непосредственный враг — больше всего великодержавный шовинизм», и пояснял, что его единомышленникам мало усвоить это как абстрактную идею, но необходимо воплотить в конкретные дела — дела, «несовместимые с законами о государственной измене» (30). Вообще Ленина очень трудно заподозрить не только в русском патриотизме, но хотя бы в нейтральном отношении к русскому человеку — об этом говорят его многочисленные злые или презрительные характеристики. Он писал, например: «Русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови» (31).

И такие ленинские по духу мотивы действительно появляются сейчас в коммунистической печати. Например, когда произошло настоящее чудо: раздался голос владыки Иоанна Санкт-Петербургского и Ладожского, приобщавшего нас к самым глубоким — православным — корням русского патриотизма, тут «Советская Россия» сочла своевременным обрушиться на него с грубыми и злобными нападками (как раз незадолго до его кончины). Или более поздняя статья в той же газете, посвященная Чечне, где, со ссылками на Маркса и Ленина, прокламируется право наций на самоопределение, вплоть до отделения, борьба за это право («как подчеркивал В. И. Ленин») объявляется «обязанностью нашей партии». Чем же это отличается от призыва: «Берите столько суверенитета, сколько проглотите»? Но дальше мы доходим в той же статье и до опасности «великодержавного шовинизма» и обсуждения «разде-

ления (России) на разные национальные государства» — в виде цитат из Ленина. Напоминаются слова Ленина, что «у нас... совершают бесконечное число насилий и оскорблений» — конечно, по отношению к нерусским нациям, а «обиженные националы» к этому очень чутки. Поэтому им «нужно возместить нанесенные обиды». Точку зрения, что вывод войск из Чечни поведет к росту национализма, автор называет держимордовской. Тут нет кавычек, но это — «скрытая цитата» из Ленина, писавшего о русской нации, «называемой великой (хотя великой только своими насилиями, великой так, как велик держиморда») (32).

Да и разговоры о «многоукладной экономике» не согласуются с положением «Коммунистического манифеста»: «...коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». Маркс и Ленин, несомненно, назвали бы проекты «многоукладной экономики» «соглашательством», а их авторов — «лакеями буржуазии».

Мы видим здесь не цельное мировоззрение или хоть политическую программу, а осколки нескольких идейных линий, перемешанные между собой. Может быть, такая смесь способна на время быть полезной руководству партии, чтобы собрать голоса людей самых разных убеждений, но она даже не похожа на ту цельную идеологию, которая может сплотить народ для единого порыва.

Народ наш столько вытерпел, что естественно родится мечта о какой-то силе, которая сама, без наших усилий вытащит нас из разверзающейся перед нами пропасти. Сначала для многих это была мечта о неясной, но спасительной «рыночной экономике», «вхождении в мировое экономическое сообщество». Теперь, когда та мечта обернулась кошмаром, это надежда на выборы. Но это слишком легкий выход, чтобы быть действенным. Это соблазн ухода от реальной борьбы.

История жестока, в ней за все надо платить. Вспомним, сколькими миллионами жизней мы заплатили за победу в Великой Отечественной войне! Фантастично предполагать, что такого же масштаба переворот произойдет из-за того, что мы зайдем в кабины и совершим там нужные действия. Он может быть осуществлен лишь тяжелыми и длительными усилиями, жертвами — возможно, кровью, человеческими жизнями.

Это жестокая правда. Для пенсионера, которому не хватает его пенсии на квартплату и лекарства, призыв к длительной борьбе означает, что, скорее всего, он-то облегчения в этой жизни не увидит. Но массовая иллюзия еще опаснее, так как за ней следуют горькое разочарование и апатия.

То, что реальные изменения могут произойти только в результате сплоченного сопротивления, упорной борьбы, хорошо чувствуют те, кто этих изменений боится. Они используют весь аппарат пропаганды, находящийся у них в руках, чтобы привить нам психологию поражения и капитуляции. Они внушают, что нет никакой идеи, из-за которой можно было бы жертвовать человеческой жизнью. Они представляют насильниками и грабителями солдат, готовых на такую жертву. Или — вот парадокс! — основные средства информации сейчас принадлежат тем, кто разбогател на развале России. Этого и не скрывают — говорят, например, каким банкам принадлежит какой канал телевидения. Но тогда они должны были бы стараться поддерживать сегодняшнее состояние страны: доказывать, что положение не такое страшное, скоро все будет хорошо. На самом деле средства информации очень любят пугать уже наступившими или скоро грядущими ужасами, они даже сгущают краски. Например, в конце 1994 года газета «Известия» опубликовала прогнозы двух групп экспертов. «Оптимистический» прогноз предсказывал 40% безработных в следующем году, пессимистический — 60%. Разумеется, ничего подобного в 1995 году

не произошло. Зачем же было нагнетать эти страхи? Приходит в голову только одно объяснение: чтобы создать атмосферу безысходности, отчаяния. Чтобы и не зарождалась мысль о сопротивлении, объединении — каждый существовал бы робкой надеждой выжить самому да накормить детишек. Русский народ не раз терпел поражения, но именно тогда находил силы для сопротивления и отпора. Вот в эту самую важную точку и направляется удар: чтобы вытравить мысль о сопротивлении.

Сопротивление — это упорные усилия и жертвы. Причем усилия, не направляемые сверху, а начинающиеся вокруг нас — в своей деревне, своем заводе, районе. Какие конкретно действия сейчас нужны? На это я, пожалуй, ответить не могу и предполагаю, что и вообще конкретный путь сопротивления нельзя выдумать — он «родится» сам.

А впрочем, одно — и, может быть, самое важное — действие, доступное каждому взрослому и не слишком старому мужчине и женщине, кажется очевидным. Родить больше детей! Ведь если мы будем вымирать так же быстро, как в последние годы, то исторически совершенно безразлично, какая у нас будет власть. Тогда совершенно бесполезно создавать партии, ходить на демонстрации, голосовать на выборах или писать статьи.

Но мне возразят — а как сейчас прокормить хоть одного-то ребенка? Могу ответить, лишь процитировав выступление В.И. Белова на одном многолюдном вечере. Он сказал: «Мы вымираем и сами на это соглашаемся. Женщины! Почему вы не родите? Вы скажете, что трудно воспитать детей. А моей матери было легче, когда она воспитала нас шестерых в военное время и после войны? В детстве я не помню себя сытым. Помню первое ощущение сытости, когда я уже уехал в город. Но она все же нас вырастила». И действительно, сейчас у русских рождаемость ниже, чем во время Великой Отечественной войны, чем на оккупированной

немцами территории, даже чем в областях, которые во время длительных боев много раз переходили из рук в руки. Это не спишешь только на тяжелые условия жизни. Конечно, просто из чувства патриотизма много детей не родишь. Сейчас действительно большинству людей трудно воспитать и одного ребенка. Но это потому, например, что детей все считают нужным одевать как каких-то средневековых пажей или принцев: в яркие, пестрые одежды. А иначе над ними в школе могут посмеяться. Вот когда будет плохим тоном слишком нарядно одевать детей, а хорошим тоном будут считаться заштопанные рукава и заплатанные штаны, положение изменится. То есть речь идет о духовных изменениях — об изменении отношения к детям, семье, к жизни вообще.

Сила, способная поднять на сопротивление и вырвать Россию из уже накинутой на нее петли, — та же, которая всякий раз спасала нашу страну. Как пишет Ильин: «Национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертве, а народ — к духовному расцвету» (33). Он формулирует идею, которая «должна светить целым поколениям русских людей, осмысливая их жизнь. Это есть идея воспитания в русском народе национального духовного характера. Это — главное. Это — творческое. Это — на века. Без этого России не быть. Отсюда придет ее возрождение. Отсюда ее величие воссияет в невиданных размерах. Этим Россия строилась и творилась в прошлом. Это было упущено и растеряно в XIX веке. Россия рухнула в революцию от недостатка духовного характера в интеллигенции и в массах. Россия встанет во весь свой рост и окрепнет только через воспитание в народе такого характера». «Враги России были как бы призваны, чтобы духовно пробудить нас», — говорит Ильин (34).

И надо сказать, что признаки такого пробуждения ясно видны. Об этом говорит хотя бы то, как все политики сейчас толпой повалили в патриоты. Ведь это

люди, тонко, профессионально чувствующие колебания настроений широких слоев народа. Они понимают, к каким эмоциям надо апеллировать, чтобы иметь успех. Не так давно слово «патриот» они писали только в кавычках — сейчас кавычки исчезли. Пропал и термин «красно-коричневые». Изменилось отношение политиков и средств информации к войне в Чечне. Сначала ее дружно изображали разбойничьей карательной акцией против свободолюбивого народа. Теперь отношение к армии стало менее враждебным, таких плевков в нее, как в начале прошлого года, себе не разрешают. Да и Басаева уже не рискуют называть «Робин Гудом». Почти совсем исчезла фигура Ковалева — видимо, стало ясно, что он не прибавляет популярности их лагерю. В одном анализе результатов выборов 1995 года приводится интересное замечание. Ряд блоков самой разной политической ориентации не смог преодолеть пятипроцентный барьер: «Женщины России», «Выбор России», «Демократический выбор России», «Трудовая Россия», «Конгресс русских общин». Что же у них у всех общего? Автор приходит к выводу: только «капитулянтская», «антигосударственная» позиция в отношении войны в Чечне. По-видимому, в отношении к войне в Чечне народ не поддался обработке средств массовой информации (35).

Это значит, что надежда есть, в народе пробуждаются национальные чувства, крепнет его национальный характер, о котором писал Ильин. Но одновременно Россия распадается: геополитически, экономически, духовно — и идет страшный процесс вымирания русских. Мы живем в состоянии гонки: какой процесс будет интенсивнее? И ярко проявляются те симптомы национальной гибели, о которых сказано в начале работы.

История России развивается сейчас под надвинувшейся тенью ее смерти. Многие великие народы ушли из истории. Ведь даже концепция инока Филофея о Москве — Третьем Риме, которую так часто интерпре-

тируют в духе «русского мессианизма», исходит из факта падения Первого Рима и Второго Рима (Константинополя). Причем она отнюдь не утверждает «вечности» Третьего Рима (Москвы) и даже сурово предупреждает против соблазнов, которых надо избежать, чтобы он устоял. Утверждается только, что «Четвертому Риму не быть». Но не закрывается и возможность иного исхода:

И Третий Рим лежит во прахе,
А уж Четвертому не быть.

Решение же — в той мере, в какой оно зависит от сил человеческих, — находится в наших слабых руках, зависит от нашей веры в Россию, готовности на жертву ради нее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр.: *Pointing C.* The Green History of the World. 1991. P. 387 – 392.

2. *Козлов В. И.* Вымирание русских: историко-демографический кризис или катастрофа? // Вестник Российской Академии наук. 1995, № 9. С. 771.

3. Там же.

4. Демографический ежегодник СССР. 1990. С. 181 — 185.

5. *Козлов В. И.* Указ. соч. С. 775.

6. *Тацит Корнелий.* Анналы. Кн. I. С. 11.

7. *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926. P. 311,315.

8. Ibid. P. 103.

9. Ibid. P. 124.

10. Ibid. P. 351, 414.

11. Ibid. P. 318,352.

12. *Seeck O.* Geschichte des Untergangs der Antiken Welt. Bd. I. Berlin, 1910.

13. *Мейер Э.* Экономическое развитие древнего мира. 1910. С. 81.

14. *Rostovtzeff M.* Указ. соч. С. 424.

15. *Полибий.* Всеобщая история. Кн. 37. С. 9.

16. *Мейер Э.* Указ. соч. С. 67.

17. *Транквилл Гай Светоний.* Жизнеописание двенадцати цезарей. Август. С. 42.

18. *Мейер Э.* Указ. соч. С. 83, 85.

19. *Seeck O.* Op. cit. P. 358.

20. *Rostovtzeff M.* Op. cit. P. 311, 313.

21. *Ковалев С. И.* История античного общества. Эллинизм. Рим, 1936. С. 260.

22. *Rostovtzeff M.* Op. cit. P. 417, 419, 421.

23. Ibid. P. 362, 380.

24. *Виппер Р. Ю.* Рим и раннее христианство. 1954. С. 212.

25. См. об этом статью Прохорова Г.М. в Трудах Отдела русской литературы Института русской литературы Академии наук СССР. 1979. Т. 34. С. 3 — 17.

26. Постановление III съезда КПРФ // Правда, 1995, 3 марта.

27. См.: Тезисы к разработке Программы Коммунистической партии РФ. Приняты Пленумом ЦК КПРФ 15 марта 1994 // Правда России, 1994, 24 марта.

28. Странное покаяние // Советская Россия, 1995, 26 декабря.

29. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Издание 2-е. Т. 4. С. 444.

30. *Ленин В. И.* Сочинения. Изд. 5-е. Т. 26. С. 10,304.

31. *Горький М.* Владимир Ленин (некролог) // Русский современник, Л. — М., 1924. № 1. С. 241.

32. Девятый вариант, или Некоторые советы В. И. Ленина Б. Н. Ельцину и В. С. Черномырдину по поводу Чечни // Советская Россия, 1996, 13 февраля.

33. *Ильин И.* Наши задачи. М., 1992. С. 282.

34. Творческая идея нашего будущего. Новосибирск, 1991. С. 9.

35. *Бабиков Г. В.* Еще раз об итогах выборов 1995 года (рукопись).

Опубликовано в журнале
«Наш современник», 1996, № 7.

ПОЧЕМУ РУССКИЕ ТЕРПЯТ?

Это явление — терпение русских — в наше время, пожалуй, проявляется поразительнее, чем когда-либо. Но сам вопрос очень старый. Еще Некрасов упрекал русский народ:

> Чем был бы хуже твой удел,
> Когда б ты менее терпел?

Тут сразу вспоминается и предисловие А. К. Толстого к его повести «Князь Серебряный». Он говорит:

«Он (автор) сознается, что при чтении источников книга не раз выпадала у него из рук и он бросал перо в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования».

Даже эпиграф он берет из «Анналов» Тацита: «И я не стал бы просить у читателей в свое оправдание ничего другого, кроме позволения не ненавидеть (! — *И. Ш.*) людей, так равнодушно погибающих». Поражает слепота Толстого по отношению к мировоззрению эпохи, быт и нравы которой он так тонко воссоздал. Он, видимо, желал бы, чтобы бояре времени Грозного создали какие-то масонские кружки вроде наших декабристов, составили бы заговор, свергли бы царя и провозгласили конституцию или, на худой конец, Великую хартию вольностей! Нам, конечно, легче судить: мы видели, как нашими отцами и дедами все это было проделано. Хотя масштабы претензий к тому царю были не-

сопоставимы с эпохой Грозного, заговор был составлен, царь свергнут и расстрелян, но лучше от этого не стало никому, включая самих заговорщиков. Хотя Толстой и не мог задуматься над результатом этого исторического эксперимента, но он, несомненно, читал Карамзина, который, как бы обращаясь к будущему, писал об этой же эпохе:

«В смирении великодушном страдальцы умирали на лобном месте, как греки в Термопилах, за отечество, за веру и верность, не имея и мысли о бунте. Напрасно некоторые чужеземные историки, извиняя жестокость Иоаннову, писали о заговорах, будто бы уничтоженных ею: сии заговоры существовали единственно в смутном уме царя, по всем свидетельствам наших летописей и бумаг государственных. Духовенство, бояре, граждане знаменитые не вызвали бы зверя из вертепа слободы Александровской, если бы замышляли измену, взводимую на них столь же нелепо, как и чародейство. Нет, тигр упивался кровию агнцев — и жертвы, издыхая в невинности, последним взором на бедственную землю требовали справедливости, умилительного воспоминания от современников и потомства!»

Да и трудно согласиться с Толстым, что тогдашнее общество смотрело на Иоанна «без негодования». В разгар опричного террора митрополит Филипп в храме не допустил царя ко кресту. Князь Репнин, князь Оболенский-Овчина в лицо высказывали свое мнение Иоанну и его приспешникам. Все они за это поплатились жизнью. И ведь это только самые известные, так сказать, хрестоматийные примеры. Нет, видимо, «русское терпение» не сводится просто к пассивности, оно сплетается с жертвой, вообще — это более глубокое явление.

Недавно появилось исследование, в котором рассматривается это явление — русское терпение: книга К. Касьяновой «О русском национальном характере». При помощи тестов, привлекая литературу и фольклор,

автор стремится выделить основные национальные черты русских. Она приходит к выводу: «Терпение — это, безусловно, наша этническая черта и в каком-то смысле основа нашего характера». Из 30 тысяч пословиц, входящих в сборник Даля «Пословицы русского народа», больше всего как положительное качество оценивают «спасение» (часто под этим понимают монашескую жизнь). Но уже на втором месте стоит терпение, причем они иногда соединяются: «Без терпенья нет спасенья». Или терпение поддерживается божественным авторитетом: «Бог терпел и нам велел». Терпение автор понимает как фундаментальную жизненную установку, при которой во взаимодействии человека с окружающей его средой — обществом и природой — центр тяжести переносится не на преобразование среды, а на сотрудничество с ней.

С этой точки зрения терпение — это стратегия неагрессивного взаимодействия с миром, решения жизненных проблем не за счет насилия над миром и потребления его ресурсов, а в основном за счет внутренних, духовных усилий. И это особенно важно сейчас, когда так ясно, что ресурсы природы, которые человек может эксплуатировать, ограниченны, в то время как о границах духовных сил человека нам ничего не известно. Именно идеология, противоположная «терпению», — «фаустовский дух», а точнее взгляд на мир как на бездушный материал для деятельности человека, сформулированный в призыве к «покорению природы», — создала тот экологический кризис, который сейчас угрожает существованию человечества и всего живого на земле.

Есть и другой источник «русского терпения». Вся история русского народа переплетена с созданием большого, многонационального государства. Характер русского народа и способствовал этому процессу, и складывался под его влиянием. В результате русские —

народ государственный. Они с трудом идут на конфликт, который может потрясти государство. Самый яркий пример в истории, вероятно, — наше время. Английские докеры или горняки тщательно выбирают время, когда запасов угля меньше всего, и тогда объявляют забастовку, чтобы она больнее всего ударила по стране и шансы на победу были бы выше. А у нас появилась совершенно новая форма социального протеста: шахтеры голодают. Голодают и учителя, и врачи. Один академик голодал, другой — застрелился. Все они подобны тем боярам эпохи Грозного, которые предпочитали смерть смуте. Да страна сейчас и существует только за счет того, что большая часть ее населения работает фактически бесплатно: за плату, на которую ни они, ни их семьи существовать не могут.

Но если у русских возникает сомнение в том, что государство исполняет свою охраняющую и скрепляющую роль, если кажется, что оно — «ложное», то протест обращается не против частных форм эксплуатации, не против отдельных институтов, а против самого государства в принципе. Оно признается недостойным существования, приговаривается к уничтожению. Тогда и возникает «бунт — бессмысленный и беспощадный». Так, ряд историков (в частности, Ключевский) считают, что основной причиной восстания Пугачева были вовсе не тяжелые условия жизни тогдашнего населения Поволжья. Главным толчком было провозглашение «дворянских вольностей». После того как дворяне были освобождены от своих обязанностей перед государством, крестьяне стали ждать отмены крепостного права, когда же она не произошла, местное возмущение разгорелось в восстание. С этой же стороной русского характера связано и провозглашение Пугачевым себя Петром III, да и вообще частое появление самозванцев в России — это знак того, что движение протеста не направлено против основы государства.

Терпение в русской психологии тесно связано с жертвой — терпят, жертвуя чем-то, и часто трудно различить, является ли жертва необходимым признаком терпения или самоцелью. Жертва сама по себе обладает святостью. Любимыми русскими святыми (первыми канонизированными) были Борис и Глеб, весь подвиг которых состоял в том, что они принесли себя в жертву, приняли смерть «в подражание жертве Христовой». Сама жертва ценится выше победы. Один мой знакомый немец, долго живший в России и, казалось бы, хорошо ее понимавший, со смехом мне рассказывал, что видел в Севастополе памятник двум сражениям, проигранным русскими! Между тем для русского сознания это вполне естественно: памятник стоит не выигранному сражению, а жертве, принесенной ради России. Как и терпение, жертва не есть пассивное подчинение роковым обстоятельствам. Она дает силы народу в целом. И когда Александр Невский готовился к битве на Неве, один из его воинов видел ночью, как на ладье плыли святые Борис и Глеб, и слышал, как Борис говорил: «Брате Глебе, вели грести, да поможем сроднику нашему Александру».

В трудных ситуациях русские реагируют обычно, накапливая внешние раздражения, а потом отвечают взрывом энергии. Взрыв может быть направлен как на защиту государства, так и на его разрушение. Реакция первого типа имела место в Великую Отечественную войну или в конце Смутного времени, второго — в начале Смуты и в 1917 году. Сейчас народ накапливает внешние импульсы и терпит — пока.

Русское терпение имеет и еще один аспект, связанный с особенностями нашего времени. Могу здесь сослаться на свои впечатления. Несколько лет назад я был в Якутии. Сразу же я столкнулся с новым для меня словом — «якутизация». Так называют процесс постепенного вытеснения русских со всех руководящих по-

стов. Русский язык все больше заменяется якутским. Ответственные совещания, важные репортажи по радио и телевидению ведутся по-якутски. Районы переименованы в улусы, деревни — в наслеги. И это при том, что русские составляют 2/3 населения Якутии. Какова же реакция русских? Я слышал только об одной: русские уезжают. За один год из того района, где я был, уехало 10% жителей.

Через год я был в Чечне. Там для меня ошеломляющей новостью оказались рассказы о том, что пережило русское население в трехлетие правления Дудаева. Массовые убийства, похищения с целью получить выкуп, грабежи, изнасилования, русские рабы в зажиточных чеченских семьях. Я уж не говорю, что в Москве все это было полностью замолчано. Но в Чечне мне не удалось узнать ни про одну хотя бы попытку самозащиты русских. Единственная реакция — бегство. Бежало несколько сот тысяч человек, большая часть русского населения Чечни.

Еще через год я был в Риге. Положение русских там можно сравнить разве что с положением негров в Южной Африке, да не с теперешним, а каким оно было десять лет назад. И ни о каких серьезных попытках борьбы я не слышал. А ведь русские составляют 40% населения и подавляющую часть работников предприятий, от которых зависит жизнь страны: электростанций, порта. Да более того, подсчеты показывают, что, когда «проходил референдум о независимости Латвии», большая часть русских голосовала за независимость.

Поражает и то, как слаб интерес в России к судьбе русских, оказавшихся вне ее. Солженицын пишет: «Я на эту тему уже несколько раз по телевидению говорил. Во всех областях, где я был, почти везде о ней говорил, потому что болит сердце. Но поразительно, насколько другие темы нашей жизни вызывали сочувствие аудитории, отзыв мгновенный, а вот эта тема оставляла

равнодушными слушателей. Это ужасно. То есть мы потеряли ощущение нации, потеряли ощущение наших соотечественников, нам это не важно». Могу подтвердить своими впечатлениями. Как-то я выступал на радиоканале, где был телефон для звонков слушателей. Телефон звонил постоянно, так что получался очень интересный диалог. Но после меня выступал казачий есаул, рассказывавший о положении русских в Казахстане, где они вытесняются из всех верхних сфер жизни, лишены права на второе (русское) гражданство, автономию — того, что имеет множество народов в России. Как жестоко подавляются их попытки объединиться. При том, что в Казахстане русских больше, чем казахов, и живут они на своих коренных землях. И во время его выступления телефон не зазвонил ни разу!

Это уже не то упругое терпение, которое только увеличивает силы. Здесь ощущается слабость, потеря воли к самозащите. Как говорит Солженицын, потеря чувства нации. Такое ослабление национального самосознания совершенно естественно, хотя от этого не менее опасно. Много десятилетий подавлялись основные силы, формирующие русское чувство нации: православная вера, традиционная культура, крестьянский образ жизни, чувство значительности национальной истории. И в предшествующее десятилетие поток глумления обрушился на русскую историю и сам духовный тип русского человека. А в самые последние годы произошла трансформация, может быть, самая разрушительная для национального самосознания русских: большая часть прессы и фактически все политические деятели, от верных слуг Международного валютного фонда до марксистов-ленинистов, объявили себя рьяными русскими патриотами. Хотя в конкретных вопросах (Чечня, Севастополь...) их позиции тоже сходятся, но уже на решениях, противоположных интересам русского народа и государственности.

В такой период ослабления национального сознания процесс накопления раздражения, предшествующий взрыву, растягивается. Но вряд ли можно сомневаться, что взрыв произойдет. Трудно себе представить, чтобы его можно было предотвратить. А от наших усилий может зависеть только то, как он будет направлен: на разрушение государства, окончательно воспринятого народом как «ложное», изменившее своей цели, или — на его воссоздание и укрепление.

Статья написана по предложению журнала «Российская провинция», но не была опубликована.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ МАСОНСТВО В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Доклад на конференции «Ложи, лобби, секты». Милан. 15 мая 1999 г.

Вопрос о масонстве — деликатный. С одной стороны, клятвы, шпаги, черепа и т. д. вызывают некоторый сенсационный интерес. С другой — члены организации очень неохотно рассказывают о деталях своей деятельности (да их к этому обязывает и клятва). В результате возникает множество слухов и часто необоснованных догадок. А это, в свою очередь, вызывает нападки на любые исследования деятельности масонов, эти исследования часто выставляются в комичном виде, как глупые выдумки и фантазии. Таким образом, литература здесь большая, но выделить в ней достоверную часть трудно.

Сейчас в России тема масонства модная. Написано множество книг, изобилующих подробностями, списками масонов — теперешних или бывших. Однако достоверность сообщаемых фактов, как правило, с трудом поддается проверке. Тем самым важная тема компрометируется в общественном сознании.

Конечно, отбор «заслуживающих доверия» источ-

ников — вопрос субъективный. В дальнейшем я буду опираться лишь на факты, подтвержденные несколькими свидетельствами одновременно или опубликованные в масонских источниках.

Напомню, что революция 1917 года в России началась в начале года — в феврале — народными волнениями в столице (Петрограде) и через несколько дней привела к крушению монархии. А в конце года — в октябре — власть в Петрограде захватили большевики. Эти два этапа революции во многих отношениях очень различны. Достаточно достоверные сведения об участии масонов имеются лишь по поводу первого (Февральская революция). О нем в основном я и хочу рассказать.

Как часто бывает в истории масонов, об участии их в каком-то событии становится известно лишь несколько десятилетий спустя. И в нашем случае лишь после конца Второй мировой войны стали появляться достаточно убедительные источники. Например, в фонде Гувера в США хранились интервью ряда видных масонов, эмигрировавших из России, которые можно было опубликовать лишь после их смерти. Теперь эти фонды открыты и свидетельства опубликованы. Вопрос стал «респектабельным» и рассматривается в ряде исторических книг и журналов.

В XIX веке в России были запрещены политические партии и тайные общества — включая и масонские. Ряд русских участвовали, будучи за границей, в работе иностранных лож, но в России лож, по-видимому, не было. В 1905 году Россия стала конституционной монархией и была разрешена свобода партий и ассоциаций граждан. Можно считать, что с 1906 года начинается новый период истории масонства в России. (Мы исключаем XVIII и начало XIX века, когда масонство тоже играло видную роль.)

Инициатива принадлежала известному историку и

социологу Максиму Ковалевскому (его учеником и секретарем до последних дней его жизни был знаменитый социолог Питирим Сорокин, после революции эмигрировавший в США и основавший свою школу в Гарварде, из которой вышли многие политические деятели США, включая президента Кеннеди). Из-за своих либеральных взглядов Ковалевский 18 лет прожил за границей, а в 1905 году вернулся в Россию. В том же году он встретился с наиболее известным представителем леволиберального течения в России П. Милюковым и посоветовал ему не упускать возможности воспользоваться многовековым организационным опытом масонства и заручиться таким образом поддержкой Запада для русского «освободительного» (то есть антимонархического) движения. Милюков отказался присоединиться к масонству, но с другими Ковалевский имел успех. К этому времени Ковалевский принадлежал к французскому масонству и в 1906 году запросил у совета «Великого Востока» Франции разрешение на открытие ложи в России (факсимиле этого письма воспроизведено в журнале «The Slavonic Review», 1966, July, XXXIV). Разрешение было дано, и в 1906 году в Москве была открыта ложа «Возрождение», работавшая по французскому ритуалу. Другая ложа, «Полярная звезда», была вскоре основана в Санкт-Петербурге.

1906 — 1908 годы — это период становления русского масонства. Ряд лиц были приняты в масонство, учреждено несколько новых лож. Они учреждались как «Великим Востоком», так и «Великой ложей» Франции. Вся работа происходила в тесном сотрудничестве с французским масонством. Направлялись «братские» миссии из России во Францию и из Франции в Россию. Всего было открыто 9 лож в городах и велись переговоры об открытии новых лож. В 1908 году состоялся съезд (конвент), сформировавший Верховный совет русского масонства. Масонство в России не было лега-

лизовано и в сношениях с масонами других стран пользовалось «рекомендательными письмами» «Великого Востока» Франции. Представители русского масонства посетили ряд стран и, как сообщают, «установили нужные отношения».

Особенно обстоятельные переговоры велись с турецким масонством, где русские представители ознакомились с системой масонской пропаганды в армии. В Турции незадолго до того (в 1908 г.) произошла революция, лидеры которой — младотурки — в основном принадлежали к масонству. Состоялись встречи с их лидерами — Энвер-пашой и Талаат-пашой. По иронии судьбы связь с турецкими масонами обеспечил русский масон армянской национальности через живших в Турции армян, а вскоре именно младотурки-масоны стали инициаторами армянской резни в Турции (за что, в частности, Талаат-паша в 1918 году был убит армянским студентом).

Близость с французскими и турецкими масонами, очень политически активными, стимулировала политическую активность и русского масонства. В это время масонством заинтересовалась и полиция. Даже царь Николай II запросил главу департамента полиции: существует ли в России масонство, стремящееся к свержению монархии и уничтожению религии? К тому моменту у полиции никаких данных не оказалось. Но постепенно несколько агентов полиции были внедрены в ложи. В свою очередь, об этом стало известно Верховному совету. Тогда масонство прибегло к испытанному приему: все ложи были «усыплены», то есть было объявлено о прекращении их деятельности. В 1910 — 1911 годах формируются новые ложи с более строгим отбором членов. В целом можно сказать, что масонство «переиграло» полицию — к моменту революции в руках у полиции оказалось чрезвычайно мало сведений о деятельности и членстве лож.

Вновь организованное масонство начинает свою деятельность с 1912 года. Некоторые авторы (в том числе и некоторые масоны) склонны преувеличивать его размеры. В одном масонском свидетельстве говорится, что «сетью лож была покрыта вся Россия». Но более правдоподобны другие свидетельства, согласно которым в России было 40 — 50 лож. В столице к масонству принадлежало 95 человек, во всей России — 350 — 400. Предпочитали, чтобы в ложу не входило более семи человек (тогда их встречи труднее было установить полиции), но в случае необходимости создавались и большие ложи.

При такой малочисленности масонство было элитарным. В него в основном входили влиятельные лица — или такие, которые смогут стать влиятельными (что вполне оправдалось после революции). Особенно много масонов было в парламенте (Думе) — «Думская ложа», или «ложа Розы». Существовала «военная ложа» из числа влиятельных военных, «литературная ложа» — из влиятельных писателей и журналистов, большое число масонов было в адвокатуре, общественных организациях, философских и религиозных кружках, стремившихся к «независимому» или «современному» пониманию христианства, в профессуре.

Организация масонства была окончательно утверждена на конвенте 1912 года. Впервые было заявлено, что теперь русское масонство не является ответвлением французского. Был создан «Великий Восток народов России». (Название было принято после долгих дебатов: первоначально предлагавшееся «Великий Совет России» не удовлетворяло тем, что «Россия» занимала в нем слишком видное место.) Реальным главой всего масонства был секретарь Верховного совета (состав его был известен лишь трем счетчикам) — он сносился с отдельными ложами.

Цели масонства формулировались так: «защита

прав человека и гражданина», «борьба за политическое освобождение России», «принципы французской революции 1789 года в их наиболее первобытном — неискаженном — виде», «объединение всех прогрессивных элементов», «создание братской общности и моральное усовершенствование».

Один влиятельный масон (одно время — секретарь Верховного совета) сформулировал цель организации как согласование «действий разных политических партий, поскольку они борются против самодержавия». Другой, социал-демократ, получил приглашение от своего партийного товарища вступить в ложу с такой формулировкой: «Эта организация по своим задачам носит определенно революционный характер, она стремится к насильственному перевороту, она представляет собой значительную силу, будучи довольно широко распространена в интеллигентских кругах». В одном свидетельстве говорится: «Очень характерной для настроений подавляющего большинства организации была ненависть к трону, к монарху лично — за то, что он ведет страну к гибели».

Вместе эти формулировки достаточно ясно характеризуют политическое масонство. Это была тайная организация для изменения существовавшего тогда строя в либерально-демократическом духе. Причем ее характер давал возможность объединить представителей разных слоев общества (аристократов, политических деятелей, журналистов, миллионеров, даже террористов) и членов разных левых партий, которые иначе не могли бы вступить в контакт.

Слова о «братском общении» тоже не были лишь маскировкой. Это была специфическая техника общения людей очень разного типа, не позволявшая тем не менее организации распасться. Видимо, здесь сказался многовековой опыт масонства. Заседания лож состояли из обмена информацией и «дебатов». «Дебаты» предпо-

лагали обсуждение насущных вопросов, в основном политических. Они могли способствовать выработке единства взглядов. Если же они принимали слишком острый характер, то председательствующий их немедленно прекращал. Разумеется, Верховный совет имел возможность оказывать давление на отдельных членов (например, обеспечивая успех их карьеры) и таким способом пытался добиться единства взглядов. «Братство» обязывало также к взаимной поддержке в любой сфере деятельности (вплоть до аплодисментов брату при его выступлении) и тем тоже способствовало сплоченности организации.

Вся деятельность лож была тщательно засекречена. Не велось протоколов заседаний, вообще не осталось почти никаких документов, отражающих их существование. В результате несколько десятилетий не появлялось никаких сообщений о деятельности масонства. Эта секретность имела важный смысл. Некоторая группа (фракция в парламенте, философское общество и т. д.) могла иметь в своей среде сплоченную масонскую группу и не догадываться об этом. В результате иногда принимались решения, казавшиеся непосвященным членам группы непонятными и только много лет спустя разъяснявшиеся как результат влияния масонского ядра.

Ядром масонства был Верховный совет. Он являлся идеологическим центром движения. Нет, однако, никаких убедительных оснований считать его «штабом» всего существовавшего тогда леволиберального направления, враждебного тогдашнему строю. Но существование такого центра, сплоченного и располагающего большими возможностями для влияния на общественное мнение, нельзя недооценивать.

Лишь учитывая этот фактор, можно объяснить то загадочное явление, что «общественное мнение» тогда оказывалось подчиненным четким концепциям, лозун-

гам, «мифам» — и это без радио и телевидения. Например, господствовало убеждение, что тогда (во время начавшейся уже войны) правительство и двор ведут тайные переговоры с врагом, готовят сепаратный мир. Особую роль играло здесь немецкое происхождение царицы. После революции была создана особая комиссия для расследования действий дореволюционной власти — и никаких следов таких тенденций не нашли (а начисто выдумывать еще не научились). Второй миф — о всевластии Распутина, приближенного к царице крестьянина, претендовавшего на особые духовные данные, и особенно о его эротических связях с царицей. Первое утверждение оказалось чудовищно преувеличенным, второе — не имеющим вообще никаких оснований. В этом вопросе удалось даже конкретно проследить масонское влияние. Противники Распутина (в частности, тогдашний премьер Столыпин) пытались настроить царя против него, уверяя, что он принадлежит к одной распространенной секте (хлыстов). Тогда через масонские связи удалось привлечь одного большевика, знавшего сектантов, так как он вел среди них революционную работу. Он убедительно доказал, что Распутин к этой секте не принадлежит, эту статью напечатали в распространенной газете и довели до сведения царя.

Наконец, третий миф заключался в том, что недостаток земли, на который жаловались крестьяне, может быть компенсирован разделом крупных поместий. На деле помещикам принадлежало немногим более 10% пригодной к обработке земли, и когда крестьяне после революции поделили всю землю, то через десять лет размер пашни на одно хозяйство стал меньше, чем до революции. А требование «отчуждения помещичьих земель» стояло в программах всех левых партий.

В масонском Верховном совете существовало два взгляда на пути изменения существовавшего тогда

строя. Одна группа исходила из метода политической агитации и эволюционного изменения. Так были ориентированы и постановления Верховного совета. Но была влиятельная группа, пропагандировавшая насильственный путь смены власти. Ее влияние росло с неудачами России в войне. (Сейчас видно, что неудачи эти были очень преувеличены антиправительственной агитацией: немцам удалось захватить только некоторые западные провинции России. Например, положение Франции было гораздо более угрожающим, во французской армии происходили крупные бунты.) Но оба течения сходились на том, что категорически были против революции типа народного восстания. Они называли ее «неуправляемым хаосом» и считали, что именно их действия могут ее предупредить.

Поэтому и сторонники насильственной смены власти планировали «революцию сверху», то есть заговор, который должен был обеспечить смену монарха и либеральную конституцию английского типа. В последний год перед революцией (1916-й) сложилось даже два таких заговорщицких центра. Один складывался вокруг руководителя Союза организаций местного самоуправления князя Г. Е. Львова — этот союз играл во время войны значительную экономическую роль и имел вполне определенную леволиберальную политическую ориентацию. Предполагался арест царя, замена его другим членом царской семьи, провозглашение либеральной конституции и формирование правительства с главой заговора в качестве премьер-министра. Другой заговор был более детально продуман. Его составляли видные военные и лица, близкие к военной среде. Возглавлял его будущий военный министр Временного правительства А. И. Гучков. Предполагалось, что царский поезд будет остановлен на пути из столицы в Ставку (куда царь часто ездил как Верховный главнокомандующий), его заставят отречься в пользу сына с

приемлемым для заговорщиков регентом и опять с изменением конституции. Оба заговора зрели медленно, участников выбирали осторожно. В обоих случаях сам переворот планировался на конец 1917 года. Что касается руководителей обоих заговоров, то по поводу их принадлежности к масонству есть свидетельства и мнения противоположного характера — и «за», и «против». Но окружение их, судя по имеющимся теперь сведениям, было полностью масонским. Так что в литературе их часто оправданно называют «масонскими заговорами».

Оба заговора формировались очень медленно, и за развитием событий не поспели. Революция произошла в начале 1917 года (в конце февраля). Переворот был совершен массовым выступлением рабочих петроградских заводов и воинских частей, расположенных в Петрограде. Это был отнюдь не «бунт бедноты». Речь шла о рабочих крупных военных заводов. Они были освобождены от мобилизации и получали оплату значительно выше средней. Присоединившиеся к ним войска не были воевавшими частями. Их только готовили к отправке на фронт, и многие из них этого не хотели. Как стало возможным это массовое выступление, которое смело власть, фактически неизвестно. Лучший историк этого периода Г. Катков пишет: «Когда мы говорим, что Февральская революция произошла стихийно, мы фактически говорим, что не знаем, как она произошла». Перед этим массовым выступлением власть капитулировала без борьбы. Царь отрекся в пользу брата, который сразу же тоже отрекся. Министры были арестованы какими-то энергичными людьми из толпы. На улицах стали убивать полицейских, избивать офицеров.

Здесь совершился перелом в истории России, во многом предопределивший ее дальнейшее течение. И по поводу этого события имеется множество свидетельств, указывающих на масонское влияние, а в некоторых случаях — на решающую роль масонства.

Само центральное событие — выступление в Петербурге больших масс рабочих и солдат — было совершенно противоположно масонской идеологии. Но то, что это массовое выступление не встретило практически никакого сопротивления, что власть мгновенно рассыпалась, является результатом подготовительной работы, в которой роль масонства была очень велика. Многие руководящие военные и политики были вовлечены в упомянутые выше «масонские заговоры» или знали о них и сочувствовали им. Поэтому вести о происшедшем в Петербурге воспринимались как осуществление неизвестной дотоле детали заговора и не вызывали никакой попытки сопротивления. Даже отречение царя произошло в точности по сценарию одного из заговоров, и принял его как раз руководитель этого заговора.

После распада власти образовались одновременно два органа, претендовавшие на власть в России, в какой-то мере взаимодействовавшие; эта эпоха и называется иногда двоевластием. Одним центром было правительство, сформированное влиятельными членами парламента (Думы). Оно называлось Временным правительством. Другим — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и его Исполнительный комитет, претендовавший на то, чтобы представлять «народ». В обоих случаях масонское влияние сейчас может быть отчетливо выявлено.

В период между Февральской и Октябрьской революциями состав Временного правительства несколько раз менялся. Но всегда в нем сохранялось большое и влиятельное масонское ядро. Например, первый состав Временного правительства — 11 человек — содержал 5 очень влиятельных и активных масонов. Но весьма вероятно, что масонами были и некоторые другие члены. Большинство исследователей считают, в частности, что видным масоном был премьер-министр князь Львов.

Он возглавлял правительство до июля 1917 года. Премьер-министр Временного правительства следующих составов А. Ф. Керенский был не только масоном, но одно время — секретарем масонского Верховного совета, то есть главой русского масонства. Формирование Временного правительства происходило под явным масонским влиянием. Впоследствии некоторые политики рассказывали, как они были поражены тем, что видные посты занимали до того совершенно неизвестные люди — например, министр финансов Терещенко. Теперь известно, что он был влиятельным масоном и входил в «масонский центр» в ряде составов Временного правительства.

Из воспоминаний известно, например, что в 1916 году дома у одного политического деятеля (масона) собрались те, что потом назывались «представители разных партий», и составили список будущего правительства России. В этот список вошли почти все имена, составившие год спустя Временное правительство. Трудно представить себе, как могли собраться вместе члены столь разных партий иначе, как на масонской основе. С другой стороны, в советском журнале «Красный архив» был опубликован загадочный документ, датированный 1915 годом. Он называется «Диспозиция № 1» и подписан: «Комитет народного спасения». В нем излагается довольно точно программа леволиберальной оппозиции (соответствовавшая идеологии масонского Верховного совета). Но, что наиболее интересно, сообщается, что для выполнения программы будет создан «штаб». Создание его поручается «основной ячейке» из трех лиц. Вот объединение этих трех лиц вместе казалось бы просто нелепым в 1915 году, но в 1917-м они оказались министрами и даже ядром Временного правительства (включая премьера). Некоторые исследователи приписывают этому документу масонское происхождение.

Второй центр власти — Совет рабочих депутатов — создавался в основном самоназначением и кооптацией. Первый шаг был сделан, как только стало известно о волнениях и крушении власти. На квартире социал-демократа по фамилии Гиммер собралось несколько политиков разных партий социалистического направления. Они-то и создали первый состав Исполнительного комитета Петроградского Совета. Но как они собрались? В своих воспоминаниях Гиммер (Суханов) рассказывает, будто некоторые зашли узнать новости, другим позвонили по телефону. Но современные издатели этих воспоминаний утверждают, что собрание было созвано по масонской инициативе. Первый председатель Петроградского Совета был масон. Среди его заместителей — еще два масона. Другой видный масон, поддерживавший связь масонского Верховного совета с Петроградским Советом рабочих депутатов, вспоминает, что разговаривать с его председателем было весьма просто. В случае необходимости он говорил ему: «Чего ты кочевряжишься, ведь все наши так решили, надо исправить ваше решение и сделать по-нашему». Правительство в согласии с Петроградским Советом создавало новую администрацию, которой могло доверять: комиссаров в армии или в других областях. Эти назначения в значительной мере происходили по линии «братских связей».

Ни Временное правительство, ни Петроградский Совет рабочих депутатов почти никакой реальной властью не обладали — все больше господствовала анархия. Но эти два центра видимой власти больше всего опасались «реакции» и главную опасность видели в армии. Поэтому первые месяцы после Февральской революции значительные усилия были направлены на ослабление армии, создание и там того же уровня анархии, который господствовал в столице. Первым (и имевшим громадные последствия) действием был так

называемый «Приказ № I». В нем предписывалось каждой воинской части подчиняться выбранному ею комитету. Оружие предписывалось отдать под контроль этих комитетов и не выдавать его офицерам «даже по их требованию». «Приказ» означал конец всякой дисциплины. Он был санкционирован Временным правительством и Петроградским Советом, где руководящую роль играли масоны. Но и непосредственно текст его был написан видным масоном Соколовым. Разрушение армии происходило все время: например, верховному командованию было предписано произвести чистку генералитета и уволить несколько сот генералов «консервативных взглядов». В результате ряда подобных действий армия стала небоеспособной. К тому же ухудшилось продовольственное положение, из-за забастовок падало производство.

Во второй половине 1917 года стало очевидным, что страна воевать не способна. Выход ее из войны был очень нежелателен западным союзникам России. В Россию была направлена французская делегация во главе с Альбером Тома, министром вооружений и масоном. В нее входил и Марсель Кашен, также масон, в будущем один из основателей французской компартии. Поскольку глава Временного правительства также был масоном, на него могло быть оказано влияние по «братской» линии. Многие исследователи видят в этом одну из причин того, что Россия не прекратила «на разумных условиях» безнадежную войну. В эмиграции, однако, русские масоны горячо доказывали, что русское масонство не было подчинено французскому.

В результате правительство утратило практически контроль над страной, и в октябре 1917 года большевики захватили власть с ничтожными силами, не встретив никакого сопротивления.

Таким образом, эпоху между Февральской и Октябрьской революцией можно считать периодом наи-

большего влияния масонства в России. За это время произошло полное уничтожение государственной власти. С самых первых дней толпа убивала полицейских, жгла полицейские участки, горели дела преступников. Потом рядом целенаправленных мер разрушалась армия. Приходил в упадок транспорт. Либеральная агитация, которая велась и до того, точно так же разрушала духовные связи, соединявшие народ, — монархические и религиозные чувства. Все эти действия можно сравнить с введением в организм яда, который его парализует. Народ и оказался парализованным, люди перестали чувствовать себя единым народом. В таком парализованном состоянии власть могло захватить любое решительное меньшинство. Больше шансов было у тех, кто был готов идти на более радикальные меры.

Строй, установленный большевиками, они назвали «диктатурой пролетариата». Этому термину Ленин дал следующее определение: «Власть, осуществляемая партией, опирающейся на насилие и не связанной никакими законами». Его близкий соратник Пятаков разъяснил, что главное — в «несвязанности никакими законами». Он пишет: «Все, на чем лежит печать человеческой воли, не должно, не может считаться неприкосновенным, связанным с какими-то непреодолимыми законами»; «Тогда область возможного действия расширяется до гигантских размеров, а область невозможного сжимается до крайних пределов, до нуля». Это и есть та идеология, в которой политический террор был лишь одной из деталей.

Я хотел бы указать на параллель с Великой французской революцией. Там тоже различаются два периода. Первый — это 1788 — 1790 годы: агитация за созыв Генеральных штатов, их конфликт с королем, взятие Бастилии, «поход на Версаль», водворение короля в Париж и власть жирондистов. Второй период — якобинский террор. В первый период почти все основные деятели принадлежат масонству. Цель — разрушение

аппарата государства. Во второй период как раз все масонские лидеры гибнут на гильотине. Глава французского масонства герцог Филипп Орлеанский сначала распускает ложи, но потом все равно не избегает казни.

В продолжение этой аналогии можно указать, что неизвестно какого-либо заметного масонского влияния среди большевиков. После революции немногочисленные оставшиеся ложи, даже чисто мистические, преследуются. На IV конгрессе Коминтерна принимается даже резолюция о несовместимости принадлежности к масонству и к компартии. (Правда, я не могу объяснить, каким образом масонский символ — пентаграмма — стал официальным символом большевистской власти.)

Я далек от мысли, что описанная мною ситуация типична для всех проявлений масонства в истории. Видимо, масонство выработало две стратегии. Первая — чисто разрушительная. Это борьба с традицией, со скрепляющими народ связями — монархическими чувствами, традиционной религией, укоренившимися нравственными устоями, патриотизмом. В результате разрушается государство и в конце концов гибнут или вынуждены бежать и сами деятели этого направления. Их судьбу можно сравнить с судьбой раковых клеток, убивающих организм и гибнущих вместе с ним. В этом процессе масоны, конечно, не единственная действующая сила. Речь идет о разрушении того, что Макс Вебер называет «традиционным обществом», и замене его чисто городским, техническим, искусственным обществом, лишенным национальной и религиозной традиции. Здесь действует либерализм во множестве организационных форм, одной из которых является масонство. Один из наиболее глубоких исследователей аналогичных процессов во время Великой французской революции — Огюстен Кашен — замечает, что и тогда со «старым порядком» боролся целый слой людей, объединившихся в академии, клубы, секции, ложи. Он охватывает

их единым понятием «малый народ» — как противостоящий всему «большому народу».

Но история Запада в XIX и XX веках указывает и на другую роль масонства в обществе, где уже победили либерально-демократические принципы: это управление через политические партии, средства информации, манипулирование сознанием.

В своем докладе я ставил себе цель иллюстрировать только первую из этих двух стратегий на примере одного периода истории своей страны.

Конечно, привлекательно было бы не оставаться только в прошлом, а попытаться узнать нечто о масонском влиянии в современной России. К сожалению, об участии масонов в каком-либо событии обычно становится известно лет через тридцать или пятьдесят после этого события.

Тем не менее сообщения об открытии лож в современной России имеются. Например, французский журнал «Экспресс» уже в 1992 году опубликовал статью «Масоны завоевывают Восток», где сообщается об открытии многих лож в странах Восточной Европы, и в частности в России. Как пишет журнал, в обстановке абсолютной секретности и тщательного отбора были открыты ложи «Северная звезда» (от «Великого Востока» Франции), «Новиков» (от «Великой ложи» Франции), «Гармония» (от «Великой национальной ложи» Франции). На фотографии представлены члены ложи «Новиков» — участники путча 1991 года, приведшего Ельцина к власти. Журнал сообщает, что запланировано открытие еще одной ложи — «Свободная Россия». Предвидится создание независимого «Великого Востока России». В той же статье — жалобы на появление в России большого числа книг о масонстве, цитируются некоторые их названия, например: «Террористы из П2 возвращаются».

Еще раньше масонская пропаганда стала предметом передач радио «Свобода». Эта радиостанция, финанси-

руемая конгрессом США и созданная как орудие «холодной войны», вещает на всю территорию бывшего СССР в течение 24 часов в сутки, и передачи ее имеют очень агрессивный антирусский характер. Передача обрисовала масонство в самых теплых тонах и сообщила, что «Россия более других стран нуждается в масонстве».

К сожалению, все подобные факты не дают представления ни о размере масонского влияния в современной России, ни — что было бы важнее всего знать — о его характере. Впрочем, здесь все же вскрывается одна деталь. Радиостанция «Свобода» сообщает, что в Париже уже создана ложа, чтобы «способствовать распространению масонства в России». Ее адрес: рю Пито, 8 (8, ru Puteau). По-видимому, это здание традиционно принадлежало масонству, так как оно упоминается в одном старом документе еще 1924 года, на который обратил внимание М. В. Назаров. Это письмо одного эмигранта — масона невысокого градуса, находившееся у историка Николаевского, переданное им в фонд Гувера и опубликованное только в 1990 году. Автор сообщает, что побывал как раз на рю Пито, 8 и был очень смущен, когда оказался на празднестве, посвященном чествованию дьявола. Там читался акафист, восславлявший самого «героя дня», прерывавшийся возгласами «О, Сатана, брат Человека!» (O, Satan Frere des Hommes!). (N.B. «Братьями» масоны называют друг друга.)

Впрочем, по таким совпадениям нельзя, конечно, делать выводы о характере современной масонской «работы» в России. Тот, кто проживет еще лет пятьдесят, узнает, возможно, нечто более конкретное.

На русском языке опубликовано:
«Московский журнал», 1999, № 10.

СОДЕРЖАНИЕ

Шафаревич Игорь Ростиславович

ЗАЧЕМ РОССИИ ЗАПАД?

Ответственный редактор *Л. Елисеева*
Редактор *В. Маршков*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Попова*
Корректор *С. Игнатова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

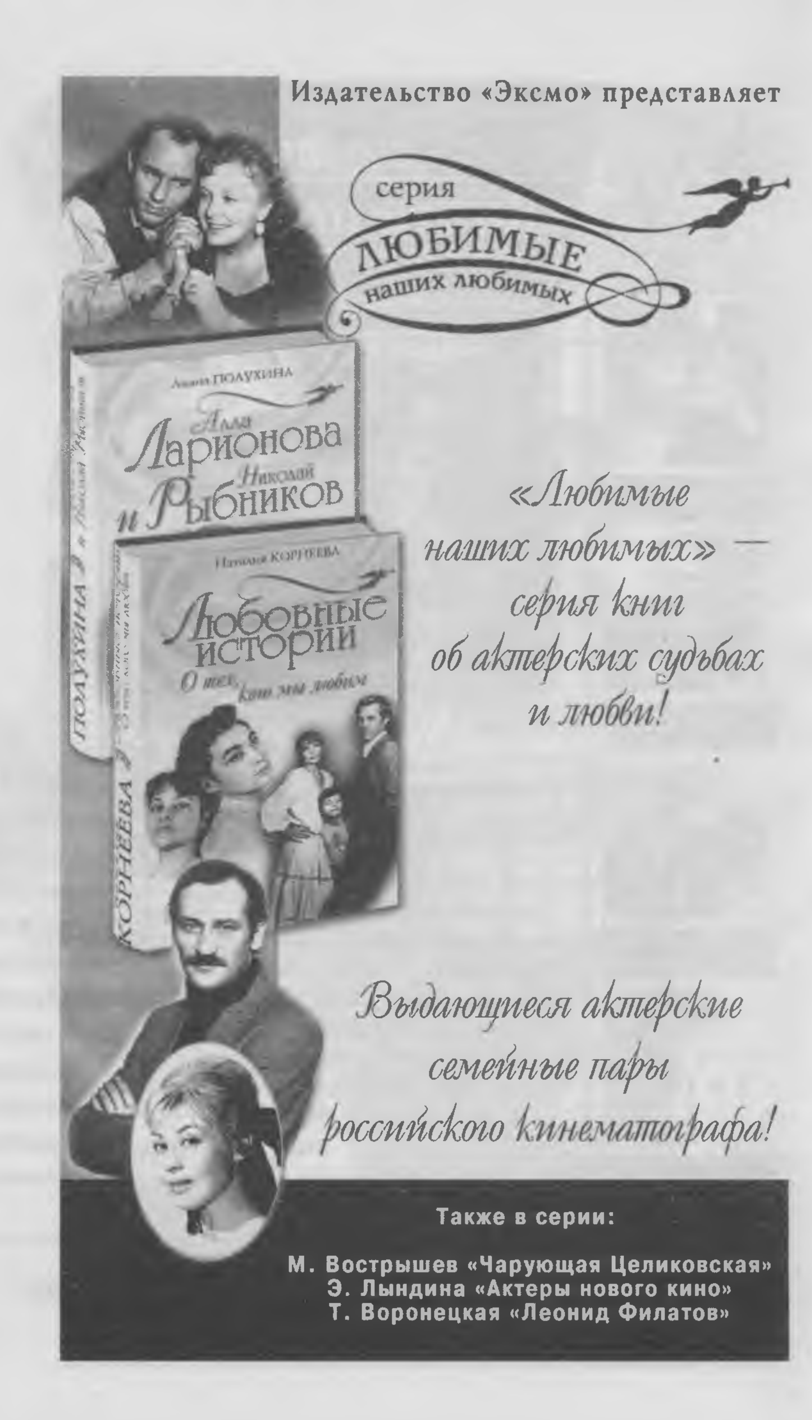
Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать 21.07.2005.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 16,4.
Тираж 4000 экз. Заказ 2332.
Отпечатано с готовых диапозитивов издательства
на ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон:(0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Издательство «Эксмо» представляет
серия
ЛЮБИМЫЕ
наших любимых
Алла Ларионова и Николай Рыбников
Любовные истории
О тех, кого мы любим
«Любимые
наших любимых» —
серия книг
об актерских судьбах
и любви!
Выдающиеся актерские
семейные пары
российского кинематографа!
Также в серии:
М. Вострышев «Чарующая Целиковская»
Э. Лындина «Актеры нового кино»
Т. Воронецкая «Леонид Филатов»

Зачем России Запад?

По мнению выдающегося мыслителя нашего времени И. Р. Шафаревича, единой истории человечества нет, а были только разные цивилизации: Месопотамская, Египетская, Античная, цивилизации Центральной и Южной Америки и другие. Каждая из них пережила молодость и зрелость, упадок и гибель.

Последние 500 лет прошли под знаком западной цивилизации. Однако Запад сейчас на закате своего развития и, вероятнее всего, XXI век станет веком его гибели.

Будущее России — в самих ее руках. Россия может разделить судьбу Запада и погибнуть, но может пойти самобытным путем. И тогда она, ее народ не исчезнут с лица земли.

ISBN 5-699-12786-0

